ISSN 2072-8522 (print)
ISSN 2310-7278 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия Русская филология

СЛОВЕСНЫЙ ОБРАЗ «ОБЛАКА ДВИЖУТСЯ» В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ДНЕВНИКОВ М. М. ПРИШВИНА

СВЕТ, БЛЕСК И СИЯНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ПРОЗЫ М. М. ПРИШВИНА

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА Н. М. КАРАМЗИНА В СТАТЬЕ «ПАНТЕОН РОССИЙСКИХ АВТОРОВ»

ИСТОРИЗМ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КАВКАЗСКОМ ЦИКЛЕ РИСУНКОВ ЛЕРМОНТОВА 1840–1841 ГОДОВ

2023 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print) 2023 / № 1 ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобр-науки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2072-8522 (print) 2023 / № 1 ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:
Шаповалова Т. Е. – д-р филол. наук, проф., МГОПУ
Заместитель главного редактора:
Герасименко Н. А. – д-р филол. наук, проф., МГОПУ
Ответственный секретарь:
Леденёва В. В. – д-р филол. наук, проф., МГОПУ
Члены редакционной коллегии:
Аврамова В. Н. – доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);
Алексеева Л. Ф. – д-р филол. наук, проф., МГОПУ;
Аношкина В. Н. – д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Воропаев В. А. – д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;
Гусман Т. Р. – д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);
Киселева И. А. – д-р филол. наук, проф., МГОПУ;
Колларова Э. – доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);
Копосов Л. Ф. – д-р филол. наук, проф., МГОПУ;
Моторин А. В. – д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;
Нагорный И. А. – д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);
Норман Б. Ю. – д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);
Петров А. В. – д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);
Рацибурская Л. В. – д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;
Супрун В. И. – д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;
Титаренко Е. Я. – д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;
Шаталова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГОПУ;
Шеншина В. А. – д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндская Республика);
Щедрина Н. М. – д-р филол. наук, проф., МГОПУ

ISSN 2072-8522 (print)
ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» – печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.philologymgou.ru, www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2023. – № 1. – 124 с.

© МГОПУ, 2022.

Адрес редакции:
г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Founder of the journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology"
Moscow Region State University

Issued 5 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:
T. Ye. Shapovalova –Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSPU
Deputy editor-in-chief:
N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSPU
Executive secretary of the series:
V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., MRSPU
Editorial Board:
V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);
L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSPU;
V. N. Anoshkina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Honored Worker of Science;
V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;
R. T. Guzmán – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);
I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., MRSPU;
E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);
L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;
A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;
I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);
B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);
A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);
L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;
E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Professor, Crimean V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSPU;
V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Findland);
N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

ISSN 2072-8522 (print)
ISSN 2310-7278 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Philology" series is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.philologymgou.ru, www.vestnik-mgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2023. – No. 1. – 124 p.

© MRSPU, 2023.

The Editorial Board address:
ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation
phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
sites: www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 150-ЛЕТИЮ М. М. ПРИШВИНА

Алексеева Л. Ф. Противостояние идей, характеры и судьбы мужчин и женщин в «Повести нашего времени» (1944) М. М. Пришвина 8
Халикова Н. В. Словесный образ «облака движутся» в текстах произведений и дневников М. М. Пришвина 19
Шаталова О. В. Свет, блеск и сияние поэтического языка прозы М. М. Пришвина 28

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Архипов М. И. (Иеромонах Лавр). Проблема восприятия церковнославянского языка в контексте вопроса о реформе языка православного богослужения 37
Бугакова Н. Б. Топонимы как маркёры вымышленного пространства романа А. Платонова «Чевенгур» 51
Гукосьянц О. Ю., Алимурадов О. А. Тактики развёртывания конфликта в интернет-коммуникации периода пандемии COVID-19 58
Федорченко Е. А. О прецедентном имени *Н. Бердяева* в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора» 67

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Беляева В. Е., Стрельцова Г. В. Творчество К. Воннегута как отражение личной травмы . 77
Джанумов С. А., Петухов А. Д. Идейно-эстетическая программа Н. М. Карамзина в статье «Пантеон российских авторов» 87
Киселева И. А., Поташова К. А. Историзм повседневности в кавказском цикле рисунков Лермонтова 1840–1841 годов 98
Савельев Г. А. Восприятие как повествовательная категория в романах «Записки Ларионова» и «Письмовник» М. П. Шишкина 108

РЕЦЕНЗИИ

Шевцова Л. И. Опыт живописи в поэтике русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века. Рецензия на книгу: Поташова К. А. Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи. М.: Флинта, 2021. 321 с. 116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Орехова Е. Н. Международная научная конференция «Лекантовские чтения – 2022» 121

CONTENTS

TO THE 150TH ANNIVERSARY OF M. M. PRISHVIN

L. Alekseeva. Opposition of Ideas, Characters and Fates of Men and Women in M. M. Prishvin's "The Tale Of Our Time" (1944) 8
N. Khalikova. The Verbal Image of "Clouds are Moving" In the Texts of M. M. Prishvin's Works and Diaries 19
O. Shatalova. Light, Brilliance and Radiance of M. M. Prishvin's Poetic Language Prose 28

LINGUISTIC STUDIES

M. Arkhipov (Hieromonk Lavr). The Problem of Perception of the Church Slavic Language in the Context of the Language Reform in Orthodox Services 37
N. Bugakova. Toponyms as Markers of the Fictional Space of A. Platonov's Novel "Chevengur" 51
O. Gukosyants, O. Alimuradov. Tactics of Conflict Development in Internet Communication during the Covid-19 Pandemic 58
E. Fedorchenko. The Precedent Name N. Berdyaev in L. Borodin's Autobiographical Narrative "Without Choice" 67

LITERARY STUDIES

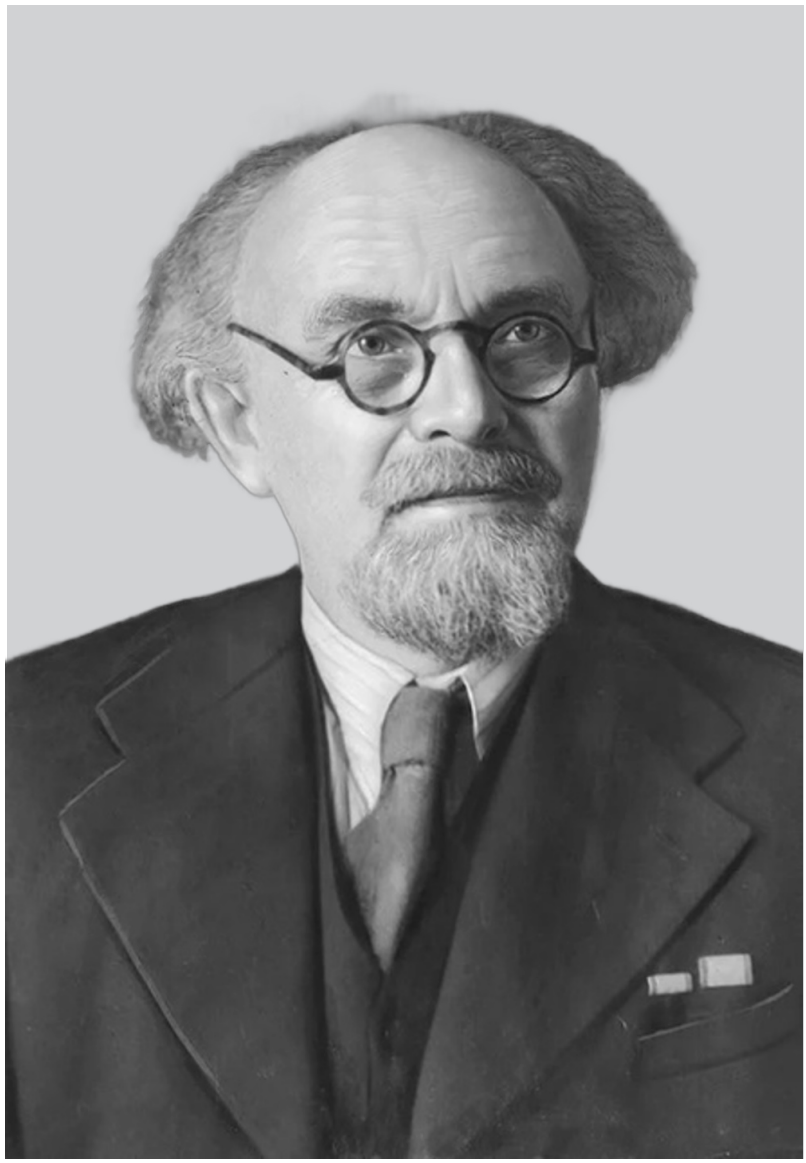
V. Belyaeva, G. Streltsova. K. Vonnegut and His Works as a Reflection of Personal Trauma . . . 77
S. Dzhanumov, A. Petukhov. Ideological and Aesthetic Program of N. M. Karamzin in the Article "Pantheon of the Russian Authors" 87
I. Kiseleva, K. Potashova. Historicism of Everyday Life in the Caucasian Cycle of Lermontov's Drawings of 1840–1841 98
G. Savelyev. A. Perception as a Narrative Category in Mikhail Shishkin's *Larionov's Reminiscences* and *Pismovnik* 108

REVIEWS

L. Shevtsova. The Experience of Painting in the Poetics of Russian Literature of the Late 18th – First Third of The 19th Century. Book Review: Potashova K. A. Traditions and Innovation of Russian Literature of the Late 18th – First Third of the 19th Century in the Aspect of Mastering the Experience of Painting. Moscow, Flinta Publ., 2021. 321 p. 116

SCIENTIFIC LIFE

E. Orekhova. International Scientific Conference "Lekant Readings – 2022" 121



К 150-ЛЕТИЮ М. М. ПРИШВИНА

4 февраля 2023 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954) – яркого русского советского прозаика и публициста.

Из-под пера литератора появлялись произведения, в которых метким, чутким, мудрым словом определялось место человека в окружающем мире, решались проблемы нравственности, морали, религии, веры в высшие силы, проявление которых философски отмечалось в неустанно наблюдаемой жизни природы.

М. М. Пришвин в своих дневниковых записях отразил, что считает писательство «святым делом, не имеющим ничего общего со всякими другими делами». От зоркого взгляда автора-наблюдателя не ускользали мелочи семейных традиций и обычаев, взаимоотношений между людьми, хозяйственных занятий, общения с животными, виденных им в многочисленных путешествиях пешком, на пароходах и рыболовецких судах, в Лейпциге и Париже, в Клину и Луге, в Петербурге, в Карелии и Норвегии, в Нижегородской губернии, в среднеазиатских степях под Иртышом, в Смоленской губернии и Москве, на Пинеге и в Кабарде, в Дунино…

К юбилею писателя помещаем в нашем журнале статьи учёных факультета русской филологии Московского государственного областного педагогического университета, прикоснувшихся к красивому, психологически сложному и радостному миру произведений Михаила Михайловича Пришвина.

Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного педагогического университета, академик Международной академии наук педагогического образования, главный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология»

УДК 82.09.161.1
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-8-18

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИДЕЙ, ХАРАКТЕРЫ И СУДЬБЫ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В «ПОВЕСТИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» (1944) М. М. ПРИШВИНА

Алексеева Л. Ф.
Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Интерпретация военной повести Пришвина, которая приобретает всё большую актуальность в XXI в.
Процедура и методы. В работе приведён краткий перечень современных исследователей Пришвина, изучающих его связи с отечественной и европейской философией. Затем подвержена анализу повествовательная структура произведения М. М. Пришвина 1944 г., прокомментированы отношения между повествователем, персонажами и автором в общем художественном пространстве, выявлены некоторые переклички произведения с Дневником писателя за 1942–1943 гг. Проведено сопоставление дневниковых записей о трагической современности, предшествующих работе над повестью (для уяснения исторического и биографического контекста), с некоторыми фрагментами и сюжетными звеньями «Повести нашего времени». Привлечены не только размышления автора, повлиявшие на содержание произведения, но и те высказывания писателя, в которых угадываются исторические и нравственно-этические перспективы, ставшие «нашим временем» для читателей нового тысячелетия.
Результаты. Сделан вывод, что авторский анализ идей, сопровождающих человеческую историю от ветхозаветных времён к христианству и социализму, присутствует в повести Пришвина как путь сопротивления злу. Автор Дневника стремился открыть и понять и причины героизма, и перспективы будущего благополучия, понятого Пришвиным как большая опасность для соотечественников, утративших веру в Бога (по существу ожидающих царства антихриста).
Теоретическая и/или практическая значимость определяется вкладом в методологию литературоведческого анализа и возможностью их использования в практике преподавания филологических дисциплин.

Ключевые слова: повествователь, «Повесть нашего времени», примитив как художественная форма искусства, М. М. Пришвин, проблема зла и возмездия, религиозно-философское пространство

OPPOSITION OF IDEAS, CHARACTERS AND FATES OF MEN AND WOMEN IN M. M. PRISHVIN'S "THE TALE OF OUR TIME" (1944)

L. Alekseeva
Moscow Region State Pedagogical University
ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 24141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract
Aim. Prishvin's military story, which is becoming increasingly topical in the 21st century, is interpreted.
Methodology. The paper provides a short list of contemporary researchers of Prishvin, who study his connections with Russian and European philosophy. The narrative structure of M. M. Prishvin's work of 1944 is analyzed; the relationship between the narrator, characters and the author in the general artistic space is commented; and some overlaps between the work and the Writer's Diary for 1942–1943 are

© CC BY Алексеева Л. Ф., 2023.

revealed. Diary entries about the tragic present, preceding the work on the story (to clarify the historical and biographical context), are compared with some fragments and plot links of "The Tale of Our Time". Not only the author's reflections, which influenced the content of the work, but also those statements of the writer, in which historical, moral and ethical perspectives are predicted, which have become "our time" for readers of the new millennium, are discussed.

Results. A conclusion is made that Prishvin's analysis of the ideas that accompany human history from the Old Testament times to Christianity and socialism is present in his story as a way of resisting evil. In his Diary, Prishvin sought to discover and understand both the causes of heroism and the prospects for future well-being, which he regarded as a great danger for compatriots who had lost faith in God (essentially awaiting the kingdom of the Antichrist).

Research implications. The work contributes to the methodology of literary analysis and the possibility of their use in the practice of teaching philological disciplines.

Keywords: narrator, "The Tale of Our Time", primitive as an artistic form of art, M. M. Prishvin, the problem of evil and retribution, religious and philosophical space

Введение

Творчество М. М. Пришвина с начала его вхождения в литературный процесс было замечено критикой, а после ухода писателя в мир иной стало предметом серьёзных филологических и философских исследований и остаётся в центре внимания учёных в конце XX и XXI вв. [1; 2; 3; 4; 5; 12; 14; 15; 16] [1]. Однако «Повесть нашего времени», созданная в период войны, привлекала мало внимания со стороны литературоведов не только потому, что в период, когда она готовилась к печати, далеко не всё в ней соответствовало марксистско-ленинским идеям. Позже, когда вещь была опубликована, вероятно, казалась специалистам-гуманитариям не очень актуальной и, может быть, мало пригодной для «умного» истолкования, поскольку на первый взгляд была примитивна. Однако установка на простоту, на создание текста малообразованным самоучкой, достигшим умения мыслить и понимать серьёзные идеи прошлого и настоящего через самостоятельное чтение, вполне осмысленно задана автором, в чём нетрудно убедиться, изучая структуру повествования и его локальные фрагменты. Примитивные полотна Пиросманишвили просятся в аналогию такому типу словесного искусства.

В связи с проблемой отношения читателей-современников к произведению Пришвин записал 7 января 1942 г. в дневнике: «Качество моих писаний и успех почти не зависят от того или другого состояния государства и общества. Но эта независимость от времени, способность видеть всегда Sub specie aeternitatis[2], именно эта способность и обеспечивает успех среди избранных, накопляющихся во времени»[3]. Для исследователя Пришвина философа А. М. Подоксенова в этой независимости от исторических обстоятельств имеется устойчивая закономерность, обусловленная значительностью художника: «В истории отечественной культуры М. М. Пришвин является одним из самых сложных и многогранных явлений, и хотя о жизни и творчестве писателя сказано уже немало, у его наследия, как и у всякого значительного культурного явления, есть примечательное свойство: сам ход времени и обновление исследовательских парадигм порождают всё новые интерпретации его таланта» [13]. Хотя часть дневника за 1942–1943 г. входит в 8 т. собрания сочинений Пришвина[4], мы в данном случае привлекаем отдельное полное издание , включающее 813 страниц текста – только за два военных года.

[1] См. также: Борисова Н. В. М. Пришвин: диалоги с эпохой. Культурологический словарь. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2009. 178 с.

[2] *Sub specie aeternitatis* (лат.) – с точки зрения вечности.

[3] Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 15.

[4] Пришвин М. М. Дневники. 1905–1954 // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1986. 759 с.

Специфика художественного времени

Перерабатывая многие материалы, включённые в дневники, компонуя повесть в 1944 г., когда происходившее в самые горькие, трагические годы войны отодвинулось на дистанцию, с которой можно было осмыслить эпоху и основные её тенденции как целое, Пришвин расширил диапазон художественно-исторического и религиозно-философского пространства, аккумулировавшего идейные и нравственно-эстетические вехи бытия. Можно отметить в тексте одновременно реализованную конкретизацию и символическое сгущение эпизодов и сцен, – некоторые из них приобрели почти плакатную заострённость.

Контекст философских и религиозно-философских имён, включая Фридриха Ницше, Анри Бергсона, Николая Гоголя, Владимира Соловьёва, Дмитрия Мережковского, Владимира Вернадского, Николая Фёдорова, Николая Бердяева, Василия Розанова, Сергия Булгакова, Максимилиана Волошина и др., указанных современными пришвиноведами [2; 6; 8; 9; 10; 11], определяет диалогическое поле осмысления состояния мира, перспектив истории – и в дневнике 1942–1943 гг., и в «Повести нашего времени», где не все «вечные спутники» названы по именам. В структуре повести резко обнаруживается концентрация внимания на проблеме мирового зла и его одоления на христианском пути, о котором размышляют и рассуждают, главным образом, персонажи-мужчины, но женщины в авторской мысли о времени и вечности занимают не последнее место.

Повествователь и автор, их аксиологические ориентиры

Повествователь в этом произведении, как он заявляет о себе в первой главе с ветхозаветным названием «Песнь песней», – «вовсе и не писатель», – он «только слесарь и токарь», простой рабочий из совхозного посёлка Усолье под Переславлем-Залесским, уже немолодой человек, для молодых жителей – дядя Алексей Михайлович. Этот сказитель историй о «нашем времени» до написания предлагаемого текста совершенствовался в опыте жизни, умудрялся разнообразным чтением и ещё странничеством: «носок моего сапога туда-сюда прошёл по всей русской земле»[1]. Художественное пространство повести вбирает в себя ветхозаветные времена от царя Соломона, который, как упоминает повествователь, несмотря на войны, в которых ему приходилось участвовать, вознёс в *Песни Песней* простую любовь.

Рассказчик в сказовом пространстве повести ценит в собеседниках верность своему делу, духовную стойкость, подчёркивая, что есть среди жителей не только «самородки», но и люди, имеющие отношение к настоящему образованию, связанные с церковью. Таковы отец и сын Коршуновы. Мирон, сын священника: «как стал за ящик старостой в отцовской кладбищенской церкви, так и простоял за ним всю жизнь, как дуб. А когда у него подрос сынишка Ваня, то мальчик стал рядом с отцом возле ящика, и было очень похоже, будто рядом с большим, старым дубом стал подниматься тоненький, молодой»[2]. Аналогия с деревьями напомнит читателю об авторе, воспринимавшем мир через *родственное внимание* к природе.

Пришвин в повести, вероятно, ориентировался не только на современного, но и на отдалённого читателя, который перестанет жить войной, не в пример персонажам, которые проживают свою жизнь и любовь – в горестном, а иногда и жестоком сочетании с военными фронтовыми и тыловыми буднями. Установка на то, чтоб запечатлеть в повести правду, побуждает его соединить созерцание простых событий и размышления о главном: проводы на войну мужей, ожидание писем и каких бы то ни было известий, осторожные намёки на сокрытие правды властями – объявления, что освободили некоторые города и населённые

[1] Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 149.

[2] Там же. С. 151.

пункты, но не было сообщений, что их сдавали немцам. Для персонажей «Повести нашего времени», молодых женщин, мужчин, возвращающихся домой после ранений и плена, – это их неизбежная судьба, и долг, и радость, и повод к осмыслению житейских вопросов и главных ценностей бытия. И сам повествователь живёт живой современностью, а не тем, что окостенело в прошлом: «Как бы я рад был уйти от бурь в тишину, но там, в глубине, и темно, и воздуху нет. Нечего делать! Приходится бурю принять»[1]. Когда-то Александр Блок написал в стихах, адресованных Зинаиде Гиппиус, что ему предстоит «бросаться в многопенный вал». Так *в своё время* и он понимал своё призвание.

У рассказчика, Алексея Михайловича, несмотря на рабочую профессию слесаря и токаря по металлу (сам о себе он замечает, что мысль его «скована делом»), весьма богатый читательский опыт. Он собрал книжную коллекцию из воспетых символистами «вечных спутников». Описывая довоенные разговоры молодых и вошедших в зрелый возраст книголюбов, повествователь называет весь идеальный книжный круг «десять мудрецов», благодаря которым хозяин комнаты «в итееровском домике» «приобрёл священное уважение к слову». Здесь Пушкин, Лермонтов, Толстой и Достоевский, а также Гоголь, который занимает место на полках двумя собраниями сочинений. Одно из них в роскошном сафьяновом переплёте, а другое – самодельное, переплетённое в ситчик самим летописцем «нашего времени». Однако поначалу Гоголь не выделен среди других как особо почитаемый или по-особому значительный.

Долг писателя и летописца

С самого начала повествователь, фиксирующий картины современности, заявил, что руководствуется он не свободным желанием воспевать красоту, а чувством долга: «сейчас, когда гремит война и все пьют мирскую чашу страданий, я не в силах писать, как мне хочется»[2]. Идеалом для рассказчика, как он провозглашает, является не писатель, а летописец Нестор, соединяющий «поколения людей»[3]: «В своё время понял я такой идеал человека, читая с благоговением “Русскую историю” Ключевского. Сквозь туман далёкого прошлого, из тёмных лесов нашей родины светит мне его лампада, и мне хотелось бы тоже быть таким стариком: простым, скромным, как он, и, как молодой, устремлённым с верой в грядущие времена»[4]. Новый летописец «нашего времени» верит, что «и сейчас, сию даже минуту, в самые тяжкие дни войны этой, где-нибудь такой человек намотал себе на ухо верёвочки от очков и пишет»[5]. Грандиозная задача связать собой поколения привлекает дядю Алексея, скромно фиксирующего то, что он наблюдает, слышит из уст простых людей, которые отдыхают возле железнодорожной будки, сидят на хворосте, обсуждают житейские истории и пересказывают полуфантастические *байки* (может быть, *притчи*) о предсказаниях конца войны. Скрывшись за образом рассказчика, через внешние детали портрета автор всё же намекает на самого себя, обладающего солидным писательским опытом, но в данную трагическую пору как будто не очень ему дорогого и почти неважного. Самое главное для времени, когда торжествует мировое зло, чтоб человек умел думать и строить свою жизнь: «Но пусть он сам и не пишет – всё равно: в поступках своих он не будет слепо подчиняться судьбе и непременно послужит великому делу любовной связи людей между собою»[6]. Таким образом, для *Альтер эго* автора задача информативная расширяется до актуализации духовного задания. Он как будто развенчивает собственную репутацию певца природы, убеждает себя и новых читате-

[1] Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 155.

[2] Там же. С. 148.

[3] Там же. С. 151.

[4] Там же. С. 150.

[5] Там же.

[6] Там же.

лей: писать надо «не о северной природе, а о душах людей, меня окружающих и никому не ведомых»[1].

Ещё в 1923 г., одобряя главы из романа «Кащеева цепь», Горький в одном из писем заметил особенность пришвинского писательского дара: «И прекрасный Ваш язык говорит через разум читателя прямо душе его»[2]. Своей последующей прозой Пришвин последовательно закреплял это качество.

Будучи разделёнными войной, персонажи, включая рассказчика, заботятся о том, чтоб излечить мир от злобы добротой, жертвенной любовью, спасти чужую любовь и не уронить человеческого достоинства, переживая страдания и утраты. В дневниковой записи Пришвина за *27 июля 1942 г.* читаем строчки (как будто вдохновлённые Тютчевым, его стихотворением «Два единства»[3]): «Время требует от писателя прославления вражды, возбуждения ненависти к врагам. А мы в это время взялись за любовь, поставили задачу себе сказать о любви такое, чего о ней ещё не сказал ни один поэт и художник. И мы уверены в том, и знаем, что наше время придёт, как все знают, что рано ли, поздно ли война кончится»[4]. Это «наше время» всего через два года входит в заголовок повести, напоминая о волнующем читателей многих поколений произведении М. Ю. Лермонтова.

Место действия

Место действия в «Повести нашего времени» – городок Переславль-Залесский и его окрестности, ближние сёла и деревни – местность с борами и перелесками между полей, многочисленными православными храмами, монастырями, знаменитым Плещеевым озером, где юный царь Пётр строил свой первый флот, где природные и рукотворные красоты напоминают постоянно о старинных и незыблемых ценностях. Затейливой вязью связаны между собой житейские истории и книжная мудрость. Примитивные предметы древности, которые обнаруживают музейщики, казалось бы, сущие пустяки, незначительные предметы быта, выявлены и включены в текст как свидетельства о русской древности, сохраняющей родовое и духовное тепло. Об этой относительности ценностей Гаврила Алексеевич Староверов рассуждал как мудрый человек: «Ключевский какую написал книгу по этим пустякам. И так и сама книга: кому дорога, а кому и в книге нет ничего»[5]. Рассказчик подключается эмоциональным и вместе с тем мудрым комментарием опытного мыслителя: «Куда махнул! А между тем как теперь вспомнишь во время войны, то непременно на немца подумаешь: то же и он думал – нет ничего – и ошибся»[6]. Широкое поле исторической жизни диктует человеку путь, направляющий к жертвенному подвигу Христа, образ которого незримо присутствует во многих сценах (например, Некто пишет палочкой на песке и предлагает тому, кто без греха, бросить в женщину камень). Его незримое присутствие определяет направленность размышлений и действенных устремлений людей – вблизи от фронта, но всё же в стороне от атак и тотальных разрушений.

Трагедийные сюжеты мужских и женских судеб

С упоминания о племяннице рассказчика, голубоглазой «птичке» Милочке, начинается рассказ о местах возле древнего города, откуда фронт в 1941–1942 гг. был весьма близко, вплоть до того, что жители опасались бомб и рвущихся недалеко сна-

[1] Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 155.

[2] Горький А. М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. Письма, телеграммы, надписи. 1907–1926. М.: Гослитиздат, 1955. С. 418.

[3] Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6 т. Т. 2 / сост. В. Н. Касаткина. М.: Классика, 2003. С. 221.

[4] Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 226.

[5] Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 153.

[6] Там же.

рядов, а некоторые дома были даже изрешечены пулями.

Простая семейная история Натальи и плутоватого Артюшки, замыслившего дезертирство ещё до мобилизации, а затем её измена пропавшему без вести мужу и счастливая жизнь с Александром Филимонычем описана с явным сочувствием дяди Алексея, упоминается и о добром отношении к доверчивой женщине со стороны жителей. Прочная и верная любовь Анны Александровны и Ивана Гавриловича Староверова, брак Милочки и Алексея Мироновича (в котором, по замечанию рассказчика, не было *вечности*), любовь бывшей чертёжницы к заике Сергею, сложное положение мужа, у которого жена полюбила другого, – здесь короткие и потрясающе трагедийные сюжеты мужских и женских судеб.

18 июля 1942 г. Пришвин записал, осмысливая ретроспективу мировой истории с позиций человека, увидевшего суть «нашего времени»: «Наш дух страдает от ограничения временем (сроком) и в этом именно и есть смысл Ветхого завета, что в нём пророки учат терпению в ожидании срока освобождения духа. В Новом завете, напротив, преподаётся вольное преодоление времени путём готовности отдаться (умереть) в любви. Отчий, огненный закон учит мужа брать жизнь такой, как она есть. Закон крещёных водою и Духом даёт образ жены, облечённой в солнце …, в мире, где времени больше уже и нет»[1].

В поле зрения повествователя довоенное строительство фабрики, домиков, избавлявших от тесноты, в которой страдали от бытовых неурядиц в первую очередь женщины. Почти все они были обычно милыми красавицами, но на коммунальной кухне превращались, как у Гоголя, в «кошек» и «ведьм», одна из которых опрокинула огромный чугун со щами на голову аккуратненькой медсестры Лидии Фёдоровны. Недовольство уничтожением деревьев на прибрежной Круче сопровождается описанием радости иметь свой дом. Все воспоминания и раздумья, однако, группируются вокруг общемировых звеньев, в которых вызревает зло: «Но и в то время, когда мы радовались на своей Круче, враг уже и тогда точил на нас нож, и кто-то об этом знал и принимал меры. Жизнь, конечно, сохнет от думы, и нам жить хотелось, и мы не хотели думать об этом, что враг на нас точит нож...»[2].

Проблема мирового зла

Наряду с углом зрения наблюдателя в сказовом повествовании развёртывается философски углублённая история, касающаяся осмысления проблемы зла и отношения к нему как проблемы метафизической и одновременно поведенческой. В течение пятидесяти лет обдумывал Алексей Михайлович повесть Гоголя «Страшная месть» и инстинктивно устранялся от чувства ужаса, внушаемого гоголевским образом Мстителя. Но вот наступает грозное «наше время», открывающее смысл, прежде недоступный: «И только уже в старости, когда я забрался на всю высоту этих сухих слов “Страшная месть”, то раскрылась вокруг меня необъятная ширь, и когда облака разорвались, сам своими глазами увидел я на Карпатских горах Страшного Мстителя с мёртвыми очами, и от него тень двигалась по всей земле»[3]. Гоголевский образ по-новому волнует пожилого человека, ставшего свидетелем второй на его веку мировой войны: «Только когда кости мёртвого колдуна потрясли теперь всю нашу землю и моя душа вместе со всем миром содрогнулась, вдруг понял я, почему такой страстный любитель чтения, как я, держал Гоголя отдельно от любимых моих мудрецов: на всех людей у Гоголя легла тень Мстителя, а мне жить хотелось, и я, как хмель, извивался, только бы выйти как-нибудь из этой страшной тени»[4]. Зло и сопротивле-

[1] Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 220.

[2] Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 153.

[3] Там же. С. 211.

[4] Там же.

ние злу, о чём в конце XIX в. размышлял в «Повести об антихристе» тоже с помощью условного «сказителя» монаха Пансофия Владимир Соловьёв[1], а в 1925 г. в Мюнхене была издана книга И. А. Ильина [7], – эта проблема постепенно прорисовывается у Пришвина как стержневая, организующая внутреннюю логику повествования.

Непосредственно с проблемой отношения ко злу соотнесён в повести Пришвина образ Алексея Коршунова, которого рассказчик знал с раннего детства, как и его отца Мирона, увлечённого в течение десяти лет Львом Толстым, а затем ещё пятнадцать – Достоевским. Во время переписи населения Алексей записал в графе о вере «неверующий», но отец Вани церковный староста Гаврила Староверов его умолил, встав перед ним на колени, убрать эту запись: «Алёшенька, не губи свою душу! Нельзя, милый мой, о себе написать, что неверующий! От этого потом уже не откажешься, и это уже навсегда, на вечность пойдёт. На коленях тебя прошу, зачеркни!»[2]. Рассказчик, хотя узнал о том, что произошло между Гаврилой и Алёшей много времени спустя, приближает читателя к душе дерзкого молодого человека: «Страшна вечность была Алёше, но страшнее вечности был ему этот седой старик перед ним на коленях»[3]. В споре с Иваном Алексей заявил, что в борьбе за обновление мира он готов стать коммунистом и тем, кто мешает жить по-новому, «ничего не прощать». Ради этого он готов разойтись даже с другом детства Иваном.

Судьба Алексея предстаёт как исполненная особой горечи и беспредельного мужества: вернулся он из плена изголодавшимся, слабым и измождённым, до утраты желания жить: «До того было трудно выздороветь Алексею Миронычу, что когда начал он уже и явно поправляться, то выходило это, будто друзья ему навязывали жизнь, и он принимал её с какими-то своими тайными оговорками»[4]. История возвращения Алексея из холодного пространства леса после плена в дом, куда жена его привела другого мужа, обращена к проблеме христианского смирения и одновременно скорби об утраченном, невозможности лгать искреннему своему.

11 января 1942 г. во время сильного снегопада и мороза Пришвин записал в Дневнике: «Я продолжаю думать об этом чудовищном скоплении снежного зла, от которого родится богатейшая весна. Перебрасываюсь от этого в человеческий мир, и вся война представляется мне, как болезнь, охватившая всё человечество»[5]. Самый горький период войны побуждает художника искать истоки и пути к Истине. 21 января 1942 г. Пришвин сделал обобщение относительно цели творчества, ведущей к главной заповеди Нового Завета: «В книгах людей надо учить не рассуждению, книга не для того, чтобы ума набираться, а для того, чтобы учиться любви. … А теперь, не пустыню ли мы переходим, не изныл ли наш дух в тоске по живой воде? Я жду со всей страстью этого чуда, когда каждая шестигранная снежинка всего огромного скопленного зимою зла превратится в радужную круглую каплю воды; чувствовать, как в душу сходит благодать древнего крещения водою и духом, и слышать голос Отца: Сей есть Сын мой возлюбленный»[6].

В пространстве Дневника, из которого отчасти родилась повесть, звучит мысль о любви действенной, не зашоренной ревностью и завистью. На той же странице читаем: «Может быть, и настоящие верующие православные люди тем и отличаются от религиозных искателей, что их вера – всегда дело, что у них вера без дел мертва … . У верующих настоящих нет вовсе

[1] Соловьёв В. С. Чтения о богочеловечестве; статьи; стихотворения и поэма; из «Трёх разговоров»: краткая повесть об Антихристе / сост., вступ. ст., прим. А. Б. Муратова. СПб.: Художественная литература, 1994. С. 459–486.

[2] Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 157.

[3] Там же.

[4] Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 209.

[5] Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 21.

[6] Там же. С. 37.

неудачников, потому что неудачник для них – это грешник, а путь борьбы с грехом открыт даже для тех, кто стоит перед смертью: для них даже смерть побеждается и в самом тяжком деле человек остаётся свободным»[1].

Постепенно любовная забота жены Милочки и её нового мужа Сергея возвращает бывшего пленника к жизни, он обретает силу для активного сопротивления всемирному разрушительному злу. Выздоровевший Алексей тайно от Милочки уходит из дома, чтобы трудиться на восстановлении оккупированных территорий.

В поступке Алёши, как убеждается рассказчик, нет личной обиды на жену. Несмотря на обещание ничего не прощать, он не только прощает женщину, но искренне желает ей счастья «для себя». Милочка, если бы он хотел этого, ушла бы за ним на край света, а он уходит по сердечному желанию сражаться за правду. Дядя Алексей напоминает уходящему, что «всадник с мёртвыми очами был наказан за то, что слишком много мести у бога запросил»[2], но для Алёши в его служении правде «Бог ни при чём»: «Минуточки времени теперь не истрачу: довольно у нас на Руси Бога искали, а я знаю одно, что за правду иду, делать её иду, а Бог, если он есть, пусть сам найдёт меня, у него время несчитанное»[3].

Как ни удивительно, описание мотивов поведения Алёши Коршунова имеет истоком размышления Михаила Михайловича о Валерии Дмитриевне, зафиксированные в Дневнике 21 декабря 1942 г.: «Ляля, добрый и жалостливый человек, получив от подлеца стрелу, тут как бы обращается к Богу: “помоги не простить!” и, любя человека в этом враге, тратит все силы, чтоб его вразумить. Да, это “не простить” несомненно есть форма выражения любви, тогда как наоборот, щедрость, любезность и самая доброта очень часто (как это у меня) являются масками равнодушия и даже презрения к человеку»[4]. На основе размышлений о смелости и дерзости в искреннем сопротивлении злу возникают впоследствии в «Повести нашего времени» строчки о борьбе со злом Алёши, неслучайно наделённого именем младшего из братьев Карамазовых. Это его образом вдохновлена, возможно, запись 9 января 1942 г.: «Любовь вся истекает из Бога и, проходя через человека, опять возвращается к Богу. И если кто-либо, не называя имени Бога, оказывает любовь, то пусть бессознательно, но он верует. Потому что любовь истекает из Бога»[5].

Заключение

Тревога, пронизывающая финал «Повести нашего времени», недоговорённость находят своеобразный исток в Дневнике. 20 июля 1942 г. Пришвин определил главную помеху на собственном пути создания художественных произведений: «Единственное же и необоримое препятствие – отрыв духовный от участия в современности. До сих пор чувство родины, как связь с хорошими людьми в прошлом, было цементом, связывающим меня с советской властью: авось, мол, выведут и сами рассосутся народным организмом, авось выздоровеем. … Современные русские люди живут без этого чувства, им досталась горькая участь рабов цивилизации, прикованных к идеалу будущего благополучия»[6]. Художник, мыслитель, интуитивист, подобно Иоанну Богослову, прозревает отрицательную перспективу будущего. 22 декабря 1942 г., ещё до окончательной победы над рейхом под Сталинградом, Пришвин записал вытекающее из знаний, созерцаний и духовных откровений собственное пророчество: «Теперь уже становится всем видно и без помощи Шпенглера, что Германия – это

[1] Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 37.

[2] Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 213.

[3] Там же.

[4] Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 359.

[5] Там же. С. 18.

[6] Там же. С. 222–223.

последнее национальное государство, что после её гибели Америка будет господствовать над всем миром, и весь мир под владычеством Америки пойдёт по пути благополучия. В этом движении, конечно, всякого рода национальная расцветка человека сделается блюдом, украшающим стан всеобщего благополучия: разного рода религиозные секты и общины станут модными. … С этой точки зрения немецкое рабство, конечно, менее страшно для роста нации (внешне скрытого), чем влияние Америки…»[1].

Для мудрого повествователя путь человека с установкой «ничего не прощать» – опасный, мучительный, хотя и жертвенный, внушающий уважение и любовь. Финальные строчки произведения обращены как будто не к Алёше Миронову, который борется со злом как коммунист, но и ко всем деятельным, но объявляющим себя неверующими людям, которым рассказчик смотрит вслед «с непокрытой головой»: «Пусть, Алёшенька, мой любимый сынок, Бог найдёт тебя и поможет тебе, бедному, снять с себя это мученье твоё: всё понять, ничего не забыть и ничего не простить»[2]. Эта молитва согревает финал повести, на событийном уровне незавершённый (война ещё не окончилась), но в плане духовном он имеет финальную силу: его озаряет свет христианской молитвы, обещающей надежду на спасение.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Н. В. Михаил Пришвин: сотворение мифа. 3-е изд. / науч. ред. Л. Г. Сатарова. М.: Флинта, 2019. 170 с.
2. Варламов А. Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2003. 548 с.
3. Гачев Г. Д. Русская Дума. Портреты русских писателей. М.: Новости, 1991. 272 с.
4. Гачева А. Г. «Почему мір не мир?» Образ войны в философии русского космизма // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1 (49). С. 44–62.
5. Гачева А. Г., Казнина О. А., Семенова С. Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 400 с.
6. Дефье О. В. Концепция и символика «органического творчества» в книге М. Пришвина «Журавлиная родина» // Русская словесность. 2018. № 3. С. 25–30.
7. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. Pro et Contra. Полемика вокруг идей И. А. Ильина о сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. 576 с.
8. Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1993. 52 с.
9. Кнорре (Константинова) Е. Ю. «Бог есть существо лицеродящее и противузаконное»: концепция «истинной революции» в персонализме М. Пришвина // Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее: материалы по итогам VII Иоанновских научных чтений, Москва, 23 октября 2017 г. М.: Летний сад, 2018. С. 192–198.
10. Кнорре (Константинова) Е. Ю. Метафизика краеведения: «путь к новой земле» в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина в контексте религиозно-философских исканий китежан 1910–1920-х гг. (А. Мейера, С. Дурылина, П. Флоренского, А. Ухтомского, Н. Анциферова) // Русская словесность. 2018. № 3. С. 31–40.
11. Кнорре Е. Ю. Сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М. М. Пришвина 1900–1930-х гг.: дис. … канд. филол. наук. М., 2019. 300 с.
12. Михаил Пришвин и русская культура XX века: сборник статей / под ред. Н. П. Дворцовой, Л. А. Рязановой. Тюмень: Вектор Бук, 1998. 189 с.
13. Подоксенов А. М. Михаил Пришвин (к вопросу о предмете и методах исследования творчества писателя) [Электронный ресурс] // Credo New. 2013. № 2. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new (дата обращения: 01.02.2023).

[1] Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 360.

[2] Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 213.

14. Подоксенов А. М. Мировоззренческий контекст повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» (Опыт герменевтического исследования). Белгород: Белгородский государственный университет. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2007. 326 с.
15. Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции, 20–21 апреля 2018 г. / отв. ред. Н. А. Трубицина. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2018. 323 с.
16. Святославский А. В. Свобода и необходимость: Михаил Пришвин о мастерстве писателя в контексте литературного процесса 1920–1940-х гг. // Русская словесность. 2018. № 3. С. 17–24.

REFERENCES

1. Borisova N. V. *Mikhail Prishvin: sotvorenie mifa* [Mikhail Prishvin: The Creation of a Myth]. Moscow, Flinta Publ., 2019. 170 p.
2. Varlamov A. N. *Prishvin* [Prishvin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2003. 548 p.
3. Gachev G. D. *Russkaya Duma. Portrety russkikh pisatelei* [Russian Duma. Portraits of Russian Writers]. Moscow, Novosti Publ., 1991. 272 p.
4. Gacheva A. G. ["Why is the World not the World?" The Image of War in the Philosophy of Russian Cosmism]. In: *Solov'evskie issledovaniya* [Soloviev Research], 2016, no. 1 (49), pp. 44–62.
5. Gacheva A. G., Kaznina O. A., Semenova S. G. *Filosofskii kontekst russkoi literatury 1920–1930-h godov* [Philosophical Context of Russian Literature of the 1920–1930s.]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. 400 p.
6. Defier O. V. [The Concept and Symbolism of "Organic creativity" in M. Prishvin's book "Crane Homeland"]. In: *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature], 2018, no. 3, pp. 25–30.
7. Il'in I. A. *O soprotivlenii zlu siloyu. Pro et Contra. Polemika vokrug idei I. A. Il'ina o soprotivlenii zlu siloyu* [On Resistance to Evil by Force. Pro et Contra. The Controversy around the Ideas of I. A. Ilyin on the Resistance to Evil by Force]. Moscow, Ajris-press Publ., 2005. 576 p.
8. Klimova G. P. *Tvorchestvo I. A. Bunina i M. M. Prishvina v kontekste hristianskoi kul'tury: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk* [Creativity of I. A. Bunin and M. M. Prishvin in the Context of Christian Culture: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1993. 52 p.
9. Knorre (Konstantinova) E. Yu. ["God is a Person-Bearing and Illegal Being": The Concept of "True Revolution" in M. Prishvin's Personalism]. In: *Poisk istiny kak aksiologicheskaya paradigma gumanitarnogo znaniya: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy po itogam VII Ioannovskikh nauchnykh chtenii, Moskva, 23 oktyabrya 2017 g.* [The Search for Truth as an Axiological Paradigm of Humanitarian Knowledge: Past, Present, Future: Materials on the Results of the VII Ioannovsky scientific readings, Moscow, October 23, 2017]. Moscow, Letny sad Publ., 2018, pp. 192–198.
10. Knorre (Konstantinova) E. [Metaphysics of Local History: "The Path to a New Land" in the Diaries and Works of Art by M. Prishvin in the Context of the Religious and Philosophical Searches of the Kitezh Residents of the 1910–1920s. (A. Meyer, S. Durylin, P. Florensky, A. Ukhtomsky, N. Antsiferov)]. In: *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature], 2018, no. 3, pp. 31–40.
11. Knorre E. Yu. *Syuzhet "puti v Nevidimyi grad" v tvorchestve M. M. Prishvina 1900–1930-h gg.: dis. … kand. filol. nauk* [The Plot of "The Path to the Invisible City" in the Work of M. M. Prishvin in the 1900s–1930s: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2019. 300 p.
12. Dvortsova N. P., Ryazanova L. A., eds. *Mikhail Prishvin i russkaya kul'tura XIX veka* [Mikhail Prishvin and Russian Culture of the Twentieth Century]. Tyumen, Vektor Buk Publ., 1998. 189 p.
13. Podoksenov A. M. [M. Mikhail Prishvin (On the Subject and Methods of Researching the Writer's Work)]. In: *Credo New*, 2013, no. 2. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new (accessed: 01.02.2023).
14. Podoksenov A. M. *Mirovozzrencheskii kontekst povesti M. M. Prishvina "Mirskaya chasha" (Opyt germenevticheskogo issledovaniya)* [The Ideological Context of M. M. Prishvin's Story "The Chalice of the World" (Experience of Hermeneutic Research)]. Belgorod, Belgorod State University Publ., Elec, Elec State University named after I. A. Bunin Publ., 2007. 326 p.
15. Trubitsina N. A., ed. *Tvorcheskoe nasledie Mihaila Prishvina v sisteme sovremennogo gumanitarnogo znaniya: materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii, 20–21 aprelya 2018 g.* [The Creative Heritage of Mikhail Prishvin in the System of Modern Humanitarian Knowledge: Materials of the All-Russian (with International Participation) Scientific Conference, April 2021, 20–18]. Elec, Elec State University named after I. A. Bunin, 2018. 323 p.
16. Svyatoslavsky A. V. [Freedom and Necessity: Mikhail Prishvin on the Writer's Skill in the Context of the Literary Process of the 1920s–1940s]. In: *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature], 2018, no. 3, pp. 17–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Любовь Фёдоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: modernen@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liubov F. Alekseeva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian Literature of the 20th century, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: modernen@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеева Л. Ф. Противостояние идей, характеры и судьбы мужчин и женщин в «Повести нашего времени» (1944) М. М. Пришвина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 8–18.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-8-18

FOR CITATION

Alekseeva L. F. Opposition of Ideas, Characters and Fates of Men and Women in M. M. Prishvin's "The Tale Of Our Time" (1944). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 1, pp. 8–18.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-8-18

УДК 811
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-19-27

СЛОВЕСНЫЙ ОБРАЗ «ОБЛАКА ДВИЖУТСЯ» В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ДНЕВНИКОВ М. М. ПРИШВИНА

Халикова Н. В.
Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Описание семантической реализации фоновой образной константы в прозе Пришвина.
Процедура и методы. Проанализирована сумма сверхсловных контекстов, содержащих словесный образ «Облака / тучи движутся». Раскрыта взаимообусловленность трёх категорий художественного текста: «образа автора», перцептивности, образности. С помощью статистического анализа уточняется частотность словесного образа: аксиологического, образного, символического, концептуального – в прозе Пришвина и совокупность его содержательных форм. Путём описательного, межтекстуального и лингвоконцептуального анализа выявляется семантическая полифункциональность образно-перцептивной единицы, доказывается, что пейзаж как «текст вообще» строится по принципу отражения авторской картины мира, а не реального референтного пространства. Автор развивает метод лингвистического анализа категории образности прозаического текста по образным константам, связанный с изучением устойчивых и воспроизводимых языковых структур художественного мышления писателя.
Результаты исследования заключаются в применении основных положений теории перцептивной образности в лингвистическом анализе художественного и дневникового текста.
Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в методику лингвоконцептологического анализа художественного текста и лингвоперсонологии.

Ключевые слова: облако / тучи движутся, образная константа, пейзаж, перцептивный образ, М. М. Пришвин

THE VERBAL IMAGE OF “CLOUDS ARE MOVING” IN THE TEXTS OF M. M. PRISHVIN’S WORKS AND DIARIES

N. Khalikova
Moscow Region State Pedagogical University
ul. Very Voloshinoi 24, Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract
Aim. We describe the semantic realization of the background figurative constant in Prishvin’s prose.
Methodology. A plethora of superlative contexts containing the verbal image “clouds / black clouds are moving” are analyzed. The interdependence of three categories of a literary text is revealed: “the image of the author”, perceptivity, and imagery. Statistical analysis clarifies the frequency of the verbal image in Prishvin’s prose and the totality of its meaningful forms: axiological, figurative, symbolic, and conceptual. Using a descriptive intertextual and linguoconceptual analysis, the semantic polyfunctionality of the figurative-perceptual unit is presented; it is proved that the landscape as a “text in general” is built on the principle of reflecting the author’s picture of the world, rather than on a real reference space. A method of linguistic analysis of the category of imagery of a prose text is developed using figurative constants associated with the study of stable and reproducible linguistic structures of the writer’s artistic thinking.

© CC BY Халикова Н. В., 2023.

Results. Use is made of the main provisions of the theory of perceptual imagery in the linguistic analysis of a literary and diary text.
Research implications. The results of the study contribute to the methodology of linguoconceptological analysis of a literary text and linguopersonology.

Keywords: cloud / black clouds move, figurative constant, landscape, perceptual image, M. M. Prishvin

Введение

Наш лингвистический интерес к «солнцу», «ветру», «дождю», «облаку» [10; 11] – и художественному пейзажу в целом – вызван, во-первых, актуальным для современной лингвопоэтики тяготением к лингвоконцептологии с её обобщающим, генерализующим началом, во-вторых, с развитием современной теории перцептивной образности, которая отвлеклась от лексического значения (как во времена А. М. Пешковского, давшего филологам термин «общая образность») в область грамматики текста и синтаксиса – перцептивного высказывания [2; 7]. В-третьих, начатым в середине XX в. и стремительно расширяющимся процессом создания авторских (поэтических, образных) словарей, в том числе перцептивных образов [13]. Свой «словарь деревьев» русской поэзии создал М. Н. Эпштейн. «Любой читатель может составить словарь какой-то другой системы пейзажных мотивов, например цветов или насекомых. Высокое наслаждение – находить в оригинальных созданиях поэтических талантов то, что принадлежит законам и сущности самой поэзии» [14, с. 87]. И, наконец, любой образный класс (пейзаж, портрет, интерьер, событие, ментальное) вызывает интерес как «текст вообще», как абстрактная языковая (речевая) структура художественного сознания определённой эпохи. Образность в широком смысле понимается нами как интерпретирующая категория художественного текста, отражающая восприятие действительности субъектом перцепции. Всем этим и обусловлено обращение к теме пришвинских образов «облака / тучи».

Интересным для нас оказался и другой, полевой, аспект этой темы. В отличие от классического художественного дискурса XIX в., бурного символизма пейзажа Серебряного века, где «облако / туча» входит в ядро семантического поля «Природа», у Пришвина – пейзажного писателя и исследователя природы – этот образ является так называемым языковым или «квазисимволом» (термин В. Н. Телия): в замкнутом пространстве текста (пришвинского дискурса) в лексическом значении, не вытесняя основное, лишь мерцает иное значение, «указывающее не на референт слова, а ассоциативно “замещающую” некую “идею”» [цит. по: 1]. Для указания на неё Пришвин устойчиво использует приём ассоциативного соположения (семантического параллелизма): одна часть сверхфразового единства определяется обычно перцептивным модусом (*стоял над рекой* – т. е. **смотрел**), а вторая – любым другим: ментальным, оценки, эмотивным, волитивным и др., как в следующем примере (*стоял над рекой* – и **понимал сердцем**): *Время пришло: мороз перестал бояться тёплого неба, **крытого тяжёлыми серыми облаками**. Вечером сегодня я стоял над холодной рекой и понимал сердцем, что **всё в природе кончилось**, что может быть, в согласии с морозом на землю полетит снег*[1]. Подобный приём соположения модусов при одном объекте является, как известно, способом создания оценки одобрения и неодобрения [8], выражением определённого внутреннего состояния человека, что в свою очередь становится средством отражения языковой личности говорящего.

[1] Пришвин М. М. Глаза земли // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/glaza-zemli/doroga-1947-god.htm (дата обращения: 02.02.2023).

Можно сказать об этом же иначе: Пришвин использует приём концептуализации, намеренно наделяет любой языковой знак ЛСП «Природа» двумя функциями: собственно номинативной, языковой, и индивидуальной образно-символической так, чтобы вторая неявно отражала систему ценностей говорящего: …***я … понял облака*** *над равниной елецкого района с её ржаными полями, васильками и ромашками*[1]. Применительно к советской литературе М. Н. Эпштейн делает интересное наблюдение: «У советских поэтов природа в “тихом” пейзаже выступает не как точка отталкивания, а как точка притяжения: душа, истерзанная в споре с временем, ищет согласия с вечностью, образ которой находит в самом простом, что её окружает» [14, с. 143]. Это напрямую относится и к образной системе М. М. Пришвина.

«Облаков» в массиве произведений писателя совсем немного, в дневниках несколько больше. По данным нашей неполной картотеки (196 единиц) соотношение словоупотреблений с данным образно-перцептивным значением – 40% (в произведениях) и 60% (в дневниках). Это периферийный элемент образной системы М. М. Пришвина, но, несомненно, наделённый авторским значением. По крайней мере дважды писатель открыто заявлял о значимости и одновременно чуждости этого элемента для своего поэтического сознания в произведении «Глаза земли», с одной стороны, называя себя «поэтом родных облаков», но и одновременно отчуждая себя от этого образа-концепта Небо – Душа: …***никакого внимания*** *раньше* ***на них*** *я* ***не обращал***[2]; *Мы узнали в облаках лица из жизни …. А как подумаешь о составе облака – вдруг* ***неприятно станет и что-то обрежет душу: там, в облаке, нет ничего****, и все эти образы делаю я сам*[3].

[1] Пришвин М. М. Глаза земли // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/glaza-zemli/doroga-1947-god.htm (дата обращения: 02.02.2023).

[2] Там же.

[3] Там же.

«Небо» и «земля» в отношении к «образу автора»

Связь пейзажа как класса образа с целостностью картины мира и мировоззрением художника отмечают все, без исключения, исследователи. Пришвин сам считал, что «есть момент обязательный в творчестве, когда художник судит весь мир по себе»[4]. Образность пейзажа рассматривается им как собственный «визуальный опыт», как специальное семиотическое пространство сознания, «локус, в котором развиваются наши способности к интерпретации и познаются её границы» [9, с. 212]. Сказанное обо всех пейзажистах в полной мере относится и к Пришвину. Интересны прежде всего его сочетательные сложные «образы автора» в жанровом многообразии текстов – с одной стороны, мы видим объективного исследователя, дендролога, метеоролога, зоолога, профессионального охотника, референтное пространство текста которого напоминает научно-документальное кино; а с другой стороны – тонкого лирика, с потаённым для советской литературы глубоким христианским мировоззрением, верой в духовность природы и души человека (известна увлечённость Пришвина научной, как тогда считалось, концепцией Н. Ф. Фёдорова физического воскрешения человека). В зависимости от этого он использует либо «редукции визуального», либо «визуальную конкретизацию», позволяющие отдалить или приблизить наблюдателя [3].

Пришвин стремился «повторить природу» в слове. Двойственность в способах репрезентации своего мировоззрения, в которой он оказался не без влияния времени, проявилась в двух хорошо различимых композиционно-речевых структурах. Для внешнего мира он, рассказчик, использует ритм чередования репродуктивного, информативного (повествовательного) и генеритивного регистров речи, избрав глобальной образной метафорой *человек – дерево*, *мир – лес*. Пришвин анализирует

[4] Там же.

наблюдаемое в объективно-реалистичных образах. В его произведениях нет отвлечённых, от-авторских медитаций над природой, «лесное царство» – такой же сложный объект исследования, как «новый человек» с его жизнью в общественном труде, отношениях в рабочей артели, строительстве жизни. «Моя природа есть поэтическое чувство друга – пантеизм далеко позади, – друга-человека, составляющего вместе начало общего дела, начало коллектива»[1]. Пейзажный фрагмент, который соответствует образности документального кино, – это приём присутствия объясняющего рассказчика в тексте – природа «повествовательно» соседствует с центральными диалогами, словом и взглядом «другого» или событием в таких произведениях, как «Берендеева чаща», «Кащеева цепь», «Лисичкин хлеб», «Журавлиная родина», «Осударева дорога». Например: *Плохо тоже, когда солнцу не радуешься …: под колодьями снег, и верхнее солнечное тепло очень обманчиво. А из* ***облака*** *вдруг начинала стегать крупа или холодный дождь. Сокращая путь, мы к вечеру обходим какое-то непереходимое болото и начинаем подумывать о ночёвке*[2]. В этих произведениях «облака / тучи» как единица образного словаря писателя в принципе отсутствует.

В произведениях с выраженным внутренним миром говорящего, философской прозе («Времена года» из сборника «Глаза земли», «Незабудки», «Неодетая весна» и «Дневниках») двуплановость пейзажа и его концептуальная природа несомненна. Репродуктивно-описательный и информативно-описательный регистры речи изобилуют сверхфразовыми единствами, насыщенными образными единицами пейзажа, в том числе «облаками / тучами».

Пришвин часто использует жанр малой формы – заметки, подобный «крохоткам» А. И. Солженицына, «опавшим листьям» В. В. Розанова, лирическим миниатюрам В. Белова. Это позволяло ему организовать «тесноту семантического ряда» элементов *облако – солнце, деревья, ветер*, *дождь, земля*, где зачин и концовка сочетаются как вопрос самому себе и его решение через открытие миросозерцательного «я». В основе находится перцептивный тип созерцания: *Как нет на земле безвоздушного пространства, так нет и полного молчания. Если же всякий звук стихает, то деревья, кусты, облака, а то и запахи начинают говорить*[3]. В текстах его дневников и прозы есть авторское противопоставление занимающихся писательским трудом – «любующихся дачников» и «людей природы». У первых, «даже у Тургенева», как считает Пришвин, – слабое научное и художественное восприятие и понимание, эстетико-потребительское отношение – «что-то вроде дачи для души человека»[4], у вторых – накапливающаяся «сила» познания позволяет «собрать всю природу в единство». В силу этого любая образная пропозиция пейзажного дискурса («ветер дует», «солнце светит», «дождь идёт», «деревья растут»), в том числе и «облака движутся», в символическом смысле, должны быть, по Пришвину, созидающими стихиями, реализованными в тексте по степени силы и глубины проявления не столько в природе, сколько в воспринимающем сознании, процессе постижения природной творческой силы. Природа с неисчерпаемой творческой силой как человек, под стать ей, творец – писатель, учёный, строитель, «человек будущего». Пришвин – писатель земли, а не неба. *В жаркий парной день войдёшь в хвойный лес, как под*

[1] Пришвин М. М. Глаза земли // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/glaza-zemli/doroga-1947-god.htm (дата обращения: 02.02.2023).

[2] Пришвин М. М. Берендеева чаща. Живые помощи // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/berendeeva-chascha/zhivye-pomoschi.htm (дата обращения: 02.02.2023).

[3] Пришвин М. М. Незабудки. Глава 34. Деревья // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/nezabudki/glava-34-derevya.htm (дата обращения: 02.02.2023).

[4] Пришвин М. М. Глаза земли // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/glaza-zemli/doroga-1947-god.htm (дата обращения: 02.02.2023).

крышу великого дома, и бродишь, бродишь ***глазами внизу****. Со стороны посмотрит кто-нибудь и подумает: «Он что-то ищет. Что? … – Да,– отвечаю,– я* ***мысль свою в себе потерял*** *и теперь вот чувствую – сейчас найду, вот тут, в заячьей капусте найду…*[1] Животворящее солнце его – обычно «опускается» или «разгорается» на рождающей, действующей земле-стихии – в верхушках деревьев, между деревьями, на воде: *Природа для меня, огонь, вода, ветер, камни, растения, животные…*[2]. Даже облака у Пришвина – часть мирового древа: *…от низу и до облаков, всё одно высокое дерево. И кажется, так это просто … стать одной ногой на макушку, другой на облако*[3]. В этой мировоззренческой составляющей «образа автора» и заключается причина небольшого количества представленных фрагментов с образами «облако / туча».

Облака как часть поэтического языка

«Облака / тучи» у Пришвина традиционно выступают как функциональная единица абстрактного языка художественной литературы для выражения понятий лексико-семантического поля «Человек. Ментальное»: *Совсем весна, льёт с крыш, и в небе есть такие светлые луговинки голубые, и по ним* ***всё бегут, бегут облака, как и мы****, бывает: придёт радость – замереть бы, принять, а* ***мы бежим***![4] Возможно, в этой образной единице его привлекала идея метаморфозы, большая «визуальная сила, изменчивость» [9, с. 211]. В «Дневниках» одну из лирических зарисовок Пришвин начинает так: *Душа воды – облака. Сила тяготения заставляет облаками воду падать на землю*, называет облака «коллективом пузырьков» стихии воды, «имеющей трудовое назначение», наделённой огромной «силой слияния» и крещения в христианстве (1 апреля 1946)[5].

Образная константа «облака движутся» реализуется в сходных по структуре высказываниях или сверхфразовых единствах – описательных формах. Её анализ начинается с синтагматики в пределах предикативного сочетания. Поэтические описательные формы обычно значительно отличаются от литературной нормы, «русского ассоциативного предикативного сочетания» (термин С. Г. Букаренко) [4], но у Пришвина этого намерения нет. Его **облака** – *быстро мчатся, бегут, сбегают с неба, задевают деревья, делят небо, приходят, случаются, рождаются, начинают игру с горами* (для кавказских пейзажей), *скрывают* солнце, *показываются, наплывают, тянутся* к чему-либо на земле, *перелетают, складываются, расходятся, являются, переменяются, громоздятся* и т. п.

Тучи наделены в большей степени антропоморфными признаками и эмотивными оценками, но также не выходят за пределы денотативного класса: *набегают, приносят на землю* (весну, осень, тепло), *встречают солнце, смыкаются, натягиваются, разрываются, сливаются, валят, опускаются, расходятся* и т. п. Как видим, речевая привычка писателя не нарушает общепринятых норм сочетаемости лексемы «облако». Обратим внимание, что семе ‘сила’, актуальной для пришвинского образа, соответствуют глаголы исключительно акциональные – физического действия, движения. Статической образности «облаков / туч» у Пришвина нет, такие примеры единичны. При отсутствии глагольности автор использует номинативные предложения и словосочетания с атрибутивными отношениями. Первые как ядерное средство выражения категории перцептивности подчёркивают эффект непосредственного восприятия, субъектность текста, «повышают фокус эмпатии говорящего» [6, с. 112]: *Очень тихо, морозно, под вос-*

[1] Пришвин М. М. Глаза земли // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/glaza-zemli/doroga-1947-god.htm (дата обращения: 02.02.2023).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Пришвин М. М. Дневник 1946 г. // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/dnevniki-otdelno/1946-stranica-3.htm (дата обращения: 02.02.2023).

ходящим небом разноцветные перистые ***облака***[1]. Второй способ реализации перцептивного образа связан с идеей образа как процесса, «образа мира как системы ожиданий» [5, с. 70], словосочетание – это свёрнутая пропозиция с той же идеей изменчивости и зыбкости, неустойчивой стихии состояния человека – от апатии до страсти: *В* ***больших*** *облаках* ***с просветами солнца****; из* ***висящего сплошного мутно-серого*** *неба; из-за* ***тончайших, пурпуровых*** *на полнеба* ***барашков*** и т. п. – это не украшательство речи, а способ выражения оценки состояния говорящего «здесь и сейчас». В философской прозе, как и в документальной, Пришвин использует одни и те же смыслы в сериях словосочетаний с разной степенью метафоричности.

В большей части контекстов «облака / тучи» являются объектом воздействия (или, по Пришвину, «игры») более сильных стихий – солнца, ветра, воды. Для языкового сознания писателя более характерны объектные конструкции как в количественном, так и в смысловом отношении – с идеей борьбы, преодоления: *Сквозь туман и облака солнце с утра медленно* ***пробивает себе путь***[2]. Облака как объект движения солнечной стихии является частью концептуального поля Истина – Ложь. Об этом у Пришвина, например, «Свет и тень». Тень-Ложь, создаваемая облаками, мыслится как защита слабому человеку и ростку в природе от беспредельной, попаляющей Истины-Красоты-Солнца: *Всё стремится к свету, но если бы всем сразу свет, жизни бы не было:* ***облака облегают тенью своей солнечный свет****, так и люди прикрывают друг друга тенью своей, она от нас самих, мы ею защищаем детей своих от непосильного света*[3]. Метафора борьбы солнца с тучей (туманом, облаком), игры-борьбы является определяющей для многих сюжетов Пришвина, в частности «Кладовой солнца», где христианская символическая иносказательность пейзажа доведена автором до совершенства.

Межтекстуальный анализ показывает, что «язык пейзажа» позволяет автору производить отбор образных (перцептивных) констант в соответствии не с действительностью, а с традицией, направлением в литературе, авторской картиной мира, жанровым своеобразием текста. Сам же текст, как и отдельная описательная форма, тоже обладает некоторой устойчивостью и воспроизводимостью. Это как раз и доказывает соотнесённость предметности с образом автора, перцептивным типом, а не с действительностью. В так называемом классическом русском «солнечном» или «идеальном пейзаже» реализуются следующие образные константы (мотивы): 1. Концепт "небо": солнце светит (освещает); облака движутся. 2. Концепт "поднебесье": ветер дует; деревья колышутся; птицы поют. 3. Концепт "земля": цветы растут, что-то отражает солнце, в траве движение. Это отражает пространственный символизм «верха» и «низа» (Бога и земного), «света» и «тьмы» (положительного – отрицательного, разума – бессознательного).

Сами же описательные формы, репрезентирующие эти константы, окказиональны. Пришвинский «идеальный пейзаж» – солярный, «торжествующий», с движением солнечного света на поверхности земли. В документальной и дневниковой прозе Пришвин чаще использует другие типы, так называемые «тихие» и «унылые пейзажи» [14, с. 144–151], смысловой акцент в которых ставится на движениях внутри «обычного», «повседневного» состояния человека, сопоставимых с сумерками, рассветами, дождливым или облачным днём. Частотное наречие для пейзажа Пришви-

[1] Пришвин М. М. Дневники. 16 апреля 1926 года // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/dnevniki-otdelno/1926-stranica-2.htm (дата обращения: 02.02.2023).

[2] Пришвин М. М. Глаза земли // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/glaza-zemli/doroga-1947-god.htm (дата обращения: 02.02.2023).

[3] Пришвин М. М. Незабудки. Глава 36. Свет и тень. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/nezabudki/glava-36-svet-i-ten.htm (дата обращения: 02.02.2023).

на – «внизу»: *И так он прекрасен там, в зеркале, со всею природой, с облаками, лесами, и солнышко* ***там внизу*** *тоже садится, и молодой месяц показывается, и частые звёздочки*[1].

Заключение

Мы хотели показать, насколько образные единицы пейзажа однородны в семантическом отношении в языке русской литературы. Несмотря на вариативность актуализации разных символических значений образных констант в конкретных произведениях разных авторов и окказиональные речевые описательные формы, даже отсутствие элемента в ядре образной системы писателя, – семантика, парадигматика и собственно содержательные формы элементов «общего словаря» концептуального поля Природа – Человек остаётся неизменной.

«Облака / тучи движутся» – вербальный элемент намеренного восприятия визуального природного явления, которое не воздействует на человека непосредственно, как солнце, ветер или дождь. Этот образ относится к динамическим и атектоническим, т. е. выражающим идею изменения, движения, поэтому соотносится с семантикой мысли, чувства, состояния человека.

Выбор глаголов «плывут», «идут», «бегут» обусловлен архетипичностью образа, когнитивными метафорами. Для Пришвина характерны идеи быстрого движения, стремительного изменения, силы любой природной стихии, её способности покорять и покоряться.

Образу «облака плывут» в прозе Пришвина не свойственен тропеический антропоморфизм на уровне предикативной сочетаемости, который мы наблюдали в прозе А. П. Чехова, М. Горького, И. Бунина. Проза Пришвина подтвердила гипотезу о концептуализации любого пейзажа в прозе, о том, что «облака – это гигантская небесная архитектура, в которой, как в имагинарном ландшафте, движется душа» [12, с. 67]. Для Пришвина квазисимволы облака и тучи соотнесены со следующими значениями: 1) пограничной черты между Истиной и Ложью: *Солнце, такое горячее и чистое, вышло против них над болотными ёлочками. Но* ***случилось*** *на небе в это время* ***одно облако****. Оно явилось как холодная синяя стрелка и* ***пересекло собой пополам*** *восходящее солнце*[2]; 2) неопределённого зыбкого состояния, предчувствия; 3) тяжёлого душевного состояния; 4) покров мысли, души, сокровенного.

Пришвин не меняет устойчивые речевые нормы обозначения параметричности «облака / тучи» – цвета (*белые, дымчатые, золотистые, тёмные*), формы (*круглые, перистые, барашками*), положения в пространстве (*высокие, далёкие*), времени (*летние*) и т. д. Для изменения содержательной формы (перехода от перцептивного к символическому значению) автор использует особые приёмы двуплановости, возможные при повествовании и восприятии от 1-го лица.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Облако в символарии русской культуры [Электронный ресурс] // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 4 (29). URL: https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes (дата обращения: 02.02.2023).
2. Авдевнина О. Ю. Ситуация восприятия в аспекте её синтаксического и художественного моделирования. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. 416 с.
3. Аксёнова А. А. Рецептивные аспекты визуального в литературе // Новый филологический вестник. 2020. Т. 3. № 54. С. 76–86.

[1] Пришвин М. М. Кладовая солнца // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/rodnaya-zemlya/kladovaya-solnca.htm (дата обращения: 02.02.2023).

[2] Там же.

4. Букаренко С. Г. Имплицитная сторона механизма сочетаемости как фиксация связей русской языковой картины мира (ассоциативный качественно-количественный аспект). М.: Интернаука, 2017. 446 с.
5. Журавлев И. В., Журавлева Ю. В. Противопоставление «образ – процесс» как методологическая основа исследования перцептивной деятельности // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2015. № 1 (26). С. 62–72.
6. Иванова Е. Ю. О перцептивности номинативных предложений // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 107–117.
7. Крюкова Л. Б. Перцептивный строй поэтического текста: к вопросу о терминологическом аппарате исследования // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 47–54.
8. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Семантическая структура модального значения неодобрения как соотношение ментального, эмотивного, перцептивного, волитивного модусов // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2007. № 5. С. 125–136.
9. Матич О. К истории облака: Василий Кандинский, Андрей Белый и др. // Новое литературное обозрение. 2011. № 6 (112). С. 211–234.
10. Халикова Н. В. Об образности художественной прозы // Русский язык в школе. 2004. № 3. С. 90–96.
11. Халикова Н. В. Формальная и семантическая структура словесного образа «ветер дует» в текстах произведений И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 51–59.
12. Ханзен-Лёве Оге А. Интермедиальность в русской культуре: от символизма к авангарду. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2016. 503 с.
13. Хизниченко А. В., Крюкова Л. Б. Проект словаря перцептивных образов поэтического творчества Б. Л. Пастернака // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 44–57.
14. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 302 с.

REFERENCES

1. Abramova V. I., Arkhangel'skaya Yu. V. [A Cloud in the Symbolism of Russian Culture]. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Scientific Notes of Novgorod State University named after Yaroslav the Wise], 2020, no. 4 (29). Available at: https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes (accessed: 02.02.2023).
2. Avdevnina O. Yu. *Situatsiya vospriyatiya v aspekte ee sintaksicheskogo i khudozhestvennogo modelirovaniya* [The Situation of Perception in the Aspect of Its Syntactic and Artistic Modeling]. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2022. 416 p.
3. Aksenova A. A. [Receptive Aspects of the Visual in Literature]. In: *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2020, vol. 3, no. 54, pp. 76–86.
4. Bukarenko S. G. *Implitsitnaya storona mekhanizma sochetaemosti kak fiksatsiya svyazei russkoi yazykovoi kartiny mira (assotsiativnyi kachestvenno-kolichestvennyi aspekt)* [The Implicit Side of the Compatibility Mechanism as a Fixation of the Connections of the Russian Language Picture of the World (An Associative Qualitative and Quantitative Aspect)]. Moscow, Internauka Publ., 2017. 446 p.
5. Zhuravlev I. V., Zhuravleva Yu. V. [Opposition "Image – Process" as a Methodological Basis for the Study of Perceptual Activity]. In: *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects], 2015, no. 1 (26), pp. 62–72.
6. Ivanova E. Yu. [On the Perceptivity of Nominative Sentences]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 2004, no. 1, pp. 107–117.
7. Kryukova L. B. [Perceptual Structure of the Poetic Text: the Problem of the Terminological Apparatus of the Study]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2019, no. 447, pp. 47–54.
8. Markelova T. V., Petrushina M. V. [Semantic Structure of the Modal Meaning of Disapproval as the Ratio of Mental, Emotive, Perceptual, Volitional Modes]. In: *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti* [Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity], 2007, no. 5, pp. 125–136.
9. Matich O. [On the History of the Cloud: Wassily Kandinsky, Andrey Bely and Others]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2011, no. 6 (112), pp. 211–234.

10. Khalikova N. V. [On the Figurativeness of Artistic Prose]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at School], 2004, no. 3, pp. 90–96.
11. Khalikova N. V. [Formal and Semantic Structure of the Verbal Image "The Wind Blows" in the Texts of the Works of I. A. Bunin]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2020, no. 4, pp. 51–59.
12. Hansen-Löve Oge A. *Intermedial'nost' v russkoi kul'ture: ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian Culture: From Symbolism to Avant-Garde]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2016. 503 p.
13. Khiznichenko A. V., Kryukova L. B. [The Project of the Dictionary of Perceptual Images of Poetic Creativity of B. L. Pasternak]. In: *Voprosy leksikografii* [Questions of Lexicography], 2018, no. 13, pp. 44–57.
14. Epshtein M. N. *"Priroda, mir, tainik vselennoi...": sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii* ["Nature, the World, the Secret of the Universe ...": A System of Landscape Images in Russian Poetry]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 302 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халикова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: nathalik@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia V. Khalikova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Modern Russian named after Prof. P. A. Lekant, Moscow Region State University;
e-mail: nathalik@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Халикова Н. В. Словесный образ «облака движутся» в текстах произведений и дневников М. М. Пришвина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 19–27.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-19-27

FOR CITATION

Khalikova N. V. The Verbal Image of "Clouds are Moving" In the Texts of M. M. Prishvin's Works and Diaries. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 1, pp. 19–27.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-19-27

УДК 81.373
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-28-36

СВЕТ, БЛЕСК И СИЯНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ПРОЗЫ М. М. ПРИШВИНА

Шаталова О. В.
Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Статья посвящена языковому анализу семантического поля ‘свет’ в книге М. М. Пришвина «Дорога к другу (дневники)».
Процедура и методы. Вырабатывается модель индивидуально-авторского описания световой гаммы, основанная на формализованной сплошной выборке материала. Значимыми являются методики выявления смысловых нюансов отдельных языковых элементов при помощи семантико-стилистического метода, основой которого является принцип координации языкового и индивидуального.
Результаты. Выявлен корпус языковых единиц семантического поля ‘свет’ в автобиографической прозе М. М. Пришвина. Определены функции художественных приёмов, которые использовал автор для создания концептуализированного мира света.
Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение семантического поля ‘свет’ позволило выявить индивидуально-авторские универсалии восприятия данного явления действительности. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения материалов и выводов в преподавании стилистики русского языка, языка художественной литературы, в возможности использования результатов для описания индивидуально-авторских концептосфер.

Ключевые слова: блеск, свет, семантическое поле, сияние, художественные приёмы

LIGHT, BRILLIANCE AND RADIANCE OF M. M. PRISHVIN'S POETIC LANGUAGE PROSE

O. Shatalova
Moscow State Regional Pedagogical University
ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract
Aim. The paper is devoted to the linguistic analysis of the semantic field ‘light’ in M.M. Prishvin's book “The Road to a Friend (diaries)”.
Methodology. A model of an individual author's description of the light scale is developed, based on a formalized continuous sampling of the material. Significant are the methods of identifying semantic nuances of individual linguistic elements using the semantic-stylistic method, which is based on the principle of coordination of linguistic and individual.
Results. The corpus of linguistic units of the semantic field ‘light’ in M. M. Prishvin's autobiographical prose is revealed. The functions of the artistic techniques used by the author to create a conceptualized world of light are determined.
Research implications. The study of the semantic field ‘light’ allowed us to identify the individual author's universals of perception of this phenomenon of reality. The practical significance of the research is determined by the possibility of using materials and conclusions in teaching the stylistics of the Russian language and the language of fiction, as well as in the possibility of using the results to describe the individual author's conceptual spheres.

Keywords: light, brilliance, radiance, semantic field, artistic techniques

© CC BY Шаталова О. В., 2023.

Введение

4 февраля 2023 г. исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося писателя, прозаика, публициста Михаила Михайловича Пришвина, размышлявшего в своих произведениях о тайнах человеческого бытия, о связи человека и природы, о родстве природы и культуры, природы и искусства, утверждавшего в своих произведениях идеи добра и гуманизма, воспевшего в своём творчестве народную жизнь и народную судьбу. Творчеству М. М. Пришвина посвящён целый ряд философских, литературоведческих и лингвистических исследований (Т. Я. Гринфельд-Зингурс (1992) [3], Е. О. Аквазба (2004) [1], А. М. Подоксенов (2008) [6], П. А. Ибрагимова (2011) [5] и др.), в которых рассматриваются вопросы, связанные с его прозаическим наследием. «Прозу Пришвина можно с полным правом назвать разнотравьем русского языка. Слова у Пришвина цветут, сверкают. Они то шелестят, как травы, то бормочут, как родники, то пересвистываются, как птицы, то позванивают, как первый лёд, то, наконец, ложатся в нашей памяти медлительным строем, подобно течению звёзд»[1].

Достоинством произведений М. М. Пришвина является яркий, доступный и простой язык. Используя всё многообразие художественных приёмов, он создаёт поэтичные, эмоциональные образы, мастерски разрешает проблему взаимодействия научной мысли и художественного слова. Поэтика М. М. Пришвина обращена к единой цели: «воссоздать детальнейший, “вечный” и “мгновенный” облик природы, “текучей” как в реальности, так и в сознании человека её портрет и “характер”, равные в эстетике портрету и характеру личности» [3, с. 3].

На страницах своих произведений Пришвин выступает тонким философом, наблюдателем, способным передать детский взгляд на мир. Особенностью «пришвинской художественной прозы является наличие ряда сквозных образов, создающих эффект своего рода внутренней авторской интертекстуальности, скрепляющей собой проблемно-тематическую и мотивную основу его творчества» [7, с. 157]. «Многие ипостаси его писательской личности открываются только теперь – во многом благодаря публикации 4 дневников, которые, в частности, позволяют выявить степень автобиографизма его художественных произведений» [8, с. 3].

Целью работы будет изучение художественного дискурса Михаила Пришвина (книга «Дорога к другу (дневники)»), выявление в нём индивидуально-авторских коннотаций световой гаммы, описание семантического поля ‘свет’, которое представляет собой системную структуру с ядром и периферией, со словами во всей полноте их содержания, включая лексико-семантические варианты. Отметим, что «объект изучения, его свойства и признаки, выделенные человеком в окружающем мире, наиболее полно и ярко познаются в художественном тексте в разнообразных языковых окружениях, которые в совокупности отражают целостность фрагмента определённой картины мира» [4, с. 293].

Взаимодействие творческой мысли и художественного слова в создании семантического поля ‘свет’

Поэтический язык Михаила Пришвина характеризуется наличием различных словесных формул, символов, образов, в которых отражается художественный мир автора. «Представление человека об окружающем его мире и в частности о природе, формирует глубинную основу системы его ценностей, что позволяет представить своеобразную классификацию человеческого опыта, раскрывающую систему значимостей, обладающих этнокультурной спецификой» [1, с. 201]. Символичность и поэтичность прозы М. Пришвина создаётся за счёт способности лексических единиц, семантического окружения и определённо построенных синтаксических конструк-

[1] Паустовский К. Г. Золотая роза. Михаил Пришвин // Константин Паустовский: [сайт]. URL: http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/zolotaya-roza/roza_27.htm (дата обращения: 16.01.2023).

ций передавать тончайшие эмоции и чувства, через малое открывать для читателя весь информационный масштаб об окружающем нас мире. «Секрет пришвинского обаяния, его колдовства – как раз в этой его зоркости. Это та зоркость, что в каждой малости открывает интересное, что под прискучившим покровом окружающих явлений видит глубокое содержание. Всё сверкает поэзией, как трава от росы. Самый ничтожный листок осины живёт своей жизнью»[1].

Центральной единицей, ядром текстового семантического поля ‘свет’ в прозе Пришвина выступает лексико-семантический вариант слова *свет* ‘лучистая энергия, делающая окружающий мир видимым; электромагнитные волны в интервале частот, воспринимаемых глазом’[2]. Оно является базовым словом и имеет самое ёмкое и в то же время самое бедное по эмоциональной насыщенности лексическое значение. Вокруг данной лексемы, которая наиболее полно выражает общее и находится в позиции минимальной обусловленности от семантического окружения, группируются другие языковые единицы, которые в зависимости от контекста становятся элементами ядерной или периферийной зоны.

В ядерную зону входит антоним *тень* в значении ‘место, защищённое от попадания прямых солнечных лучей’[3]: ***Свет** в Москве **обнимает человека** и несёт. **Дома сверкают на свету** и радуются **тени: свет и тени** – всё хорошо!*[4]; *Итак, разбирая всё, заключите свою композицию победной осенью, когда в конце **летней борьбы света и тени** за лето макушка можжевельника поднимется на целый сантиметр вверх ближе к солнцу*[5]; *– Это будет, – ответил я, – **картина жизни вселенной в борьбе света и тени** с героем всей этой борьбы величиной с палец*[6]. Бинарные оппозиции (*свет – тень, свет – тьма, весна –зима, солнце – темнота* и др.) довольно часто встречаются в языке Пришвина в одном контексте. Антонимы представляют языковую универсалию, опирающуюся на логическую категорию противоположностей: *Все мы **вышли из тьмы**, и все мы **движемся к свету**, вместе с нами совсем рядом из **тёмной земли поднимаются к солнцу** деревья, былинки, соломинки, цветы и вместе с нами живут*[7].

В поэтической картине мира писателя одной из центральных единиц семантического поля ‘свет’ становится лексема *весна.* Отметим, что один из рассказов получает название «Весна света» (*В Москве уже лет тридцать и больше я наблюдаю **чудесное время, названное мною весной света**…*). Языковой анализ позволяет нам констатировать, что вокруг лексемы *весна* формируется особое самостоятельное микрополе, в которое входят такие единицы, как *солнце, ручьи, капли, сосульки, утро,* через которые автор передаёт определённые световые эффекты: *Окно с утра непроницаемо-матовое, и по матовому сверху устремляются вниз **капельные ручейки, и сквозь них блестит золото наступающего дня весны света***[8]; *Вместо февральских метелей стоят мартовские **солнечные дни весны света**. Я не знаю, что может быть лучше на свете **множества людей, залитых***

[1] Паустовский К. Г. Золотая роза. Михаил Пришвин // Константин Паустовский: [сайт]. URL: http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/zolotaya-roza/roza_27.htm (дата обращения: 16.01.2023).

[2] Свет // Толковый онлайн-словарь русского языка С. И. Ожегова: [сайт]. URL: https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/c/свет (дата обращения: 16.01.2023).

[3] Тень // Толковый онлайн-словарь русского языка С. И. Ожегова: [сайт]. URL: https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/т/тень (дата обращения: 16.01.2023).

[4] Пришвин М. М. Весна света // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/vesna-sveta.htm (дата обращения: 16.01.2023).

[5] Пришвин М. М. Природа // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/priroda.htm (дата обращения: 16.01.2023).

[6] Там же.

[7] Пришвин М. М. Мать // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/mat.htm (дата обращения: 16.01.2023).

[8] Пришвин М. М. Весна света // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/vesna-sveta.htm (дата обращения: 16.01.2023).

***солнцем**, протекающих где-нибудь через площадь из одной большой улицы в другую*[1]; *За окном моим под чёрной железной планкой балкона привесились четыре **большие, тяжёлые светящиеся капли и светят мне как посланники весны**, и говорят мне по-своему, на понятном только мне языке…*[2]; ***Милый свет утренний**, когда люди все спят, это весеннее, это весеннее!*[3]

Любое семантическое поле характеризуется целостностью, полнотой, размытостью границ, иерархическим построением. «Возникновение и развитие той или иной тематической и лексико-семантической группы слов обусловлено как собственно языковыми, лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами» [10, с. 17]. Структура поля представляет собой набор элементов, каждый из которых прилегает к соседнему. Одна и та же единица может входить в состав нескольких микрополей. Так, лексема *солнце* входит в состав микрополя ‘весна’, но, в свою очередь, в значениях ‘1) центральное тело Солнечной системы, звезда, представляющая собой гигантский раскалённый газовый шар, излучающий свет и тепло за счёт протекающих в его недрах термоядерных реакций; 2) свет, тепло, излучаемые этим телом’[4] становится центральной, образующей самостоятельное микрополе, в которое входят такие единицы, как *лучи, луна, звёзды, росинка солнца, электрическая лампа, мороз, загореться, освещать, ярко: Но как я ни всматривался в эти стволы леса, **освещённые пятнами пронзительных вечерних лучей**, я видел только красивость леса без всякого содержания*[5]; *А когда **лучи шире разбежались по лесу**, то у всех листьев, цветов, деревьев, кустов, у ежа, зайчика развязались языки, **всё засверкало**, засвистело, закуковало, запело, и всё собиралось в душе, обращаясь в слова человеческие*[6]; *До солнца леса оделись инеем, и, когда **солнце взошло**, некоторые крупные **кристаллы инея** на деревьях **загорелись, и так ярко, что нельзя было отличить от них забытую электрическую лампочку***[7]; *И такое же в этот утренний час было прикосновение понимания моей любви, как **источника всякого света, всех звёзд, луны, солнца и всех освещённых цветов, трав, детей, всего живого на земле***[8].

Пришвин как мастер поэтического слова, включая в синтаксическую конструкцию лексему *свет,* придаёт дополнительный световой оттенок лексемам, которые его не имеют в своей изначальной семантической структуре. Например, в предложении *Тишина, **мороз, свет**, **аромат мороза и солнца**, торжество*[9] слово *мороз*, которое в русском языке выступает в значениях ‘1) холод, стужа || Температура воздуха ниже нуля; 2) холодная зимняя погода; холода’[10], в данном случае приобретает через цветовой оттенок белизны сему ‘свет’.

В микрополе ‘солнце’ мы включили и индивидуально-авторскую единицу *росинка солнца* (*Природа есть родина всех талантов, начиная **от росинки солнца,***

---

1 Там же.

2 Пришвин М. М. Весна света // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/vesna-sveta.htm (дата обращения: 16.01.2023).

3 Там же.

4 Солнце // Малый академический словарь А. П. Евгеньевой (МАС): [сайт]. URL: https://lexicography.online/explanatory/mas/c/солнце (дата обращения: 16.01.2023).

5 Пришвин М. М. Творческое поведение // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/tvorcheskoe-povedenie.htm (дата обращения: 16.01.2023).

6 Пришвин М. М. Добро и красота // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/dobro-i-krasota.htm (дата обращения: 16.01.2023).

7 Пришвин М. М. Весна света // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/vesna-sveta.htm (дата обращения: 16.01.2023).

8 Пришвин М. М. Любовь // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/lyubov.htm (дата обращения: 16.01.2023).

9 Пришвин М. М. Весна света // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/vesna-sveta.htm (дата обращения: 16.01.2023).

10 Мороз // Малый академический словарь А. П. Евгеньевой (МАС): [сайт]. URL: https://lexicography.online/explanatory/mas/м/мороз (дата обращения: 16.01.2023).

сверкнувшей всеми огнями**, кончая талантами, переходящими в историю культуры*[1]), но заметим, что лексема *роса* в значении ‘водяные капли, осаждающиеся из влажного воздуха на поверхности растений, почвы и различных предметов при их охлаждении в вечерние, ночные и ранние утренние часы’[2] становится базовой и образует своё микрополе с такими единицами, как *капля, водица, мокрый, блестеть, сверкать, переливаться* и др.: *Так что внимание есть вмещение целого в часть, вселенной – **в сверкающую росинку утреннего ириса[3]; *И от **первого луча, проникшего в лес, сверкнула, алмазно переливаясь цветами, росинка***[4]; *Мать-природа, когда поливала наши огурцы, верно, не думала о том, что завтра на восходе **её водица на листьях блеснёт росой** и восхитит всех, кто выглянет на свет божий*[5]; ***Стали блестеть, как мокрые, на солнце** клейкие **листики тополей***[6]. Отметим, что микрополя ‘роса’ и ‘солнце’ в прозе Пришвина развивают общий семантический множитель – *луч*, который соединяет эти два поля в единое целое.

Таким образом, в ядерную зону семантического поля ‘свет’ входят составляющие трёх основных микрополей: ‘весна’, ‘солнце’, ‘роса’. В периферийную зону включаются языковые единицы, которые обладают более сложным смысловым содержанием, выступая в переносных значениях. Данные слова распределяются по тематическим группам и структурируются по таким же принципам, как и в ядерной зоне. В прозе М. М. Пришвина периферийная зона представлена тематическими группами:

– ‘день’ (как источник света) – *Этот **день** весь с утра до ночи как бы цвёл и **блестел, как кристалл***[7];

– ‘творчество’ (свет как духовное развитие человека) – ***Книга** для каждого **освещает** наше личное движение к истине*[8]; ***Поэзия бросает лучи света во все стороны**, и один из них проходит сквозь правду и освещает её изнутри. Такая **правда редкая светит для всех наравне со светилами**, а искусство такого художника является личным его поведением*[9];

– ‘красота’ (свет как эстетическое развитие человека) – ***Красота светит всем**, но не каждому: не каждый в состоянии встретить её*[10].

«При создании метафорических выражений слово у М. М. Пришвина не просто употребляется в переносном значении – оно в большинстве случаев приобретает новое значение, новую семантику, осмыслить и понять которую возможно лишь в контексте» [5, с. 169].

Взаимодействие света и цвета в прозе М. М. Пришвина

«Свет и цвет, воплотившиеся в поэтическом слове, создают неповторимую красочную ткань литературного произведения, причём каждому автору присуща только своя, особенная “палитра”» [2, с. 76].

1 Пришвин М. М. Природа // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/priroda.htm (дата обращения: 16.01.2023).

2 Роса // Малый академический словарь А. П. Евгеньевой (МАС): [сайт]. URL: https://lexicography.online/explanatory/mas/p/роса (дата обращения: 16.01.2023).

3 Пришвин М. М. Внимание // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/vnimanie.htm (дата обращения: 16.01.2023).

4 Пришвин М. М. Добро и красота // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/dobro-i-krasota.htm (дата обращения: 16.01.2023).

5 Там же.

6 Пришвин М. И. Деяние // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/deyanie.htm (дата обращения: 16.01.2023).

7 Пришвин М. М. Весна света // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/vesna-sveta.htm (дата обращения: 16.01.2023).

8 Пришвин М. М. Правда // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/pravda.htm (дата обращения: 16.01.2023).

9 Там же.

10 Пришвин М. И. Добро и красота // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/dobro-i-krasota.htm (дата обращения: 16.01.2023).

Пришвин в книге «Дорога к другу (дневники)» в большинстве случаев использует цветообозначения в качестве эпитетов, что и делает язык его прозы поэтическим. Средства художественной выразительности создают эмоциональную, чувственную картину, во всей полноте показывают образ и характер автора. Палитра цветовой гаммы у Пришвина многогранна и богата: от основных до оттеночных с широкой семантической наполненностью. «В рамках контекста световое наполнение может согласно авторской интенции усиливаться или ослабляться за счёт дополнительных изобразительно-выразительных средств» [9, с. 42].

Из всей цветовой гаммы мы выделили несколько цветообозначений, которые непосредственно связаны с семантическим полем ‘свет’. На первый план выходит белый цвет. В русской языковой картине мира этот цвет ассоциируется с чистотой, верой, смертью, он вступает в оппозицию с чёрным цветом. Для поэтической картины мира Пришвина белый цвет прежде всего ассоциируется со светом, с сиянием: *Я пропустил первую порошу, но не раскаиваюсь, потому что* ***перед светом явился мне во сне белый голубь****, и когда я потом открыл глаза, я понял такую* ***радость от белого снега и утренней звезды****, какую не всегда узнаешь на охоте*[1]; *Вчера весь день – и солнце село,* ***всё было в сиянии****, всё было, как осанна! И* ***весь день по ярко-белому в звёздах и голубому*** *ходили мы по земле, как в небесах*[2]. Безусловно, в тексте белый цвет используется автором в конкретном значении, но часто Пришвин использует это цветообозначение для создания светового эффекта: белый снег, белые звёзды, белизна коры берёзы, первая пороша и т. п.

Писатель в одном контексте соединяет белый и чёрный цвета, передавая их как эксплицитно, так и имплицитно: *Маленькая* ***льдина, белая*** *сверху, зелёная по взлому, плыла быстро, и на ней плыла* ***чайка****. Пока я на гору взбирался, она стала бог знает где там вдали, там, где виднеется* ***белая церковь*** *в* ***кудрявых облаках под сорочьим царством чёрного и белого***[3]**.** В данном случае белая льдина, белая церковь, и здесь же подразумевается белая чайка, белые облака, и в этом же контексте сорочье царство как царство белого и чёрного (противопоставление и соединение этих цветов одновременно).

Белый цвет у Пришвина пересекается с жёлтым / золотым цветом, цветом солнца, цветом весны, солнечных лучей: *Перемена в жизни берёзы с тех пор, как* ***первый яркий*** *и ещё холодный* ***предвесенний луч покажет девственную белизну её коры***[4]. Жёлтый / золотой цвет в тексте передаётся как эксплицитно (*…а* ***солнышко*** *с той стороны лица* ***раззолотило кудри****, одни реснички того* ***глаза тоже светятся вместе с кудрями***[5]), так и имплицитно (*…и эти птицы были моя душа, и их перелёт на юг было моё поведение, образующее картину* ***осеннего леса****,* ***пронзённого лучами вечернего солнца***[6] – в данном случае жёлтый цвет передаётся через луч вечернего солнца и цвет осеннего леса).

Через цветовую гамму белого и жёлтого писатель передаёт жизненную энергию, радость от соприкосновения с природой: *Опять над Москвой в* ***солнечных лучах*** *поднимаются* ***дымы, как крем и безе со сбитыми сливками****, и чирикают воробьи,* ***весна света, и мимозы на улицах***[7]. В дан-

[1] Пришвин М. М. Любовь // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/lyubov.htm (дата обращения: 16.01.2023).

[2] Пришвин М. М. Весна света // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/vesna-sveta.htm (дата обращения: 16.01.2023).

[3] Пришвин М. М. Любовь // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/lyubov.htm (дата обращения: 16.01.2023).

[4] Там же.

[5] Пришвин М. М. Друг // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/drug.htm (дата обращения: 16.01.2023).

[6] Пришвин М. М. Творческое поведение // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/tvorcheskoe-povedenie.htm (дата обращения: 16.01.2023).

[7] Пришвин М. М. Весна света // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/vesna-sveta.htm (дата обращения: 16.01.2023).

ном случае перед нами своеобразный композиционный круг выступает в качестве символа бесконечности жизни: солнечные лучи (цвет жёлтый) – дымы, как безе со сливками (цвет белый) – мимозы (цвет жёлтый).

Для создания определённого эмоционального эффекта писатель использует приём градации в сочетании со сравнениями: *Мне принесли* ***белую водяную лилию****. Я дождался, когда* ***солнечный луч*** *попал ко мне в окно, и поставил стакан с купавой против луча. Тогда* ***жёлтое внутри цветка вспыхнуло как солнце****, а* ***белые лепестки стали так ярко белы****, что неровности бросили синие тени, и я понял весь цветок, как отображение солнца на небе*[1]. В данном случае в начале мы видим стилистически нейтральные цветовые обозначения (белая лилия, солнечный луч), а во второй части целый комплекс изобразительно-выразительных средств (эмотивная лексика – глагол в переносном значении *вспыхнуло*, сравнение – *вспыхнуло как солнце,* градация – *белые лепестки стали так ярко белы,* усилительная частица *так*).

Таким образом, «свет и цвет тесно взаимосвязаны между собой как две стороны одного физического явления (распространение лучистой энергии в пространстве)» [2, с. 75], свет и цвет связаны воедино в поэтическом языке М. М. Пришвина.

Заключение

Проведённый языковой анализ показал, что метод поля отвечает пониманию индивидуально-авторского языка, даёт возможность увидеть особенность поэтической картины мира писателя, он имеет большое значение для выявления специфики идиостиля, освещения мироощущения и миропонимания писателя.

Семантическое поле ‘свет’ в поэтическом языке прозы М. М. Пришвина представлено ядерной зоной, включающей микрополя с центральными единицами ‘весна’, ‘солнце’, ‘роса’, при этом данные микрополя взаимодействуют и пересекаются. В центре поля находится оппозиция *свет – тьма / свет – тень*.

Для обозначения света М. М. Пришвин в качестве основных использует цветонаименования *белый* и *жёлтый / золотой,* в оппозиции находится цвет *чёрный.* Цветовые обозначения в тексте передаются эксплицитно и имплицитно, при этом автор использует целый ряд художественных приёмов с целью усиления эмоционального эффекта.

Таким образом, пришвинский язык по праву можно назвать языком поэтическим, где каждое слово блестит, сверкает и излучает свет.

Статья поступила в редакцию 23.11.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аквазба Е. О. Денотативное и коннотативное значение слова в художественном тексте (на материале лексики растительного и животного мира в произведениях М. М. Пришвина): дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 218 с.
2. Беляева В. Н. Лексика с семантическим компонентом «свет» как объект лингвистического анализа // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2007. № 3. С. 70–73.
3. Гринфельд-Зингурс Т. Я. Чувство природы в творчестве М. М. Пришвина: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1992. 44 с.
4. Звукова Е. Д. Концепт-фрейм «женщина» в русской языковой картине мира (на материале произведений русской литературы XX–XXI) // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, г. Москва, 20–21 ноября 2015 г. М.: МГОУ, 2015. С. 292–295.

[1] Пришвин М. М. Природа // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/doroga-k-drugu/priroda.htm (дата обращения: 16.01.2023).

5. Ибрагимова П. А. Концептосфера авторской картины мира: на материале дневников М. М. Пришвина и В. Д. Пришвиной «Мы с тобой: дневник любви»: дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2011. 178 с.
6. Подоксенов А. М. Философско-мировоззренческий дискурс и культурный контекст творчества М. М. Пришвина: дис. … д-ра филос. наук. Белгород, 2008. 365 с.
7. Святославский А. В. Художественный текст Михаила Пришвина: лингвостилистический аспект. М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. 160 с.
8. Страхов И. И. Автобиографизм топонимического пространства в художественных текстах М. М. Пришвина: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 23 с.
9. Фадеева Т. М. Структурно-семантическое своеобразие колоративных сложных эпитетов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 5. С. 40–45.
10. Шаталова О. В. Эволюция глагола *быть* в русском языке: дис. … канд. филол. наук. М., 1997. 134 с.

REFERENCES

1. Akvazba E. O. *Denotativnoe i konnotativnoe znachenie slova v khudozhestvennom tekste (na materiale leksiki rastitel'nogo i zhivotnogo mira v proizvedeniyakh M. M. Prishvina): dis. … kand. filol. nauk* [Denotative and Connotative Meaning of a Word in a Literary Text (Based on the Vocabulary of Flora and Fauna in the Works of M. M. Prishvin): Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Tyumen, 2004. 218 p.
2. Belyaeva V. N. [Vocabulary with the Semantic Component "Light" as an Object of Linguistic Analysis]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov], 2007, no. 3, pp. 70–73.
3. Grinfel'd-Zingurs T. Ya. *Chuvstvo prirody v tvorchestve M. M. Prishvina: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk* [Feeling of Nature in the Work of M. M. Prishvin: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 1992. 44 p.
4. Zvukova E. D. [The Concept-Frame "Woman" in the Russian language picture of the world (based on the works of Russian literature of the XX–XXI)]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Moskva, 20–21 noyabrya 2015 g.* [Rational and Emotional in the Russian Language: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, 20–21 November 2015]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2015, pp. 292–295.
5. Ibragimova P. A. *Kontseptosfera avtorskoi kartiny mira: na materiale dnevnikov M. M. Prishvina i V. D. Prishvinoi "My s toboi: dnevnik lyubvi": dis. … kand. filol. nauk* [Conceptosphere of the Author's Picture of the World: Based on the Diaries of M. M. Prishvin and V. D. Prishvina "We are with You: A Diary of Love": Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Mahachkala, 2011. 178 p.
6. Podoksenov A. M. *Filosofsko-mirovozzrencheskii diskurs i kul'turnyi kontekst tvorchestva M. M. Prishvina: dis. … d-ra filos. nauk* [Philosophical and Ideological Discourse and Cultural Context of M. M. Prishvin's Creativity: Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Belgorod, 2008. 365 p.
7. Svyatoslavsky A. V. *Khudozhestvennyi tekst Mikhaila Prishvina: lingvostilisticheskii aspekt* [Literary Text of Mikhail Prishvin: Linguo-Stylistic Aspect]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2019. 160 p.
8. Strakhov I. I. *Avtobiografizm toponimicheskogo prostranstva v khudozhestvennykh tekstah M. M. Prishvina: avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [Autobiographism of Toponymic Space in the Literary Texts of M. M. Prishvin: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Voronezh, 2016. 23 p.
9. Fadeeva T. M. [Structural and Semantic Originality of Colorful Complex Epithets]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2011, no. 5, pp. 40–45.
10. Shatalova O. V. *Evolyutsiya glagola byt' v russkom yazyke: dis. … kand. filol. nauk* [Evolution of the Verb *to be* in Russian: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1997. 134 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаталова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии и культуры коммуникаций Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: olshatalova@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Shatalova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Slavic Philology and Culture of Communications, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: olshatalova@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаталова О. В. Свет, блеск и сияние поэтического языка прозы М. М. Пришвина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 28–36.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-28-36

FOR CITATION

Shatalova O. V. Light, Brilliance and Radiance of M. M. Prishvin's Poetic Language Prose. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology,* 2022, no. 1., pp. 28–36.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-28-36

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 821.161
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-37-50

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О РЕФОРМЕ ЯЗЫКА ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

Архипов М. И. (Иеромонах Лавр)
Московская духовная академия
141300, Московская обл., г. Сергиев Посад, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Доказать необходимость повышения понимания церковнославянского языка православными верующими и выявить методы достижения этой цели.
Процедура и методы: историко-структурный, изучение опыта и аргументации, исследование источников. В работе приводятся аргументы и контраргументы по вопросу понимания / непонимания богослужебных текстов в современной православной среде, выявляются основные пути решения данного вопроса. Автор приводит и анализирует высказывания богословов и филологов и на этой основе выдвигает аргументы в пользу необходимости сохранения церковнославянского языка в богослужении.
Теоретическая и/или практическая значимость. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты служат дополнительным подтверждением необходимости сохранения церковнославянского языка в качестве языка богослужения. Доказывается несостоятельность идеи о полном реформировании церковнославянского языка, которая в настоящее время популярна в обществе.
Результаты. По результатам проведённого анализа отмечается, что соответствующий уровень понимания церковнославянского языка достигается человеком самостоятельно в процессе постоянного посещения православного богослужения и за счёт изучения грамматики языка. Степень понимания церковнославянского языка зависит от общего уровня духовной грамотности прихожан. Необходимо укоренять в сознании верующих уверенность в том, что знание церковнославянского языка является косвенным подтверждением их веры, любви к Богу и Церкви.

Ключевые слова: изучение церковнославянского языка, катехизация, православное богослужение, русификация богослужения, церковнославянский язык

THE PROBLEM OF PERCEPTION OF THE CHURCH SLAVIC LANGUAGE IN THE CONTEXT OF THE LANGUAGE REFORM IN ORTHODOX SERVICES

M. Arkhipov (Hieromonk Laurus)
Moscow Theological Academy
141300, Moscow Region, Sergiev Posad, Holy Trinity St. Sergius Lavra, Russian Federation

Abstract
Aim. We prove the need to increase the understanding of the Church Slavonic language by Orthodox believers and identify methods for achieving this goal.
Methodology. Use is made of a historical and structural analysis. The study relies on experience and argumentation, as well as examination of various sources. The paper presents arguments and counter-

© CC BY Архипов М. И. (Иеромонах Лавр), 2023.

arguments on the issue of understanding / misunderstanding of liturgical texts in the modern Orthodox environment and identifies the main ways to resolve this issue. We cite and analyze the statements of theologians and philologists and, on this basis, give arguments in favor of the need to preserve the Church Slavonic language in worship.

Research implications. The practical significance of the study lies in the fact that its results additionally confirm the need to preserve the Church Slavonic language as the language of worship. The inconsistency of the idea of a complete reformation of the Church Slavonic language, which is currently popular in society, is substantiated.

Results. Using the results of the analysis, we note that the corresponding level of understanding of the Church Slavonic language is achieved independently by a person in the process of constant attendance at Orthodox services and by studying the grammar of the language. The degree of understanding of the Church Slavonic language depends on the general level of spiritual literacy of parishioners. It is necessary to root in the minds of believers the belief that knowledge of the Church Slavonic language is an indirect confirmation of their faith and love for God and the Church.

Keywords: study of the Church Slavonic language, catechesis, Orthodox worship, Russification of worship, Church Slavonic

Введение

В последнее время в церковном сообществе всё чаще поднимается тема неудовлетворительного понимания церковнославянских текстов. Уровень осмысления глубоких по значению и содержанию словосочетаний и выражений церковнославянского языка среди прихожан сегодня весьма низкий. Для некоторых неясность и сложность богослужебных текстов служит препятствием для посещения церковных служб, что даёт почву для высказываний в пользу русского литературного языка и замены им церковнославянского языка православного богослужения.

Обострение проблемы непонимания церковнославянского языка, которое наблюдается на современном этапе, связано с советским периодом истории, когда человек насильственно был отчуждён от православной веры и церковной жизни, что в итоге, к сожалению, привело к незнанию церковнославянского языка. На постсоветском пространстве свою роль в этом сыграли светские СМИ, деятельность инославных и сектантских групп, антицерковные выступления и т. д. На непонимание церковнославянского языка в целом огромное влияние оказывает само общество потребления, существующее вне христианских идеалов и ценностей.

Реформирование церковнославянского языка: аргументы за и против

В дискуссии, которая ведётся вокруг темы о реформировании богослужебного языка на протяжении XX–XXI столетий, можно выделить три группы оппонентов: реформаторы, консерваторы, умеренные либералы. Аргументация реформаторов, которые настаивают на полном переводе богослужения, сводится к следующим пунктам:

1) непонятность богослужебных текстов препятствует выполнению важнейших духовных задач Церкви, а полный перевод богослужебных текстов привлечёт в Церковь много новых людей;

2) слабое понимание богослужения на церковнославянском языке отталкивает верующих от Церкви; в свою очередь, языковой барьер преодолевается успешно сектантскими движениями, которые всегда используют язык народа и тем самым уводят людей из истинной христианской Церкви;

3) буквализм и формализм в отношении к богослужебным текстам уничтожает христоцентричность церковной жизни, приравнивает христиан к иудеям.

В свою очередь, консерваторы, отрицая любую модернизацию и русификацию богослужебных текстов, убеждены в следующем:

1) церковнославянский язык, как язык святоотеческий, возникший вместе с духовным творчеством отцов Церкви, хранит в себе многовековые церковные традиции, которые необходимо чтить и соблюдать;

2) идеи о русификации литургического языка представляют собой обновленческие тенденции, которые несут угрозу для Церкви в целом (как это было в 20-е гг. XX в.);

3) любые небольшие изменения в богослужебном языке являются первым шагом к постепенному исчезновению церковнославянского языка из жизни Церкви.

И, наконец, умеренные либералы настаивают на частичных преобразованиях в литургическом языке для того, чтобы повысить миссионерский потенциал богослужения Православной Церкви. Они предлагают вносить корректировки в церковно-богослужебные тексты, а также выполнять новые переводы, более понятные для людей. «Мы должны делать всё необходимое для того, чтобы служба Божия была понятна народу, чтобы люди в ней участвовали с разумением»[1], – наставляет Святейший Патриарх Кирилл.

В советское время вопрос о целесообразности перевода богослужебных текстов на русский язык возник в связи с обновленческим движением в 20-х гг. Консерваторы вспоминают, как группа обновленцев, заручившись поддержкой советских властей, пыталась осуществить церковные реформы. Именно тогда планы по использованию русского языка в богослужении были близки к осуществлению. Официальные структуры оказывали помощь с целью расколоть Православие в России. Альянс целого ряда священнослужителей с атеистической советской властью привёл к тому, что идея русского литургического языка бесповоротно дискредитировала себя. Поэтому современных сторонников применения русского языка как богослужебного консерваторы воспринимают как обновленцев.

В 1924 г. митрополит Антонин (Грановский), один из основателей обновленческого движения и лидер Союза «Церковное возрождение», созвал съезд Союза, на котором обсуждался вопрос реформирования богослужебного языка. В докладе о церковных реформах митрополит Антонин подчёркивает: «Реформационная тенденция – это основа, нерв и душа Союза “Церковное возрождение”…. Мы совершаем службу на русском языке при открытом алтаре…» [6, с. 262]. Переход богослужения на русский язык, по мнению митрополита, необходим для того, «чтобы освободить службу от вековой и засохшей замазки и сделать её понятной и живой» [6, с. 262].

Митрополит Антонин объяснял нежелание духовенства перейти на русский язык тем, что с исчезновением из Церкви языка церковнославянского пропадёт и вся «магия слов», и верующие начнут самостоятельно рассуждать о содержании понятных им богослужебных текстов. «А это духовенству невыгодно… Поповство и держится за славянский язык как за средство рабовладельческого командования умами верующих, как за средство укрепления этим своего колдовнического, магического влияния» [6, с. 265], – считал митрополит Антонин.

Святитель Тихон, патриарх Московский и всея России, настаивал на недопустимости реформ, так же, как и Патриархи второй половины XX в. – Пимен и Алексий II. В частности, Патриарх Алексий II на епархиальном собрании в 1993 г. отрицал идею о переходе богослужения на русский язык, подчёркивая, что правила Церкви разрабатывались на протяжении тысячелетий.

Стоит подчеркнуть такую особенность церковнославянского языка, как его способность отвлечь человека от мирских забот и страстей, поразительную сопричастность этого языка всему православному богослужению. Поэтому замена церковнославянского языком повседневности

[1] Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы (21 декабря 2017 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5085962.html (дата обращения: 11.03.2021).

приведёт к снижению духовного уровня этого языка и повредит ему.

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в проповеди, произнесённой в день интронизации на первосвятительский престол Святейшего Патриарха Алексия II в 1990 г., решительно наставляет Русскую Православную Церковь свято хранить церковнославянский язык – святой язык молитвенного обращения к Богу.

На вышеприведённые слова архимандрита Иоанна в 2011 г. ссылается Псковская епархия, выступившая против русификации богослужения, в рамках обсуждения проекта документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века». Данный проект имел цель обсудить идею русификации богослужения в XXI в. и вызвал весьма неоднозначную реакцию со стороны верующих, как духовенства, так и мирян. В процессе напряжённой полемики спорящие стороны выдвигали различные аргументы за и против реформирования. При этом поднимался вопрос о неточном характере некоторых формулировок проекта (определение критериев понятности и непонятности богослужебных текстов и т. д.). Консерваторы продолжали отстаивать недопустимость даже малейших изменений в церковнославянском языке, не говоря уже о полной русификации.

В свою очередь, либералы предлагали внести хотя бы небольшие изменения в те церковнославянские слова, которые обладают принципиально другим смыслом, по сравнению со словами русскими. Так, исследователь И. А. Реморов в качестве примеров приводил следующие слова и варианты их замены: *кратир – сосуд, анкира – якорь, угобзити – ущедрити, напрасно – внезапу* [12, с. 23].

Авторы данного проекта предлагали опираться на следующие принципы реформирования богослужебного языка: максимально точная передача смысла текста оригинала; сохранение возвышенного стиля литургического языка; понятность текста. Таким образом, предлагалось использовать не бытовой разговорный русский язык, а его литературный вариант. Несмотря на убедительность аргументов каждой из участвующих сторон, компромиссного решения выработать не удалось, и документ был снят с рассмотрения.

В XXI в. либеральной позиции в отношении реформирования богослужебного языка придерживаются многие представители духовенства. Среди них – митр. Иларион (Алфеев), который в 2014 г. выступил с предложением разрешить в городах с большим количеством церквей в десяти или хотя бы в трёх из них совершать богослужение на современном русском языке. Митр. Иларион обосновал своё предложение просьбой верующих. Богослужение на современном языке в Русской Православной Церкви поддерживали прот. Александр Мень, митр. Никодим (Ротов), по сей день на русском языке проходят службы московского священника Георгия Кочеткова, ректора Свято-Филаретовского института. Священник Стефан Домусчи, преподаватель Московской духовной академии, считает, что совсем немного требуется усилий, чтобы сделать истинный смысл того или иного непонятного выражения на церковнославянском языке более доступным. При этом нет никакой угрозы для поэтичности звучания богослужебных и молитвенных текстов. Например, выражение «напрасно судия приидёт» будет звучать ничуть не хуже, чем «внезапно судия приидёт», но намного более понятно для большинства прихожан[1].

Сегодня идея частичного реформирования церковнославянского языка – превалирующая в обществе. От большинства людей поступают предложения об изменении церковнославянского языка, высказываются мнения о переводе богослужения на русский литературный язык, редактировании с учётом замены непонятных церковнославянизмов. Чаще всего предлагают

[1] Домусчи С., свящ. Размышления о церковнославянском языке [Электронный ресурс]. URL: https://blog.predanie.ru/article/razmyshleniya-o-tserkovnoslavyanskom-yazyke (дата обращения: 01.02.2022).

полностью изменить лексический состав языка. Это относится к двум группам церковнославянских слов: 1) смысл которых малопонятен и 2) смысл которых кардинально отличается от современного.

Основной аргумент в пользу изменений церковнославянского языка заключается в том, что тексты Священного Писания не понятны современному человеку, прихожанину не ясен язык, звучащий за богослужением. Такая ситуация во многом обусловлена историческими факторами, главным из которых стало прекращение литургической жизни в стране после революции 1917 г. Традиции православной жизни, которые развивались и поддерживались на протяжении веков, были утрачены в XX столетии, а вместе с ними исчезло понимание богослужебных текстов, содержания таинств и священнодействий Церкви.

Вместе с тем, тексты и действия, которые сопровождают богослужения, сами по себе являются источником богодухновенной истины. Кроме того, они могут выполнять воспитательную и обучающую функцию. Именно поэтому во время Архиерейского Собора Русской Православной Церкви в 1994 г. было объявлено о необходимости глубокого изучения вопроса о возрождении миссионерского воздействия православного богослужения.

Малопонятность церковнославянских богослужебных текстов является одной из основных причин, по которой люди отдаляются от церковной жизни. Прихожанам нужно понимать церковное чтение и пение, совершать молитву осознанно, с пониманием того, о чём читается и поётся в храме. Литургический язык должен выступать механизмом, который помогает, приоткрывает Божественные Истины, а не затрудняет молитвенное общение из-за непонятных формул. Расхождение значений слов церковнославянского и современного русского вариантов влечёт за собой искажённое понимание самого богослужения.

Контраргумент состоит в том, что основная причина непосещения церковных служб кроется не в непонимании людьми церковнославянского языка, здесь более глубокая причина – духовная. Необходимо чувствовать церковнославянский язык на духовном уровне, семантика слова не способна сделать понятней и открыть духовный, таинственно-символический смысл богослужения.

Важно то, что на самом деле понимание церковнославянских текстов строится на евангельских постулатах восприятия Божественных истин. Постижение духоносных слов находится в прямой зависимости от духовно-нравственного состояния личности, определяемого чистотой сердца: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5: 8). Церковнославянский язык – священный, во всей полноте выражающий Богооткровенную истину посредством прямого обращения к сердечной сфере человека.

Церковнославянский язык как средство Богообщения

Для православных христиан церковнославянский язык – это язык Богообщения, словесная икона, место встречи человека с Богом. Церковнославянский язык объединяет поколения верующих в общей молитве. Он всегда считался высшей духовной ценностью, данной Богом через святых равноапостольных братьев, и неиссякаемым источником духовности. Употребление церковнославянского языка в Церкви «освящено и утверждено веками»[1], – говорил В. Ф. Певницкий ещё в начале XX в. А современные исследователи подчёркивают, что «церковнославянский язык сегодня является важным культурным и сакральным кодом Русской Православной Церкви» [14, с. 29].

Ключевая характеристика церковнославянского языка – это его уникальность и сверхъестественное, Божественное происхождение. Исходя из этого, невозможно быстро понять и освоить его как современный литературный язык. Необходимо при-

[1] Певницкий В. О церковно-богослужебном языке [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2020/01/24/o_cerkovnobogosluzhebnom_yazyke (дата обращения: 20.02.2022).

ложить массу усилий для его понимания, в том числе вести духовную работу над собой.

Духовные писатели, которые переводили и составляли церковнославянские тексты, отличались святостью жизни. Церковнославянский язык не предназначен для светского употребления, его основная цель – приобщение человека к Богу. По этой причине необходимо не только понимать церковнославянский язык, а главным образом, ему надо молитвенно благоговеть. Уразумение священных текстов даётся самим Богом в условиях нравственного возрастания человека. При этом чтение и слушание Богодухновенных слов и выражений мистическим образом положительно влияет на молящегося.

Считается, что основная преграда, мешающая воспринимать тексты на церковнославянском языке, вовсе не отдалённость от разговорного языка, а невнимательность в процессе молитвы. В этой связи первостепенная задача человека – ограждение разума во время молитвы от всего мирского и концентрация на молитве.

Ключ к постижению и усвоению богослужебных текстов на церковнославянском языке – Иисусова молитва. Осмыслению церковного богослужения способствует не буквальное понимание текста, а практика умного делания.

Стоит отметить, что «непонятность» церковнославянского языка весьма относительна и сопоставима с «непонятностью» греческого богослужебного языка для греков – как сейчас, так и в первые христианские века.

Содержание богослужебных текстов непонятно прихожанам из-за многих отвлекающих факторов, которые можно разделить на внутренние и внешние. К внутренним, психологическим, факторам относятся, в частности: отсутствие у человека молитвенного настроя, общее беспокойное состояние, желание пообщаться во время богослужения с другими людьми. Среди внешних факторов – посторонние шумы в храме, которые вызваны различными причинами. Например, когда прихожане приходят на службу с опозданием или уходят раньше времени, либо скапливается большое количество людей во время елеопомазания или посещения храма паломниками. В этих случаях человеку, который принимает участие в общей молитве, удаётся сфокусировать внимание только на отдельных фрагментах богослужения, что значительно снижает понятность и восприятие всего процесса службы как единого целого. Упускаются из виду важнейшие части праздничного богослужения – тексты отдельных чтений и песнопений, а также слова, сопровождающие то или иное действие священнослужителей. Для понимания смысла богослужения имеет значение каждая деталь, включая перемещения церковнослужителей, каждение, изменение освещения.

Таким образом, причины, по которым богослужение непонятно нам как обычным прихожанам, кроются в нас самих. Профессор Л. И. Маршева называет эту ситуацию «церковной некультурностью», «житейской инертностью» и отсутствием «языкового благочестия»[1]. До тех пор, пока эти препятствия не устранены нашими же собственными усилиями, вопрос непонятности церковного богослужебного языка остаётся открытым.

Таким образом, замещение церковнославянского языка русским совершенно не повысит степень понимания и восприятия богослужебных текстов, основанных на Священном Писании и Священном Предании. Пониманию церковнославянских текстов в значительной степени препятствует общий низкий уровень духовной культуры и грамотности. Люди больше привыкли воспринимать информацию из светских печатных и электронных СМИ. По этой причине, даже если предать богослужебные тексты значительному редактированию, проблема их понимания со стороны рядового прихожанина не исчезнет.

[1] Маршева Л. И. Церковнославянский язык является выражением чувств христианской души [Электронный ресурс]. URL: https://pravoslavie.ru/33585.html (дата обращения: 17.03.2021).

Отсюда понятно, что церковнославянский необходимо сохранить в том виде, в котором он дошёл до настоящего времени. Повысить понятность церковнославянского языка, используемого в богослужениях Церкви, необходимо, прежде всего, посредством изменения к нему отношения со стороны воцерковляющихся христиан. Полная русификация богослужения в этом случае не понадобится.

Как только верующий начинает принимать участие в молитвенной жизни Церкви, он меняет свой языковой код и настраивается на восприятие церковного языка вне зависимости от уровня владения им.

Стоит отметить также отдельные особенности, свойственные процессу коммуникации на церковнославянском языке. Для этого прибегнем к научной терминологии. В Церкви можно выделить две ситуации общения: 1) при совершении таинства, обряда, священнодействия в храме; 2) при совершении личной молитвы, с использованием текстов молитвословов, требников и т. д. на церковнославянском языке.

В любой ситуации коммуникации адресатом является Бог, а адресантом – верующий. В первом случае мы имеем три звена коммуникации: «миряне – священник – Бог», во втором – участие священника необязательно. Священник, выступая от имени всей церковной общины, выполняет в некотором смысле посредническую функцию между верующими и Богом. Кроме того, священник своими словами и действиями способствует тому, чтобы в сознании верующих возникал образ Самого Христа, Который и осуществляет все таинства Церкви.

Местом коммуникативного процесса в рамках православного храмового богослужения, обряда или таинства, служит храм. Сам процесс состоит из следующих главных элементов: адресант – прихожане и священнослужители, адресат – Бог. Целью процесса общения в данном случае является общая молитва, средством общения – церковнославянский язык; используется устный, контактный либо дистантный (без прикосновения) способы общения.

Речевой акт в данном случае – это процесс произнесения человеком богослужебного молитвенного текста. Прихожане во главе со священнослужителем осознанно участвуют в церковном богослужении и нацелены на отправление таинства либо на совершение общественной молитвы. При этом они действуют согласно установленным правилам. Таким образом, для процесса общения в храме характерны следующие особенности: намеренность, целеустремлённость, конвенциональность[1].

Как только человек принимает решение о жизни в Церкви и становится членом той или иной общины в рамках прихода или монастыря, перед ним встаёт задача изучения текстов на церковнославянском языке. Другими словами, ему необходимо развивать коммуникативную компетенцию для того, чтобы стать полноценным участником коммуникативного процесса, осуществляемого в рамках православного богослужения.

С одной стороны, церковнославянский можно отнести к категории мёртвых языков, поскольку этот язык никогда не выполнял функции разговорного языка, он является «языком без носителей» [4, с. 8]. С другой стороны, церковнославянский язык – это важнейший язык коммуникации в Церкви. Он постоянно развивается, на нём составляются новые тексты, этот язык в обязательном порядке изучают в духовных учебных учреждениях, а иногда и в светских.

Стоит подчеркнуть, что непонимание богослужения на церковнославянском языке напрямую связано с непониманием учения Церкви в целом и нежеланием прилагать духовные усилия для того, чтобы это учение понять, в частности. Кроме того, если перевести тексты богослужения на современный русский язык, это не прояснит их содержания, а наоборот, – сделает тексты богослужения ещё более непонятными. Потому что в процессе перевода

[1] Привальская А. Коммуникация на церковнославянском языке (новейшая проблематика) [Электронный ресурс]. URL:http://sdsmp.ru/news/n3038 (дата обращения: 17.01.2021).

исчезнут важные смысловые тонкости тех или иных выражений. Д. С. Лихачёв в связи с этим приводит следующий пример: «Господи, помилуй и Господи, прости – различны по своему значению» [8, с. 45]. Академик добавляет также: «Откуда же требование, чтобы Церковь шла на уступки обывателю? Не Церковь должна кланяться обывателю, а обыватель – Церкви», – подчёркивая, что усилия человека, пытающегося понять содержание богослужения, свидетельствуют о его серьёзном, вдумчивом, искреннем отношении к Церкви и её вероучению.

В. М. Живов, в свою очередь, отмечает, что «в России даже культурной элите, подвергшейся сильному влиянию западных представлений, богослужение никогда не воспринималось как периферия религиозной жизни» [2, с. 267]. По этой причине церковнославянский язык в жизни Церкви всегда имел первостепенную значимость, а русский использовался лишь как вспомогательный и дополнительный.

Церковнославянский язык – христианское духовное наследие, историческая память русской культуры. Замена церковнославянского языка современным русским – процесс масскультурной глобализации, что в итоге может привести к краху культурной идентичности.

Если внимательно изучить герб России и попытаться раскрыть символический смысл его изображений, то получается следующая картина. Двуглавый орёл ещё со времён Древней Руси служил образом единства Церкви и государства. Обращённость одной головы орла на Запад, а другой на Восток означает, что в общении с европейскими государствами используется русский язык, а в общении с Богом – церковнославянский. Именно на церковнославянском произносятся молитвы, обращённые в сторону Святой Земли. Таким образом, русский язык традиционно на Руси применялся как светский разговорный, а церковнославянский – исключительно для прославления Бога. Вместе с тем, «неповторимое своеобразие современного русского литературного языка во многом определилось благодаря его связи с языком церковнославянским» [13, с. 144].

Стоит отдельно отметить мнения богословов о реформировании богослужебного языка, которые относятся к самому последнему времени – к 2020-х гг.

Так, игум. Силуан (Туманов) уверен, что церковнославянский и русский языки дополняют друг друга, предлагает не оставлять попытки частичного перевода богослужебных текстов, а также критикует восприятие реформы богослужебного языка в 20-х гг. XX в. как обновленческую тенденцию. «Обновленцев интересовал захват власти в Церкви, а не проблемы языка»[1], – отмечает о. Силуан. В свою очередь, Павел Панов обращает внимание на такие негативные моменты богослужения, полностью переведённого на русский язык, как «затруднение пути к Богу, прежде всего, затемнением Божественных смыслов, неизбежным по причине более скудного арсенала средств для их выражения в современном русском»[2]. Д. Е. Бобров, алтарник православного храма в Германии, подчёркивает, что решение проблемы понимания богослужения заключается не в переводе текстов на русский язык, но в изучении этих текстов[3]. Исследователь Н. Н. Ничик называет попытки реформирования церковнославянского языка путём грубой русификации «нарушением экологии языка» [10, с. 134], прот. Сергий Ларюшкин использует понятие «иконичности церковнославянского языка» [7, с. 79], проводя аналогию между свойства-

[1] Щукин Т., Туманов С., игум. «Кто санкционировал ваш перевод?». С церковнославянского на русский – чего мы боимся [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravmir.ru/kto-sankczioniroval-vash-perevod-s-czerkovnoslavyanskogo-na-russkij-chego-my-boimsya (дата обращения: 20.02.2022).

[2] Панов П. О причинах богослужения на церковнославянском языке или «что плохого в службе на понятном современном языке?» [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2020/12/25/o_prichinah_bogosluzheniya_na_cerkovnoslavyanskom (дата обращения: 20.02.2022).

[3] Бобров Д. К вопросу о церковнославянском языке [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2021/02/10/k_voprosu_o_cerkovnoslavyanskom_yazyke (дата обращения: 20.02.2022).

ми иконы и свойствами языка богослужения. На основе этой теории исследователь подчёркивает такую функцию церковнославянского языка, как сохранение церковного единства в Русской Православной Церкви.

Возможные варианты решения вопроса

Далее обозначены приемлемые пути для решения вопроса понимания языка православного богослужения.

Абсолютно правы те, кто считает, что для понимания богослужебных текстов необходимо устранить неграмотность в области церковнославянского языка, глубже вникать в значение непонятных и двусмысленных слов и конструкций с целью избежать неуместных ассоциаций, постигать духовное значение слова и смысл его образного звучания.

Важно подчеркнуть, что соответствующий уровень понимания церковнославянского языка достигается человеком самостоятельно в процессе постоянного посещения православного богослужения и за счёт изучения языка. Разъяснение священника во время проповеди является важнейшим элементом в процессе повышения уровня знаний церковнославянских текстов. Во время проповеди тексты Священного Писания озвучиваются на русском языке; церковнославянский и современный русский языки здесь гармонично сочетаются.

В настоящее время в качестве одного из путей решения проблемы понимания церковнославянского языка предлагается издание богослужебных текстов на двух языках (двуязычные издания). Стать понятной церковная служба может за счёт внедрения практики раздачи прихожанам перед богослужением брошюр с толкованием и разъяснением непонятных слов Литургии на церковнославянском языке. Благодаря многократному присутствию на службах с такими книжными изданиями непонимание по большому счёту исчезнет.

Святейший Патриарх Кирилл поддерживает инициативу многих московских приходов по снабжению прихожан богослужебными текстами, которые сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Иногда к таким текстам приложены дополнительные пояснения и комментарии, что также облегчает понимание. Кроме того, входят в практику использование технических средств усиления звука в храме и трансляция богослужения за стенами храма, что также способствует большему пониманию содержания богослужения. «Всё это уже делается на многих приходах, и было бы правильно, чтобы удачный опыт одних церковных общин заимствовался другими»[1].

Митр. Иларион (Алфеев) предлагает проводить детальную разъяснительную работу сложнейших и непонятных церковнославянских текстов, сопровождать тексты параллельными переводами на русский язык; в отдельных приходах использовать русский язык для некоторых частей церковной службы. В качестве примера он говорит о чтении «кафизм Псалтири». Он также предлагает прислушаться к просьбам прихожан и в нескольких храмах ввести практику совершения богослужения частично на русском языке. При этом митрополит Иларион подчёркивает, что «отказываться вообще от славянского как от богослужебного языка наша Церковь не готова и, надеюсь, ещё долго не будет готова»[2].

Не поддерживает также идею полного перевода богослужения на русский язык или сокращения его изменяемых частей и Святейший Патриарх Кирилл. В докладе на Епархиальном собрании в 2019 г. Святейший Патриарх рассматривает другие альтернативные варианты решения

[1] Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы (21 декабря 2017 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5085962.html (дата обращения: 11.03.2021).

[2] Митрополит Волоколамский Иларион: Мы все очень нуждаемся в Боге [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5741353.html (дата обращения: 01.02.2022).

проблемы непонимания богослужения. Например, предлагает, чтобы «там, где общины к этому готовы, апостольские и паремийные чтения, которые нередко наиболее сложны для понимания, звучали на русском языке»[1].

При всей очевидности и необходимости сохранить церковнославянский язык как обладающий наивысшим духовно-нравственным смыслом в качестве богослужебного языка Церкви нельзя игнорировать возможность заменить отдельные его единицы на более ясные синонимы. Как утверждает профессор Л. И. Маршева, «необходимо вернуть значения, утраченные в русском языке и вышедшие из сознания людей, с помощью альтернативных синонимичных замен, не ущемляющих и не упрощающих церковнославянский язык, но, напротив, привносящих точность и живость в ставшую привычной неясность, либо с помощью комментария» [9, с. 95].

Например, употребление таких единиц, как *еста дряхла, облязи с нама, не сердце ли наю горя бе в наю* и др., весьма привычно для постоянных участников православного богослужения. Однако следует отметить, что все они переведены, например, на якутский, удмуртский, чувашский языки, и только из-за опасения утратить великолепие богослужебных текстов перевод до сих пор не коснулся русского. «В реальности мало кто говорит о полном переводе, зачастую достаточно поменять слова, которые приобрели иной смысл и синтаксис, который во многих местах греческий»[2], – комментирует священник Стефан Домусчи.

Примером успешно реализованного проекта по реформированию богослужебного языка может служить правка Миней и Триодей, состоявшаяся в дореволюционный период. Главной целью исправлений было именно упрощение понимания славянского текста русскоговорящими верующими. Основное внимание справщиков уделялось тому, чтобы передать смысл того или иного выражения, а не точное использование слов, восходящих к греческому оригиналу. «Исправления сближали не грамматику, а лексический и логический строй русского и церковнославянского языков. Впервые в истории книжной справы фоном исправления церковнославянского текста стал русский литературный язык» [5, с. 99], – подчёркивают лингвистическую составляющую этого проекта А. Г. Кравецкий и А. А. Плетнева.

Лингвистическими аргументами против реформирования богослужебного языка могут служить, например, взгляды Н. Н. Ильминского – филолога и миссионера XIX в. В его лингвистической программе сочетались две крайние идеи – полное неприятие русификации церковнославянского языка и защита перевода богослужения на языки национальные. Он воспринимал русификацию богослужебного языка как неестественное явление и призывал к возвращению к кирилло-мефодиевскому тексту. «Русский язык получил особое направление и так далеко отошёл от древнеславянского типа, что из соединения его с церковнославянским ничего не может выйти органического и стройного, а выйдет смесь, подобная тому, когда памятник древней архитектуры обезобразят новыми аляповатыми украшениями» [3, с. 50], – объясняет Н. Н. Ильминский.

Исследователь Е. М. Верещагин также отмечает, что изначально церковнославянский язык на Руси был «всефункциональным» и добавляет: «Церковные книги были написаны на языке, в составном наименовании которого подчёркивается его функциональная и этническая принадлежность (церковный и славянский, отсюда – церковнославянский)» [1, с. 7]. В свою очередь, Л. Г. Панин также отстаивает исключительный статус современного церковнославянского языка, вмещающего в себя всю историю русского литературного

[1] Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы (20 декабря 2019 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5550814.html (дата обращения: 01.02.2022).

[2] Домусчи С., свящ. Размышления о церковнославянском языке [Электронный ресурс]. URL: https://blog.predanie.ru/article/razmyshleniya-o-tserkovnoslavyanskom-yazyke (дата обращения: 01.02.2022).

языка: «Созданное тысячу лет назад продолжает функционировать, нет ни одного церковнославянского текста древности, который не мог бы быть восстановлен для современного употребления» [11, с. 4].

В то же время стоит подчеркнуть и политические аспекты, связанные с реформированием богослужебного языка. Сохранение церковнославянского языка богослужения в славянском мире часто ассоциируется с ориентацией на Россию, а использование национального языка связывают с программой по развитию национальной культуры. Поэтому в глобальном смысле решение вопроса о том, в какой мере и как именно возможно реализовать реформу богослужебного языка, является не только церковной и филологической, но и политической проблематикой.

Но на уровне духовных образовательных учреждений возможно решить задачу по улучшению понимания церковнославянских текстов при помощи соответствующих программ и проектов. Так, усилиями Л. И. Маршевой, совместно с большой группой учеников, разработана следующая технология, предусматривающая:

– привлечение святоотеческого наследия для обоснования производимых замен;

– прочтение теста с точки зрения человека, находящегося в Церкви недавно, и выявление трудных для понимания мест. Главными критериями здесь могут стать необходимость обращения к церковнославянскому словарю, а также смещение значения для рассматриваемого церковнославянского слова в русском языке;

– сравнение некоторых рукописей и старопечатных источников с текстом современного богослужебного использования;

– сопоставление текстов основных источников и выявление аналогичных и различающихся мест в отношении малопонятных слов, форм и выражений;

– систематизация лексикографических данных, которые способны пролить свет на малопонятные места;

– поиск церковнославянских синонимов на основе обратного перевода с русского языка на церковнославянский;

– установление параллелей для непонятных единиц в Священном Писании на церковнославянском языке;

– составление перечня возможных синонимичных замен для трудных для понимания единиц [9, с. 104].

Необходимо отметить также, что методика преподавания церковнославянского языка в рамках духовных образовательных учреждений развивалась постепенно, в течение многих столетий. В основе преподавания церковнославянского языка педагоги дореволюционной России, как и современные лингвисты, видели прежде всего формирование особого языкового сознания. Среди важнейших аспектов, на которые обращают внимание преподаватели во время учебного процесса, пополнение словарного запаса, осознанное усвоение церковнославянской грамматики, развитие орфографической зоркости.

Для грамматического строя церковнославянского языка характерна цветущая сложность и многообразие смыслов и форм. Вместе с тем, процесс освоения церковнославянского языка будет успешнее при условии, что человек обладает лингвистическими компетенциями литературного русского языка на высоком уровне. На этой основе изучение древней языковой культуры, в которой содержатся истоки и современного русского языка, будет проходить более гармонично. Необходимо овладеть классическими грамматическими правилами на достаточном уровне для того, чтобы избежать грубых ошибок при переводе.

При составлении программы по изучению церковнославянского языка следует обращать особое внимание на такие задачи, как усвоение специфики церковнославянской графики и развитие навыков чтения. Для этого необходимо как можно чаще обращаться к текстовым образцам, изучая особенности использования знаков кириллицы во всем их многообразии.

Заключение

Итак, проблема знания церковнославянского языка и понимания его текстов является сегодня чрезвычайно острой. Особенно важно, чтобы пути её решения были связаны с использованием церковнославянского языка в системе российского гуманитарного образования и признанием его неотделимой частью духовной культуры.

Невзирая на требования большинства верующих о русификации богослужебных текстов, необходимо предпринимать меры для повышения уровня знания церковнославянского языка в обществе. В частности, филологически углублять духовное образование, а также проводить программу по ликвидации духовной безграмотности прихожан, в особенности тех, кто находится на начальной ступени воцерковления. В сознании верующих должна укрепиться мысль о том, что стремление понять богослужебные тексты на церковнославянском языке напрямую зависит от силы их веры, любви к Богу и Церкви.

Очевидно, катехизация, церковное образование, изучение языка являются основными компонентами, способствующими повышению степени понимания и восприятия церковнославянского языка во время богослужения.

Статья поступила в редакцию 18.05.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е. М. Христианская книжность Древней Руси. М.: Наука, 1996. 207 с.
2. Живов В. М. Язык и культура России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 591 с.
3. Ильминский Н. И. Размышление о сравнительном достоинстве в отношении языка разновременных редакций церковно-славянского перевода Псалтири и Евангелия. Казань: Университетская типография, 1882. 92 с.
4. Кайперт Г. Церковнославянский язык: круг понятий // SLOVĚNE. 2017. № 1. С. 8–75.
5. Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX вв.). М.: Языки русской культуры, 2001. 400 с.
6. Краснов-Левитин А. Э. Епископ Антонин и «Союз Церковного Возрождения» // Очерки по истории церковной смуты: в 3 т. Т. 3. Kusnacht: Inst. Glaube in der 2. Welt, 1978. С. 230–308.
7. Ларюшкин С. А. Церковнославянский язык как компонент иконичности Русской Церкви: к вопросу о языке богослужения // Язык православного богослужения: история, традиции, современная практика: сборник трудов конференции, г. Нижний Новгород, 23 мая 2019 г. Нижний Новгород: Бегемот-НН, 2019. С. 78–91.
8. Лихачёв Д. С. Русский язык в богослужении и в богословской мысли // Русское возрождение. 1997. № 69–70. С. 41–45.
9. Маршева Л. И. Трудные места из Великого покаянного канона прп. Андрея Критского на церковнославянском языке (варианты чтения на примере песни 1) // Русская речь. 2019. № 5. С. 93–106.
10. Ничик Н. Н. Старославянский / церковнославянский язык в пространстве современного русского литературного языка // Хрестоматия теолингвистики. Ульяновск: Мастер Студия, 2019. С. 134–147.
11. Панин Л. Г. История церковнославянского языка и линвистическая текстология. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1995. 217 с.
12. Реморов И., диак. Практическая аксиология церковнославянского языка // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2007. Вып. 3 (9). С. 23–32.
13. Серегина Е. Е. Церковнославянский язык в философском и лингвистическом дискурсе XX века: к вопросу об альтернативной истории языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. М.: Грамота, 2017. С. 144–148.
14. Трифоногло А. В. Проблема понимания богослужебного текста на церковнославянском языке (на примере тропаря Крестовоскресного канона первого гласа) // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2021. Вып. 13–14. С. 29–36.

REFERENCES

1. Vereshchagin E. M. *Khristianskaya knizhnost' Drevnei Rusi* [Christian Bookishness of Ancient Rus]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 207 p.
2. Zhivov V. M. Yazyk i kul'tura Rossii XVIII veka [Language and Culture of Russia in the Eighteenth Century]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 591 p.
3. Il'minsky N. I. Razmyshlenie o sravnitel'nom dostoinstve v otnoshenii yazyka raznovremennykh redaktsii tserkovno-slavyanskogo perevoda Psaltiri i Evangeliya [Reflection on the Comparative Dignity in Relation to the Language of Multi-temporal Editions of the Church Slavonic Translation of the Psalter and the Gospel]. Kazan, Universitetskaya tipografiya Publ., 1882. 92 p.
4. Keipert H. Tserkovnoslavyanskii yazyk: krug ponyatii [Conceptions of Church Slavonic]. In: SLOVĚNE, 2017, no. 1, pp. 8–75.
5. Kravetsky A. G., Pletneva A. A. Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka v Rossii (konets XIX–XX vv.) [The History of Church Slavonic in Russia (The End of the 19th–20th centuries)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2001. 400 p.
6. Krasnov-Levitin A. E. [Bishop Antonin and the "Union of the Church Renaissance"]. In: Ocherki po istorii tserkovnoi smuty. T. 3 [Essays on the History of Church Unrest. Vol. 3]. Kusnacht, Inst. Glaube in der 2. Welt, 1978, pp. 230–308.
7. Laryushkin S. A. [Church Slavonic as a Component of the Iconicity of the Russian Church: On the Issue of the Language of Worship]. In: Yazyk pravoslavnogo bogosluzheniya: istoriya, traditsii, sovremennaya praktika: sbornik trudov konferentsii, g. Nizhnii Novgorod, 23 maya 2019 g. [Language of Orthodox Worship: History, Traditions, Modern Practice: Collection of Proceedings of the Conference, Nizhny Novgorod, May 23, 2019]. Nizhny Novgorod, Begemot-NN Publ., 2019, pp. 78–91.
8. Likhachev D. S. [Russian Language in Worship and in Theological Thought]. In: Russkoe vozrozhdenie [Russian Renaissance], 1997, no. 69–70, pp. 41–45.
9. Marsheva L. I. [Difficult Passages from the Great Penitential Canon of St. Andrew of Crete in Church Slavonic (Reading Options using the Example of Song 1)]. In: Russkaya rech [Russian speech], 2019, no. 5, pp. 93–106.
10. Nichik N. N. [Old Slavonic / Church Slavonic in the Space of the Modern Russian Literary Language]. In: Khrestomatiya teolingvistiki [Reader of Theolinguistics]. Ulyanovsk, Master Studiya Publ., 2019, pp. 134–147.
11. Panin L. G. Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka i linvisticheskaya tekstologiya [History of the Church Slavonic Language and Linguistic Textology]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 1995. 217 p.
12. Remorov I. [Practical Axiology of the Church Slavonic Language]. In: Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities], 2007, vol. 3 (9), pp. 23–32.
13. Seregina E. E. [Church Slavonic in the Philosophical and Linguistic Discourse of the Twentieth Century: On the Issue of an Alternative History of the Language]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Moscow, Gramota Publ., 2017, pp. 144–148.
14. Trifonoglo A. V. [The Problem of Understanding the Liturgical Text in Church Slavonic (On the Example of the Troparion of the Resurrection Canon of the First Voice)]. In: Sbornik trudov Yakutskoi dukhovnoi seminarii [Collection of works of the Yakut Theological Seminary], 2021, vyp. 13–14, pp. 29–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иеромонах Лавр (Архипов Максим Иванович) – магистр богословия, аспирант кафедры филологии Московской духовной академии, насельник Сретенского ставропигиального мужского монастыря; e-mail: maksim-arxipov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hieromonk Lavr (Maxim I. Arkhipov) – Master of Theology, Postgraduate Student, Department of Philology, Moscow Theological Academy, Master Degree in Theology; Cenobite, Sretensky Stauropegion Monastery; e-mail: maksim-arxipov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Архипов М. И. (Иеромонах Лавр). Проблема восприятия церковнославянского языка в контексте вопроса о реформе языка православного богослужения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 37–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-37-50

FOR CITATION

Arkhipov M. I. (Hieromonk Lavr). The Problem of Perception of the Church Slavic Language in the Context of the Language Reform in Orthodox Services. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 1, pp. 37–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-37-50

УДК 821.161.1 (Платонов А. П.)
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-51-57

ТОПОНИМЫ КАК МАРКЁРЫ ВЫМЫШЛЕННОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНА А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

Бугакова Н. Б.
Воронежский государственный технический университет
394006, Воронежская обл., г. Воронеж, ул. 2-летия Октября, д. 84, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Выявление своеобразия топонимического пространства романа «Чевенгур».
Процедура и методы. В работе применялись методы сплошной выборки, ономастического и этимологического анализа, дескриптивный метод. Классификация топонимов проведена в соответствии с типологией, предложенной Н. В. Подольской в работе «Словарь русской ономастической терминологии».
Результаты. Настоящая работа направлена на выявление своеобразия топонимического пространства романа А. Платонова «Чевенгур». Проведённый анализ позволил сделать вывод, что топонимикон романа, выполняя разные функции, среди которых наиболее значимой является маркирование художественного хронотопа, помогает автору раскрыть важнейшие смыслы создаваемого им произведения.
Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии семантического потенциала топонимического пространства романа А. Платонова «Чевенгур», которое ранее не рассматривалось исследователями как системное явление, а описывалось фрагментарно.

Ключевые слова: мифонимы, ономастика, А. Платонов, реалионимы, топоним, топонимикон

TOPONYMS AS MARKERS OF THE FICTIONAL SPACE OF A. PLATONOV'S NOVEL "CHEVENGUR"

N. Bugakova
Voronezh State Technical University
ul. Dvukhletiya oktyabrya 84, Voronezh 394006, Voronezh Region, Russian Federation

Abstract
Aim. The aim is to identify the originality of the toponymic space in the novel "Chevengur".
Methodology. The key research methods include the methods of continuous sampling, onomastic and etymological analysis, descriptive method, etc. The toponyms are classified in accordance with the typology proposed by N. V. Podolskaya in the work "Dictionary of Russian onomastic terminology".
Results. In this paper, we identify the originality of the toponymic space of the novel in question. The analysis makes it possible to conclude that the toponymicon of the novel "Chevengur" helps the author reveal the most important meanings of the work of art he creates.
Research implications. The onomastic potential of A. Platonov's novel "Chevengur", which has not previously been subjected to careful consideration by onomatologists, is revealed.

Keywords: mythonyms, onomastics, A. Platonov, realionims, toponym, toponymicon

© CC BY Бугакова Н. Б., 2023.

Введение

Роман «Чевенгур» – одно из самых загадочных произведений А. Платонова. Многие исследователи-платонововеды отмечают специфичность творческого метода писателя, говоря о том, что тексты А. Платонова привлекают внимание, в первую очередь, необычностью языковой манеры автора: «Читателя притягивает оригинальная речевая физиономия платоновской прозы с её неожиданными движениями … Запоминаются странные обороты Платонова, философически-неуклюжие фразы, которые пересказать невозможно, а можно только повторить…» [6, с. 25]. Исследованию творчества А. Платонова, в том числе и своеобразию языка платоновской прозы, посвящено много работ (А. А. Дырдин [3], Г. Ф. Ковалев [5], Е. А. Яблоков [7] и др.), что свидетельствует об особом интересе учёных разных сфер, осуществляющих исследования различного уровня, в том числе и диссертационные.

Предметом предлагаемого исследования является топонимическое пространство в романе А. Платонова «Чевенгур». Материалом для исследования послужили вымышленные топонимы романа А. Платонова «Чевенгур». В ходе исследования нами применялись методы сплошной выборки, анализа, описания, сравнения и др.

Вымышленные топонимы в романе «Чевенгур»

В предлагаемой работе представлен анализ топонимикона романа А. Платонова «Чевенгур». Выявленные в тексте топонимы дифференцируются в соответствии с терминологией, предложенной Н. В. Подольской[1], выделяющей в группе литературных топонимов реалионимы и мифонимы.

Топонимическая система романа «Чевенгур» представлена реальными топонимами Воронежской области, мифотопонимами Воронежской области и реальными топонимами России. Функционирующие в тексте мифотопонимы будем считать окказиональными образованиями. Необходимо отметить, что реальные и окказиональные образования частотны в заглавиях художественных текстов, что не только способствует привлечению внимания читателя, поскольку подобное заглавие делает текст образным, ярким, но и настраивает на восприятие произведения, события которого ограничены хронотопом обозначенного в названии романа места.

К окказиональным заглавиям можно отнести и заглавие рассматриваемого романа, которое, по мнению главного героя, похоже на «влекущий гул неизвестной страны»[2]. Г. Ф. Ковалев в своей работе «И ещё раз о названии "Чевенгур"» [5, с. 287] предлагает следующую гипотезу происхождения топонима *Чевенгур*, основанную на пристрастии описываемой эпохи к революционным аббревиатурам: ЧеВеНГУР – Чрезвычайный военный непобедимый (независимый) героический укреплённый район. Существуют точки зрения исследователей, основанные на топографии романа и локализующие пространство создаваемого города на юге Воронежской области, что позволяет говорить о созвучии названия Чевенгур с топонимом Богучар (город на юге Воронежской области). Если оттолкнуться от сюжета романа, можно понять, что действия, описываемые автором, происходят на территории Воронежской области и на границе с Саратовской. Поезд, на котором едет Саша Дванов, следует по ветке Юго-Восточной железной дороги. Некоторые её реально существующие и в настоящее время станции фигурируют в романе (*Лиски*, *Поворино*, *Балашов*). При анализе схемы ЮВЖД (см. рис. 1) становится очевидно, что в Богучаре нет железнодорожного сообщения, поэтому важно отметить, что пространство вымышленного Чевенгура локализуется не на территории реального Богучара. Однако говорить об образовании топонима *Чевенгур* на основании созвучия с топонимом *Богучар* считаем возможным.

[1] Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. С. 13.

[2] Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2: Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2009. С. 138.

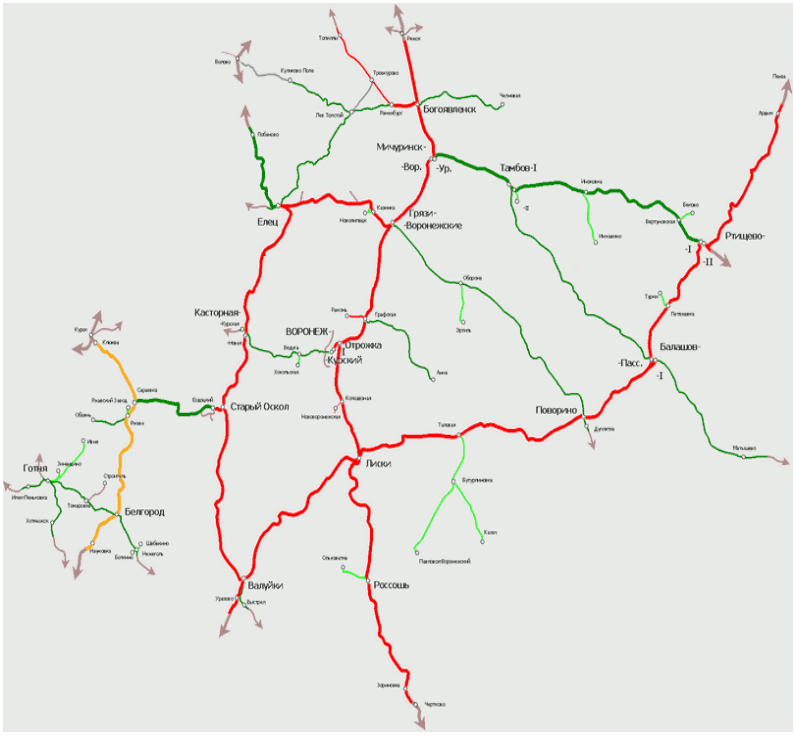


Рис. 1 / Fig. 1. Схема Юго-Восточной железной дороги / Scheme of the South Eastern Railway
Источник: Юго-Восточная железная дорога (РЖД) // Railways.info: [сайт]. URL: https://railwayz.info/photolines/rw/58 (дата обращения: 01.10.2022).

По мнению С. Залыгина [4, с. 142], топоним *Чевенгур* восходит к лексемам *чева* ‘ошмёток, обносок лаптя’, и *гур* ‘шум, рёв, рык’. Развивая приведённую гипотезу, предположим, что автор, образовывая топоним Чевенгур, сочетал лексемы *чева* и созвучный лексеме *гур* апеллятив *гурт* (гуртом ‘сообща, вместе’). Последняя буква лексемы *гурт* могла быть отброшена автором, стремящимся к зашифровке топонима. Так писатель хотел подчеркнуть, что революция совершалась бедными крестьянами (люди в обносках лаптей), которые сообща планировали и осуществляли действия, связанные с преобразованиями в стране. Вообще коллективность является отличительной чертой романа, герои которого всегда функционируют именно гуртом, это бросается в глаза с первых страниц романа, когда Саша Дванов попадает в семью Мавры Фетисовны Двановой, у которой было семеро детей. На протяжении всего романа писателем реализуется мотив скученности.

Очевидно, что топоним Чевенгур является вымышленным, как вымышлен и сам город. Об этом свидетельствует в том числе и топос романа, который в целом максимально не скоординирован. Здесь присутствуют и деревня, и помещичья усадьба, и лесной кордон, и Москва, между которыми дорога. Однако, по мнению И. Н. Сухих, «между ними пролегают не вёрсты или километры, но – эпохи» [6, с. 236]. Исследователь сообщает, что топоним Чевенгур, употребляемый автором для обозначения вымышленного города, «загадочный и странный» [6, с. 236], это название, «которое то фонетически сопоставляют с Петербургом, то объясняют с помощью диалектных словарей» [6, с. 236]. Однако «при любом варианте разгадки имени платоновского города очевидно, что автор меняет условия игры по ходу самой игры: на конкретные топонимы наклады-

вается условное, гротескное пространство. Это всё равно как если бы в романе Достоевского или Тургенева путешественник из Петербурга попадал в Солнцеград или Некрополь» [6, с. 236]. Героями романа предлагается гипотеза о переименовании Чевенгура. Отметим, что смена названий характерна для описываемой А. Платоновым эпохи, смена имени также рассматривается в романе как типичное явление (см. об этом [2, с. 21]):

«– Откуда ты такой явился? – спросил Гопнер.

– Из коммунизма. Слыхал такой пункт? – ответил прибывший человек.

– Деревня, что ль, такая в память будущего есть? Человек обрадовался, что ему есть что рассказать.

– Какая тебе деревня – беспартийный ты, что ль? Пункт есть такой – целый уездный центр. По-старому он назывался Чевенгур»[1]. Предпринимается даже попытка конкретизировать географическое положение Чевенгура: « – Чевенгур от Новоселовска недалеко? – спросил Дванов.

– Конечно, недалеко»[2].

Однако населённого пункта с названием Новоселовск на территории Воронежской области не существует. В Ковровском районе Владимирской области России находится Новосельское сельское поселение, и можно предположить, что данный топоним послужил прообразом топонима Новоселовск. Эта лексема образована слиянием корневых морфем *нов-* и *сел-*; автор сообщает нам, что Чевенгур от Новоселовска недалеко, чтобы подчеркнуть новизну и необычность создаваемого города.

Тенденция употребления мифотопонимов в качестве названий населённых пунктов вообще характерна для А. Платонова. Подобная ситуация происходит, например, при образовании автором таких топонимов, как *Средние Болтаи*: «Посёлок Средние Болтаи по ночам выходил на лога и перелески и бродил по следам минувших сражений, ища хозяйственных вещей»[3]; *Ханские Дворики*: «В Ханских Двориках пахло пищей, но это курили из хлеба самогон»[4]; Исподние Хутора: «У нас Тимофей Плотников гостит с Исподних Хуторов»[5]. Эти топонимы образованы писателем по распространённой топонимической модели, функционирующей на территории Воронежской области: двучастный топоним состоит из существительного во множественном числе и определяющего его прилагательного (напр. Синие Липяги). Топоним *Средние Болтаи* состоит из лексемы *Болтаи*, по форме схожей с императивом глагола *болтать* – «приводить жидкость в движение, шевелить, мутить её, бить, сбивать, взбивать, сколачивать, мешать встряхивая или помешивая чем || *Болтать языком, говорить, калякать, разговаривать, беседовать; молоть, пустословить»[6]. Определение *Средние*, входящее в состав топонима, обычно употребляется для обозначения расположения населённого пункта между двумя другими, которые называются, как правило, *Большие* и *Малые*. Возможно, употребляя подобную комбинацию в качестве топонима, автор хотел обратить внимание на особенности жителей посёлка, которые находятся в движении, «болтаются», бродя «по следам минувших сражений, ища хозяйственных вещей»[7].

Топоним *Ханские Дворики* отнесён нами к мифотопонимам, однако необходимо отметить, что прообразом этого названия послужил реально существующий на территории Воронежской области топоним *Капканчиковы(е) Дворики* – посёлок, расположенный на территории

[1] Платонов А. Чевенгур // Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2009. С. 94.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 58.

[4] Платонов А. Чевенгур // Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2009. С. 61.

[5] Там же. С. 80.

[6] Болтать // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А–З. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Красный пролетарий, 2006. С. 145.

[7] Платонов А. Чевенгур // Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2009. С. 58.

Краснолиманского сельского поселения в Панинском районе Воронежской области, получивший своё название по фамилии представителей купеческого рода Аркадия и Карпа Капканщиковых[1]. Важно отметить, что этот населённый пункт располагается у дороги, которая ведет из Воронежа в Новохоперск, являющийся одной из целей путешествия героев романа «Чевенгур». Основываясь на географических совпадениях, позволим считать верным наше предположение о происхождении топонима *Ханские Дворики*. По нашему мнению, этот топоним содержит характеристику жителей, которые из хлеба «курили самогон»[2]. В то время как герои романа сообщают о голоде, питаются ящерицами, землей и пр., население Ханских Двориков позволяет себе хлеб, т. е. зерно, употреблять для производства самогона. Притяжательное прилагательное *ханские* образовано от лексемы *хан* – «монарх, феодальный владетельный князь у нек-рых тюркских и монгольских народов»[3]. Жители посёлка ведут себя соответственно его названию.

К мифотопонимам отнесём также название одной из волостей, упоминаемых в тексте романа: «Газета … была органом … уполрайревкома по обеспечению безопасности в юго-восточной зоне Посошанской волости»[4]. Очевидно, вводя мифотопоним *Посошанская волость*, автор имеет в виду реально существующий топоним *Россошь* – город в Воронежской области, послуживший прообразом топонима *Посошанская волость*, созданного на основе созвучия. Семантика лексемы *россошь* определена следующим образом: «овраг, балка, буерак; ручей, протекающий по дну оврага, балки; место, где русло реки разделяется надвое»[5]. По мнению Г. Ф. Ковалева, такое название «указывает на особенность формы объекта – овраг как бы раздвоен». Ср. у В. И. Даля: «Разсоха … развилина, вилы, двурожка, раздвоенный конец чего, разведённые врознь концы»[6]; «Ростошь, россошь означает развилку дороги»[7]. Предположим, что образованный автором топоним *Посошанская*, опираясь на семантику лексемы *россошь*, передаёт атмосферу всей сложности, которую преодолевают строители социализма в романе. Несмотря на все их усилия, «Советская власть тоже распалась сама собой: крестьянин, избранный председателем, перестал действовать: почёту, говорит, мало – все меня знают, без почёта власть не бывает. И перестал ходить в сельсовет на занятия…»[8]. Таким образом, дороги строителей социализма и народа, который не участвует в этом строительстве, расходятся.

Для наименования ещё одной волости писатель создаёт мифотопоним *Верхне-Мотнинская*: «Дванов написал длинный приказ-обращение для всех крестьян-бедняков Верхне-Мотнинской волости»[9]. Этот топоним образован писателем по распространённой в русской топонимике модели – притяжательное прилагательное, созданное на основе подчинительного словосочетания, выступающего в роли названия населённого пункта. В рассматриваемом случае это словосочетание *Верхняя Мотня*. Согласно данным словарей, *мотня* – это «часть между штанин, мешок, образующийся из-за особенностей кроя»[10]. Прилагательное *верхняя*, входящее в то-

[1] Посёлок Капканчиковые Дворики // Универсальная интернет-энциклопедия «Прибитюжье»: [сайт]. URL: http://online-anna.ru/panino01/poselok-kapkanchikovye-dvoriki.php (дата обращения 15.09.22).

[2] Платонов А. Чевенгур // Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2009. С. 61.

[3] Поспелов В. М. Географические названия России: топонимический словарь: более 4000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 523.

[4] Платонов А. Чевенгур // Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2009. С. 72.

[5] Словарь русских народных говоров. Вып. 35: Реветь – рящик. СПб.: Наука, 2001. С. 192.

[6] Разсоха // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3: П–Р. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Красный пролетарий, 2006. С. 48–49.

[7] Ковалев Г. Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. С. 99–100.

[8] Платонов А. Чевенгур // Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2009. С. 96.

[9] Там же. С. 67.

[10] Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2014. С. 364.

поним, обозначает расположение выше, например, по течению реки, относительно к объектам, носящим такое же название (как правило, подобные наименования формируются на основе антонимии верхний – нижний).

При анализе топонимикона романа «Чевенгур» нами были выявлены, помимо мифотопонимов, мифогидронимы. Полагаем, писатель не мог обойти вниманием названия рек, озёр, морей и т. п., поскольку вода в его жизни занимала важное место [1, с. 611]. Неоднократно в текстах А. Платонова вода выступает «в качестве метафоры времени» [3, с. 66]. По мнению А. А. Дырдина, «река и море – векторы путешествия, причём как по жизни, так и за её пределами» [3, с. 66]. Отметим, что вода для писателя символизирует конечность жизни. Кроме этого, водоёмы могут выступать своеобразной границей жизни и смерти. Здесь важно вспомнить, что отец Саши Дванова тонет в озере с названием *Мутево*, пытаясь «пожить в смерти и вернуться»[1]. Эта ситуация делает очевидной важность хронотопа воды в индивидуально-авторской картине мира писателя.

Здесь важно отметить, что не только топос романа является размытым. Пространство у А. Платонова тесно связано со временем, которое приобретает в романе метаисторический характер. Для платоновских персонажей время – это цепочка событий. Эмблематично, что герой А. Платонова всегда в пути, в дороге. Сам автор объясняет популярность хронотопа дороги в своих текстах следующим образом: «Русские странники и богомольцы потому и брели постоянно, что они рассеивали на своём ходу тяжесть горюющей души народа»[2]. «Художественная целесообразность такого перемещения героев в пространстве состоит в том, что автор имеет возможность показать и соотнести между собой различные синхронные модели существования, представив их частями единого бытийного потока (метафорой которого предстаёт дорога)» [7, с. 8], – пишет Е. А. Яблоков в одном из исследований, посвящённых рассмотрению хронотопа А. Платонова.

Заключение

Завершая анализ топонимикона романа А. Платонова «Чевенгур», обобщим результаты исследования и отметим, что выявленные нами вымышленные топонимы призваны сформировать вымышленное пространство. Значительная часть топонимов (*Верхнемотнинская волость*, *Мутево*, *Средние Болтаи* и др.) в платоновском романе кодирует не только пространство, но и время, точнее, безвременье, характеризующееся хаотичным движением. Как видим, насыщенность романа А. Платонова топонимами помогает автору раскрыть важнейшие смыслы создаваемого им художественного произведения.

Статья поступила в редакцию 07.10.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугакова Н. Б. Вода как лингвокультурная константа творчества А. Платонова: ономастический аспект (на материале повести «Епифанские шлюзы») // Неофилология. 2021. № 28. С. 611–617.
2. Бугакова Н. Б. Семантический потенциал мужских антропонимов в романе А. Платонова «Чевенгур» // ФИЛОLOGOS. 2022. № 3 (54). С. 17–23.
3. Дырдин А. А. Хронотоп воды / реки в раннем творчестве А. Платонова // Филологический класс. 2016. № 4 (46). С. 62–68.
4. Залыгин С. Сказки реалиста и реализм сказочника // Вопросы литературы. 1971. № 7. С. 120–142.
5. Ковалев Г. Ф. И ещё раз о названии «Чевенгур» // Вестник Воронежского университета. Гуманитарные науки. 2002. № 1. С. 287–291.
6. Сухих И. Русский канон: книги XX века. М.: Время, 2013. 864 с.
7. Яблоков Е. А. «Падающая башня» (О художественном пространстве Платонова) // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 3. СПб.: Наука, 2004. С. 6–14.

[1] Платонов А. Чевенгур // Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2009. С. 12.
[2] Платонов А. П. Чевенгур: роман. Котлован: повесть / под ред. Н. М. Малыгиной. М.: Время, 2009. С. 82.

REFERENCES

1. Bugakova N. B. [Water as a Linguocultural Constant of A. Platonov's Creativity: an Onomastic Aspect]. In: *Neofilologiya* [Neophilology], 2021, no. 28, pp. 611–617.
2. Bugakova N. B. [The Semantic Potential of Male Anthroponyms in A. Platonov's Novel "Chevengur"]. In: *FILOLOGOS*, 2022, no. 3 (54), pp. 17–23.
3. Dyrdin A. A. [Chronotope of Water / Rivers in the Early Works of A. Platonov]. In: *Filologicheskij klass* [Philological Class], 2016, no. 4 (46), pp. 62–68.
4. Zalygin S. [Tales of the Realist and the Realism of the Storyteller]. In: *Voprosy literatury* [Problems of Literature], 1971, no. 7, pp. 120–142.
5. Kovalev G. F. [And Once Again about the Name "Chevengur"]. In: *Vestnik Voronezhskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Voronezh University. Humanitarian sciences], 2002, no. 1, pp. 287–291.
6. Sukhikh I. *Russkii: knigi XX veka* [Russian Canon: Books of the 20th century]. Moscow, Vremya Publ., 2013. 864 p.
7. Yablokov E. A. ["The Leaning Tower" (On Platonov's Artistic Space)]. In: *Tvorchestvo Andreya Platonova: Issledovaniya i materialy. Kn. 3* [Creativity of Andrei Platonov: Research and Materials. B. 3]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 6–14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бугакова Надежда Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета;
e-mail: ya_witch@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda B. Bugakova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University;
e-mail: ya_witch@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бугакова Н Б. Топонимы как маркёры вымышленного пространства романа А. Платонова «Чевенгур» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 51–57.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-51-57

FOR CITATION

Bugakova N. B. Toponyms as Markers of the Fictional Space of A. Platonov's Novel "Chevengur". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology,* 2023, no. 1, pp. 51–57.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-51-57

УДК 811.161.1
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-58-66

ТАКТИКИ РАЗВЁРТЫВАНИЯ КОНФЛИКТА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ COVID-19

Гукосьянц О. Ю., Алимурадов О. А.
Пятигорский государственный университет
357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Рассмотреть основные тактики конфликтного взаимодействия, разворачивающегося после возникновения основного противоречия, в виртуальной коммуникации пользователей «Живого Журнала» в период пандемии COVID-19.
Процедура и методы. Анализируемые контексты (более 375 веток комментариев к постам в «Живом Журнале») рассмотрены как смысловое целое с точки зрения используемых языковых средств с помощью лингвостилистического анализа. Благодаря прагмалингвистическому анализу выявлены авторские мотивы, намерения и установки. Контекстуальный анализ обеспечил учёт контекста создания анализируемого контента при изучении функциональной специфики слов и их значений, а именно ситуации пандемии COVID-19. При обобщении, систематизации, классификации и интерпретации результатов наблюдений применялся описательный метод, благодаря которому охарактеризованы речевые ходы, реализующие тактики развёртывания конфликта.
Результаты. По итогам исследования выявлены три основные тактики развёртывания конфликта, характерные для исследуемого временного промежутка: эскалация, сглаживание, нейтрализация конфликта. Определены особенности коммуникативного поведения пользователей и лингвистические средства, характерные для каждой из обозначенных тактик.
Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость представленного классификационного описания определяется необходимостью своевременно диагностировать развитие конфликта в интернет-опосредованной коммуникации, предупреждать развитие конфликта в конкретных речедеятельностных ситуациях.

Ключевые слова: интернет-опосредованная коммуникация, комментарий, коммуникативный конфликт, пандемия COVID-19, тактика развёртывания конфликта

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта МК-1675.2022.2 (Комплексное прагмалингвистическое исследование механизмов провоцирования и предотвращения возникновения и развития конфликтных ситуаций в виртуальной среде в условиях пандемии) по гранту Президента Российской Федерации.

TACTICS OF CONFLICT DEVELOPMENT IN INTERNET COMMUNICATION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

O. Gukosyants, O. Alimuradov
Pyatigorsk State University
prosp. Kalinina 9, Pyatigorsk 357532, Stavropol Territory, Russian Federation

Abstract
Aim. We analyze scenarios of conflict interaction while discussing topics pertaining to the COVID-19 pandemic.

© CC BY Гукосьянц О. Ю., Алимурадов О. А., 2023.

Methodology. Contexts (more than 375 comment threads published during the COVID-19 pandemic and extracted from LiveJournal posts) as a semantic whole in terms of the presented language means are studied based on lingua-stylistic and componential semantic analysis. Motives and intentions are identified using the pragma-linguistic analysis. Content-analysis ensures that the context of the examined content (namely the situation of the COVID-19 pandemic) is discussed as part of modeling the functional specifics of words and their semantics. Use is made of a descriptive method to generalize, systematize, classify, and interpret the obtained results. This method characterizes speech moves and behavior in conflict development tactics. The reconstruction of tactics of conflict development in Internet communication during the COVID-19 pandemic is provided using the linguistic modeling method.
Results. We have identified three main conflict development tactics observed in the empiric data corpus: conflict escalation, conflict accommodation, and conflict neutralization. The features of users' communicative behavior and linguistic means of each of the indicated tactics are determined.
Research implications. The theoretical significance of the presented classification description is determined by the need to diagnose the development of conflict in Internet-mediated communication in time and to prevent the development of conflict in specific speech situations.

Keywords: Internet-mediated communication, comment, communicative conflict, pandemic COVID-19, conflict deployment tactics

Acknowledgments: This research was supported by the RF President's Grants Council [Grant No. MK-1675.2022.2 (A comprehensive pragmatic-linguistic study of the mechanisms for provoking and preventing the emergence and development of conflict situations in virtual environment in pandemic conditions)].

Введение

Интернет как популярная среда коммуникации представляет собой комфортную платформу для освещения актуальных для пользователей событий, для обмена мнениями и активной дискуссии. Эпидемия, связанная с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, и последовавший период тотальной самоизоляции не могли не вызвать мощный отклик у виртуальной аудитории. Обсуждение нестабильной ситуации, скорости распространения инфекции в мире, природы заболевания, разработки вакцины сопровождалось повышенным эмоциональным напряжением, зачастую перерастающим в активный вербальный конфликт.

Обращение к вопросам определения структурных компонентов конфликтного взаимодействия, построению моделей конфликтных коммуникативных ситуаций наблюдалось в работах Е. В. Беловой [1], Н. А. Белоус [2], О. С. Иссерс [5], П. Озоха, А. Адигуна, М. О. Олайивола [15], Л. Г. Мохика [14], К. Ф. Седова [8], М. Ю. Сейранян [9], В. С. Третьяковой [11], А. Г. Фомина, Н. Якимовой [13], Л. Чжу [16], И. Чилува [12].

Конфликт может возникнуть только на базе коммуникативного контакта. Противоположность позиций или мысленное действие, никак не выраженное вовне, не являются элементом начавшегося конфликта, и нет конфликта, если действует только один участник [10, с. 127], соответственно, конфликт всегда полисубъектен. В настоящей работе рассматриваются интерперсональные – межличностые – конфликты, представляющие собой противостояние двух виртуальных языковых личностей. Исследование материала показало, что по степени длительности конфликтов, возникающих в период пандемии COVID-19 среди пользователей «Живого Журнала», превалируют быстротекущие конфликты – ситуации флейминга. Вслед за Т. А. Воронцовой под «флеймингом» мы понимаем конфликтное «диалогическое либо полилогическое взаимодействие, то есть коммуникативный акт или фрагмент коммуникативного акта» (подробнее см. [3, с. 168–169]). Иными словами, флейминг предполагает именно коммуникативное

взаимодействие, в ходе которого субъекты этого взаимодействия обмениваются репликами, которые способствуют не сглаживанию, а разжиганию конфликта. Ситуации троллинга, понимаемые Т. А. Воронцовой как публикация отдельных конфликтных высказываний, самостоятельные речевые действия, не получившие планируемой реакции адресата, нами рассмотрены не были. В то же время нельзя не учесть незначительный процент наблюдаемого киберсталкинга (8% от общего объёма материала) – ситуаций длительной травли одного и того же объекта коммуникации в лентах комментариев к постам разных авторов, преследования данных лиц и разжигания конфликта.

Жизненный цикл конфликта в интернет-опосредованной коммуникации, а именно появление противоречия, направление развёртывания конфликта, варианты его завершения являются предметом исследования в настоящей работе.

Материалом исследования являются отобранные методом сплошной выборки более 375 веток комментариев к постам в «Живом Журнале», опубликованных в период с марта 2020 г. по февраль 2022 г. Работа с эмпирической базой с целью выявления тактик развёртывания конфликта в интернет-среде в обозначенный период осуществлялась с помощью ряда методов исследования. Рассмотрение представленных контекстов как смыслового целого с точки зрения используемых языковых средств достигается за счёт лингвостилистического анализа. Выявление авторских мотивов, намерений, установки через исследование использованных языковых средств становится возможным благодаря прагмалингвистическому анализу. Контекстуальный анализ обеспечил учёт контекста создания анализируемого контента при изучении функциональной специфики слов и их значений, а именно ситуации пандемии COVID-19. При обобщении, систематизации, классификации и интерпретации результатов наблюдений применялся описательный метод, благодаря которому охарактеризованы речевые ходы, за счёт которых реализуется развёртывание конфликта.

Направления развития конфликтной ситуации в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19

Зарождение конфликта начинается с появления реплики-стимула – провокатора столкновения – и развивается в разных направлениях в зависимости от реакции адресата (жертвы конфликта), особенностей построения его речевого поведения. Согласно О. С. Иссерс, «провокацию можно определить как конфликтогенную технологию речевого воздействия, поскольку она побуждает партнёра к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия» [6, с. 95].

Реакции собеседника зависят во многом от желания, готовности, возможности продолжать конфликтное взаимодействие. Изучению речевых механизмов возникновения коммуникативных конфликтов посвящена диссертационная работа Н. В. Муравьевой [7]. В ходе исследования автор устанавливает речевое воплощение разных типов коммуникативного поведения, выводит коммуникативную модель текста, представляющую собой «отражённый в речевых особенностях и доступный наблюдению в тексте аналог коммуникативного поведения» [7, с. 380]. Характеризуя личности коммуникантов в зависимости от их участия в конфликте, В. С. Третьякова исчисляет «три типа личностей на основе их коммуникативных установок: установка на конфликт, конфронтацию; установка на устранение, невмешательство; установка на сотрудничество, кооперацию» [10, с. 133–134]. Первую установку, по мнению учёного, реализует конфликтный тип личности, вторую – конформистский, третью – гармонический тип личности.

Похожую классификацию находим у К. Ф. Седова, дифференцирующего три типа личности в зависимости от способности к кооперации в речевом поведении – конфликтный, центрированный и кооперативный [8]. Вывод о трёх стратегических линиях речевого поведения в конфликтной ситуации общения делает и И. И. Гулакова

[4], разграничивая конфронтационную, нейтральную и кооперативную стратегии.

Анализируя конфликтные ситуации, наблюдаемые при обмене комментариями к постам среди пользователей в «Живом Журнале» в период пандемии COVID-19, мы подтверждаем наличие трёх основных векторов развития конфликтной ситуации, характерные для исследуемого временного промежутка – периода пандемии COVID-19. Анализу подверглись ситуации манифестации конфликта, разворачивающиеся *после* возникновения основного противоречия, являющегося основой развития конфликтного взаимодействия.

Эскалация конфликта

Результатом исследования стало выявление трёх основных тактик развёртывания конфликта, характерных для исследуемого временного промежутка. Первая тактика – эскалация конфликта – проявляется, когда все конфликтующие стороны находятся в состоянии интенсивного противоборства. Подобное противоборство заключается в обмене оскорбительными репликами, дискредитации личностей друг друга, в отстаивании собственной позиции за счёт унижения оппонента, дискредитации его позиции и аргументов.

(1) – *Пока что* ***вы демонстрируете неспособность мыслить****. Но это не потому, что вы робот, а потому что* ***вы тупой****.*

– Тупо вы вставили свои три копейки*.* ***Характерно для плебея*** *в попытке унизить, и это уровень вашего мышления.*

– Ой ***какой «патриций», какое «небыдло»*** *попалось.* ***Несете чушь****, еще упорствуете в ней, но продолжаете ощущать себя охр*нительно крутым.*

– вы от зеркала-то отойдите[1].

Каждая последующая реплика в примере (1) представляет собой интенсификатор разворачивающегося конфликта, является провокатором последующей конфликтной реакции оппонентов. Прямое оскорбление адресата (*вы демонстрируете неспособность мыслить, вы тупой*), указывающее на его низкие умственные способности, оборачивается ответной реакцией собеседника, демонстрирующего аналогичную оценку низкого интеллектуального развития первого коммуниканта, неспособного участвовать в дискуссии, выражать свою позицию (*Тупо вы вставили свои три копейки)*, а также его отнесённость к низкому социальному классу (*характерно для плебея*). Продолжающийся обмен оскорблениями (*какой «патриций», какое «небыдло», несёте чушь, вы от зеркала-то отойдите)* представляет собой открытое противодействие коммуникантов, подогреваемое взаимными оскорблениями и длящееся на протяжении нескольких дней (24.12.2021 – 27.12.2021). Характер ведения диалога, расстановка знаков препинания, используемые сравнения, осведомлённость о социальных классах в Древнем Риме доказывают, что общение происходит между двумя образованными людьми. Данный факт позволяет предположить, что обращение друг к другу с использованием личного местоимения «вы», написанного со строчной буквы, также является демонстрацией неуважительного отношения к собеседнику.

(2) – *Тебе виднее.*

– Конешно виднее. ***Ты-то тупой:)***

– Потому, что ты так решил? Не, ***обс*канец, мне на твоё мнение плювать.***

–

– Инфузория *пытается шутить. Выходит неуклюже.*

– Не кукарекай, макака*.*

– Одноклеточный микроорганизм *пытается понять устройство сложноорганизованного. Садись, «два», урок не усвоен.*

– Иди иди

[1] Гипотеза: Омикрон мог передаться людям от грызунов // LiveJournal: [сайт]. URL: https://scinquisitor.livejournal.com/198072.html?media&utm_source=recommended (дата обращения: 21.01.2022). Комментарии от 24.12.2021–27.12.2021.

– Мне нравится тебя чм*рить, амёбушка[1].

Эскалация конфликта наблюдается и в примере (2). Использование мема, зоо-метафор (*инфузория, макака, одноклеточный микроорганизм, амёбушка*), указание на низкие умственные способности собеседника (*Ты-то тупой*), негативная номинация лица с точки зрения осуждаемого поведения (*обс*канец*), откровенное признание в раззадоривании и ожесточении оппонента (*Мне нравится тебя чм*рить*) демонстрируют характерное поведение коммуниканта-агрессора, достигающего своей цели – ответной негативной реакции, открытого конфликта в виртуальном мире.

Сглаживание конфликта

Вторая тактика – сглаживание – проявляется в случае, когда реакцией на реплику-стимул становится реплика-примирение.

(3) *– Ну и как отличные технологии? Работают? Я смотрю прям оглушительный успех.* ***Скажите, вы ваксеры правда такие тупые, что не можете остановиться жрать г*вно?***

– Вы ***какой-то*** *очень агрессивный.* ***Спокойней!*** *На основе вектора есть вакцины от кори, краснухи, эпидемического паротита и Эболы, все доказали свою эффективность.* ***мРНК прекрасная технология, но это технология будущего, а именно по тем возможностям, которые открывает. Но*** *я за ней не слежу, я в России живу. А у нас тут вектор. С ним всё хорошо.* ***Если Сапожник ссылается на свой личный опыт, то я тоже сошлюсь.*** *Всё отлично, не болел, с больными коронавирусом общаюсь практически каждый день лицом к лицу.[2]*

В ответ на экспрессивную оскорбительную реплику, содержащую окказионализм периода пандемии (*ваксеры*), негативную оценку умственных возможностей собеседника (*правда такие тупые*), грубое презрительное выражение (*жрать г*вно*) следует полноценный логичный и подробный ответ-объяснение собственной позиции. Неполное эллиптическое предложение, в котором пропущенное сказуемое предполагается в повелительном наклонении (*Спокойней!*), неопределённое местоимение (*какой-то*), согласие с мнением агрессивного собеседника, высокая оценка занимаемой им позиции, сменяющаяся собственными доводами и отстаиванием своей точки зрения (с помощью союзов *но*, *а именно*, фиксирующих последовательную, когерентную репрезентацию собственной позиции, придающих вербализации взвешенность), обоснование личной жизненной ситуации ссылкой на авторитетного пользователя показывают желание продолжать коммуникацию в более мирном русле.

(4) *– В Канаде в марше против вакцинаций приняло участие около 90000 дальнобоев на своих грузовиках.*

– а чего не 90 миллионов? Если уж врать – то до конца.

– Я просто сообщаю цифру, которую видел в Сети. Вы ведь тоже постите заметки из разных СМИ не проверяя. Охотно поправлю *эту цифру,* ***если Вы сможете*** *привести реальные данные о протестах против вакцинации в Канаде.*

– Ты не видишь разницу между заметок из ***уважаемых изданий****, которые до этого не сообщали недостоверную информацию (а если и ошибались, что со всеми бывает, то писали опровержение) и явных фэйков из интернета!*

– Откровенно говоря, я просто не помню какое именно СМИ подало эту новость. Повторяю, ***если Вы дадите*** *реальные цифры по участвовавшим в протестах в Канаде дальнобоям,* ***я, возможно, и соглашусь[3].***

Провокационная реплика – обвинение собеседника в обмане – служит цели во-

[1] Праздник непослушания в Канаде // LiveJournal: [сайт]. URL: https://dralexandra.livejournal.com/585430.html?utm_source=popular (дата обращения: 02.02.2022). Комментарии от 31.01.2022–01.02.2022.

[2] Детей отобрать – и в лагеря смутьянов! // LiveJournal: [сайт]. URL: https://sapojnik.livejournal.com/3744665.html?utm_source=recent&page=3 (дата обращения: 17.02.2022). Комментарии от 01.02.2022.

[3] LiveJournal: [сайт]. URL: https://mirovich.media/730878.html?utm_source=recent (дата обращения: 21.02.2022). Комментарии от 01.02.2022.

влечь адресата в конфликтное противостояние. Вместо этого ответом адресата является обоснование своих действий (*Я просто сообщаю цифру, которую видел в Сети*), ссылка на уподобление своих действий действиям агрессора (*Вы ведь тоже постите заметки из разных СМИ не проверяя*), готовность согласиться с мнением агрессора и признать свои ошибки (*охотно поправлю, возможно соглашусь*).

Положительная оценка агрессивной реплики-провокации, прямое обращение (вежливое, с использованием личного местоимения *Вы*, написанного с прописной буквы) являются способом смягчить нарастающую конфликтную атмосферу и реализовать тактику сглаживания конфликта.

Нейтрализация конфликта

Третья тактика – нейтрализация конфликта – заключается в резком уходе от конфликта, в смене темы дискуссии, отказе от дальнейшего обсуждения конфликтогенной темы, но в продолжении коммуникации с агрессором.

(5) – *Юноша.*

Вы что, совсем ....

Вы что не читаете журнал «Непредвзятого аналитика???!!!

В котором СТОЛЬКО РАЗ и ВАМ указывалось!!!

Что этот вирус создан у нас тут в ПОМЕРКАХ!!

А вы тут поливаете своими испражнениями эту УХАНЬСКУЮ лабораторию

Так не так давно один ОЧЕНЬ УМНЫЙ ПАРЕНЬ!

и ВАМ ***тыкнул в физиономию****, что в Ухани была КЛАССИЧЕСКАЯ ПОДСТАВА.*

Я к своему ужасу увидел, что тот парень НА ПОРЯДОК умнее меня.

Я то этих детали и не приметил.

так, что заткнитесь ТЕМ ПАРНЕМ!!

И сопите в трубочку.

Как я это делаю, после прочтения одного его материала на его странице...

– Напомню старое правило: не создавать ненужных сущностей. Нет тут никакого отдельного пути*.*

– Тогда только следствие покажет.[1]

Агрессивный настрой автора первого комментария, семантика конфликта, передаваемая просторечным грамматически некорректным выражением (***тыкнуть*** *в физиономию*), вульгарным просторечным глаголом в форме императива (*заткнитесь*), фразеологизмом с глаголом в повелительном наклонении (*сопите в две дырочки*) нивелируется комментарием с двойными отрицаниями (*не создавать ненужных*, *нет никакого*), избеганием прямой персонализации при использовании глагола несовершенного вида для передачи необходимости соблюдения регулярности действий (*не создавать*). Нейтрализация конфликта подтверждается финальным высказыванием первого собеседника-агрессора, который не развивает провоцируемый вначале конфликт.

(6) – *Для вас* ***фанатиков ковидобесия*** *любое действие уже априори правильно и не подлежит обсуждению!?*

– Видите ли, вакцина называется вакциной не из-за длительности испытания, а по своему принципу – медицинский препарат биологического происхождения, обеспечивающий организму появление приобретённого иммунитета к конкретному антигену. Вакцины бывают плановые и экстренные. При вспышках инфекционных болезней некогда испытывать препараты. Это не впервые такое, экстренные вакцины готовились много раз. Просто интернета не было. И времена были не столь вегетарианские. Никакие вспышки они не вызывают, максимум они могут просто не работать. Технологии эти вековые и ***ничего там нового нет****.*

– Вопрос был риторический. Что же делать, на западную печать наплевать?

– Да ***ничего не делать****, просто иметь в виду.*

– Я обязательно подумаю над этим ближайший час, когда буду чистить снег во дворе[1].

[1] О разгадке происхождения коронавируса // LiveJournal: [сайт]. URL: https://a-nalgin.livejournal.com/1988841.html (дата обращения: 16.02.2022). Комментарии от 13.01.2021

Ответом на оскорбительную номинацию, содержащую окказионализм-бленд (*фанатик ковидобесия*), служит обоснование собеседником сущности вакцины и оправдание оперативности её создания, отсутствие персонализации в высказываниях дискредитируемого собеседника, применение двойного отрицания (*ничего нового нет, ничего не делать*). Прибегнув к перечисленным коммуникативным уловкам, оппонент агрессора сводит к минимуму возможность развития конфликтной ситуации, нейтрализует агрессивный настрой собеседника.

Заключение

Анализ материала, которым выступила виртуальная коммуникация пользователей «Живого Журнала», осуществляемая через размещённые в ленте к постам комментарии, выявил три основных типа развёртывания конфликта: эскалация, сглаживание и нейтрализация конфликта. Развитие каждой из перечисленных тактик экспликации конфликта зависит от реакции адресата на полученное сообщение-стимул. Проведённое исследование выявило речевые маркёры, характерные для каждой из дифференцируемых тактик. Первой тактике – эскалации конфликта – свойственно наличие прямых взаимных оскорблений, дискредитирующих личности оппонентов через низкую оценку интеллектуального развития человека, отнесение к низкому социальному классу, приписывание неодобряемых обществом действий, поведения с помощью зоометафор. Вторую тактику – сглаживание конфликта – отличает примирительная позиция по отношению к агрессору, которой свойственно прямое обращение к провоцирующей конфликт личности, положительная оценка или согласие с мнением коммуниканта, наличие неопределённых местоимений, ссылка на авторитет, в том числе и на самого агрессивно настроенного автора ЖЖ. Третья тактика – нейтрализация конфликта – отличается резким уходом от персонализации при продолжении коммуникации, обилием отрицательных местоимений, отрицательных глагольных форм, двойных отрицаний, исключающих дальнейшее развитие конфликтного взаимодействия.

Статья поступила в редакцию 03.11.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Е. В. Модель конфликтной языковой личности в бытовом конфликтном дискурсе [Электронный ресурс] // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 114. URL: http://ej.kubagro.ru (дата обращения: 09.10.2022).
2. Белоус Н. А. Социокультурный аспект анализа речевого конфликтного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 62. С. 30–36.
3. Воронцова Т. А. Коммуникативный конфликт в интернет-дискурсе // Русский язык в интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей I Международной научно-практической конференции, г. Москва, 8–9 февраля 2017 г., М.: Российский университет дружбы народов, 2017. С. 168–173.
4. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: автореф. дис. … канд. филол. наук. Орёл, 2004. 19 с.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
6. Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 92–104.
7. Муравьева Н. В. Речевые механизмы коммуникативных конфликтов: на материале текстов массовой информации: дис. … д-ра филол. наук. М., 2002. 451 с.
8. Седов К. Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Саратовский университет, 2000. С. 6–12.
9. Сейранян М. Ю. Конфликтный дискурс: социолингвистический и прагмалингвистический

[1] Детей отобрать – и в лагеря смутьянов! // LiveJournal: [сайт]. URL: https://sapojnik.livejournal.com/3744665.html?utm_source=recent&page=3 (дата обращения: 17.02.2022). Комментарии от 01.02.2022.

аспекты. М.: Прометей, 2012. 96 с.
10. Третьякова В. С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2000. С. 127–140.
11. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2003. 36 с.
12. Chiluwa I. Introduction: Discourse, Conflict and Conflict Resolution [Электронный ресурс] // Discourse and Conflict: Analysing Text and Talk of Conflict, Hate and Peace-Building. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-76485-2_1 (дата обращения: 09.10.2022).
13. Fomin A. G., Yakimova N. Communication strategies in conflict discourse: cross-cultural experimental research // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 236. P. 65–70.
14. Mojica L. G. Modeling Trolling in Social Media Conversations [Электронный ресурс] // Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC-2018). 2018. URL: https://www.semanticscholar.org/reader/1a7e9e91305d4b2c9773a51d915a057194b194df (дата обращения: 09.10.2022).
15. Ozoh P., Adigun A., Olayiwola M. O. Identification and Classification of Toxic Comments on Social Media Using Machine Learning Techniques // International Journal of Research and Innovation in Applied Science (IJRIAS). 2019. Vol. 4. № 11. P. 142–147.
16. Zhu L. Framing the Political Conflict Discourse in Chinese Media: A Case Study of Sino-US Trade Dispute // Journal of Language and Politics. 2022. Vol. 21. № 6. P. 867–889.

REFERENCES

1. Belova E. V. [Model of a Conflict Linguistic Personality in Everyday Conflict Discourse]. In: *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic Network Electronic Scientific Journal of the Kuban Agrarian University], 2015, no. 114. Available at: http://ej.kubagro.ru (accessed: 09.10.2022).
2. Belous N. A. [Sociocultural Aspect of the Analysis of River Conflict Behavior]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2008, no. 62, pp. 30–36.
3. Voroncova T. A. [Communicative Conflict in Internet Discourse]. In: *Russkii yazyk v internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura: sbornik statei I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Moskva, 8–9 fevralya 2017 g.* [The Russian Language on the Internet: Personality, Society, Communication, Culture: Collection of Articles of the I International Scientific and Practical Conference, Moscow, February 8–9, 2017]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2017, pp. 168–173.
4. Gulakova I. I. *Kommunikativnye strategii i taktiki rechevogo povedeniya v konfliktnoi situatsii obshcheniya: avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [Communication Strategies and Tactics of Speech Behavior in a Conflict Situation of Communication: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Oryol, 2004. 19 p.
5. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p.
6. Issers O. S. [Strategy of Verbal Provocation in Public Dialogue]. In: *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language in Science in Australia], 2009, no. 2 (18), pp. 92–104.
7. Murav'eva N. V. *Rechevye mekhanizmy kommunikativnykh konfliktov: na materiale tekstov massovoi informatsii: dis. … d-ra filol. nauk* [Speech Mechanisms of Communicative Conflicts: On the Material of Mass Media Texts: Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2002. 451 p.
8. Sedov K. F. [Types of Linguistic Personalities According to the Ability to Cooperate in Speech Contact]. In: *Problemy rechevoi kommunikatsii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Problems of Speech Communication: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Saratov, Saratov University Publ., 2000, pp. 6–12.
9. Seiranyan M. Yu. *Konfliktnyi diskurs: sotsiolingvisticheskii i pragmalingvisticheskii aspekty* [Conflict Discourse: Sociolinguistic and Pragmalinguistic Aspects]. Moscow, Prometei Publ., 2012. 96 p.
10. Tret'yakova V. S. [Conflict of Views of a Linguist]. In: *Yurislingvistika-2: russkii yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii* [Jurislinguistics-2: Russian Language in Natural and Legal Life]. Barnaul, Altai State University, 2000, pp. 127–140.
11. Tret'yakova V. S. *Rechevoi konflikt i garmonizatsiya obshcheniya: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk* [Speech Conflict and Harmonization of Communication: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2003. 36 p.

12. Chiluwa I. Introduction: Discourse, Conflict and Conflict Resolution. In: *Discourse and Conflict: Analysing Text and Talk of Conflict, Hate and Peace-Building*. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-76485-2_1 (accessed: 09.10.2022).
13. Fomin A. G., Yakimova N. Communication strategies in conflict discourse: cross-cultural experimental research. In: *Procedia – Social and Behavioral Sciences,* 2016, vol. 236, pp. 65–70.
14. Mojica L. G. Modeling Trolling in Social Media Conversations. In: *Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC-2018)*. 2018. Available at: https://www.semanticscholar.org/reader/1a7e9e91305d4b2c9773a51d915a057194b194df (accessed: 09.10.2022).
15. Ozoh P., Adigun A., Olayiwola M. O. Identification and Classification of Toxic Comments on Social Media Using Machine Learning Techniques. In: *International Journal of Research and Innovation in Applied Science (IJRIAS)*, 2019, vol. 4, no. 11, pp. 142–147.
16. Zhu L. Framing the Political Conflict Discourse in Chinese Media: A Case Study of Sino-US Trade Dispute. In: *Journal of Language and Politics*, 2022, vol. 21, no. 6, pp. 867–889.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гукосьянц Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения, русистики и многоязычия, научный сотрудник научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии» Пятигорского государственного университета;
e-mail: gukosjants@mail.ru

Алимурадов Олег Алимурадович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения, русистики и многоязычия, начальник управления научной работы, главный научный сотрудник научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии» Пятигорского государственного университета;
e-mail: alimuole@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga Yu. Gukosyants – Cand. Sci. (Philology); Assoc. Prof.; Assoc. Prof.; Department of West-European Languages and Cultures; Institute of Translatology, Russian Studies, and Multilingualism; Researcher of the Scientific-Educational Center of Applied Linguistics, Terminology Studies and Linguacognitive Technologies; Pyatigorsk State University;
e-mail: gukosjants@mail.ru

Oleg A. Alimuradov – Dr. Sci. (Philology); Assoc. Professor; Prof.; Department of West-European Languages and Cultures; Institute of Translatology, Russian Studies, and Multilingualism; Chief Researcher of the Scientific-Educational Center of Applied Linguistics, Terminology Studies and Linguacognitive Technologies; Director of the Scientific Research and Development Department; Pyatigorsk State University;
e-mail: alimuole@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гукосьянц О. Ю., Алимурадов О. А. Тактики развёртывания конфликта в интернет-коммуникации периода пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 58–66.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-58-66

FOR CITATION

Gukosyants O. Yu., Alimuradov O. A. Tactics of Conflict Development in Internet Communication during the Covid-19 Pandemic. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology,* 2023, no. 1, pp. 58–66.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-58-66

УДК 811.161.1
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-67-76

О ПРЕЦЕДЕНТНОМ ИМЕНИ *Н. БЕРДЯЕВА* В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ Л. БОРОДИНА «БЕЗ ВЫБОРА»

Федорченко Е. А.
Российская таможенная академия
140015, Московская обл., г. Люберцы, Комсомольский пр-т, д. 4, Российская Федерация

Аннотация
Цель. На материале текста автобиографического повествования Л. Бородина «Без выбора» определить концепцию влияния прецедентной информации, представляемой именем собственным, на формирование способов и средств самопрезентации языковой личности автора.
Процедура и методы. Прецедентный антропоним *Н. Бердяев* и книга *Н. Бердяева* «Самопознание: опыт философской автобиографии» рассматриваются как прецедентные феномены, создающие основу для интерпретационной деятельности читателя в понимании языковой личности автора. Используются описательный метод, методы контекстного и концептуального анализа.
Результаты. На основе анализа семиотических моделей выявляются семантический потенциал и прагматические функции антропонима *Н. Бердяев* в тексте Л. Бородина. Установлены языковые средства (специальные маркёры) включения механизма множественной интерпретации языкового знака.
Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы в теории текста, при изучении языка писателя.

Ключевые слова: автобиографическое повествование, лингвоперсонология, прецедентный антропоним, прецедентный текст, языковая личность автора

THE PRECEDENT NAME *N. BERDYAEV* IN L. BORODIN'S AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE "WITHOUT CHOICE"

E. Fedorchenko
Russian Customs Academy
Komsomolsky prosp. 4, Lyubertsy 140015, Moscow Region, Russian Federation

Abstract
Aim. On the basis of the text of L. Borodin's autobiographical narrative "Without choice", we determine how precedent information expressed by a proper name affects the formation of specific means of self-presentation of the author's linguistic personality.
Methodology. The precedent anthroponym *Berdyaev* and the precedent text "Self-Knowledge" by *Berdyaev* used in L. Borodin's autobiographical narrative "Without Choice" are considered as precedent phenomena creating the basis for the reader's interpretation of the author's linguistic personality. The methodology used in the paper includes a descriptive method and methods of contextual and conceptual analysis.
Results. The semantic potential and the pragmatic functions of the anthroponym *N. Berdyaev* are revealed by analyzing semiotic models. The linguistic means (special markers) of the mechanism of multiple interpretation of a linguistic sign are established.
Research implications. The obtained results can be used in the theory of text and in the study of the writer's language.

Keywords: author's linguistic personality, autobiographical narrative, linguopersonology, precedent anthroponym, precedent text

© CC BY Федорченко Е. А., 2023.

Введение

В жанре автобиографии (автобиографического повествования) смысловым центром, организующим и концентрирующим всё в себе и вокруг себя, формально является местоимение **я**, воплощающее в себе триединство субъекта повествования, объекта повествования и «героя» (персонажа, действующего лица). Однако смысловое поле данного знака проявляет когнитивно обусловленную и потому потенциально не ограниченную способность расширяться. В этой связи уместно вспомнить изречение великого русского мыслителя Н. Бердяева: «*Я» есть первичная данность … «Личность» же есть качественное достижение. В моем «я» есть многое не от меня*[1].

«Я» автора в литературном произведении всегда кореферентно определённому имени собственному. И, как правило, в мемуарах писателей представлено большое количество различных имён людей, в той или иной мере влияющих на жизнь и судьбу автора, определяющих её. Однако каждое имя – и прежде всего имя, получившее статус прецедентного знака, – потенциально способно вызывать у читателей неоднозначные, личностные смыслы и вариативные реакции.

В автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора»[2] автор, повествуя о своей жизни, использует значительное количество прецедентных феноменов, которые отражают особенности авторской ментальности, определённые мировоззренческие установки, систему ценностей (нравственных, национально-культурных и т. д.). Ср.: «Прецедентное имя, как и концепт, им представляемый, принадлежит к концептуальной сфере – параметру языковой личности, которая употребляет его как автор речи / текста, встречно – адресатов, т. е. воспринимающих, читающих текст людей, которые подвергают осмыслению содержание ментальной единицы, благодаря средствам её экспликации, понимают, кто стоит за этим именем, какие события, процессы, исторические вехи, традиции с ним связаны» [5, с. 23].

Среди прецедентных феноменов в сочинении Л. Бородина особое место, полагаем, принадлежит прецедентному имени Н. Бердяева и прецедентному тексту Н. Бердяева – его книге «Самопознание», которая была опубликована уже после смерти автора с подзаголовком «Опыт философской автобиографии». Эта книга была хорошо знакома автору повествования «Без выбора». И сочинение Л. Бородина, как и труд Н. Бердяева, по существу, является «опытом философской автобиографии». Но здесь перед читателем иной опыт и иная история для философского осмысления.

Цель данного исследования заключается в формировании концепции влияния прецедентной информации, представляемой антропонимом Н. Бердяев, имеющим национально-культурную ценность, на способы и средства самопрезентации языковой личности автора в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора». Реализация поставленной цели предполагает решение ряда задач: 1) определить прецедентные феномены, коррелирующие с доминантами повествовательного начала в мемуарном тексте Л. Бородина; 2) выявить семантический потенциал употребления антропонима *Н. Бердяев* в изучаемом тексте; 3) установить прагматические функции прецедентного антропонима *Н. Бердяев* в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора». Достижение поставленной цели исследования может быть значимо для развития современной антропоцентрической лингвистики, теории текста, лингвоперсонологии.

Ассоциативная интертекстуальность как способ самопрезентации языковой личности автора в повествовании Л. Бородина «Без выбора»

В качестве своеобразной программы интерпретации мемуарного текста Л. Бородина «Без выбора» может рассматриваться инициированный автором ин-

[1] Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1990. С. 34.

[2] Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. 507 с.

тертекстуальный жанровый диалог, в который включается книга Н. Бердяева «Самопознание: опыт философской автобиографии». Названные произведения Л. Бородина и Н. Бердяева объединяет не только жанровая принадлежность, но и многочисленные параллели в их концептуальном пространстве, а также некоторые общие тенденции в развитии жанровой формы автобиографии, в частности введение элементов научного стиля в мемуарный текст.

Изучение прецедентных феноменов в тексте (прецедентных имён, прецедентных высказываний, прецедентных ситуаций, прецедентных текстов) актуализирует проблему соотношения двух связанных между собой когнитивных категории *прецедентность и интертекстуальность,* которые в современных научных работах или отождествляются, или не чётко дифференцируются, или неоднозначно разграничиваются.

Поскольку корпус научных трудов, использующих данные категории, весьма представителен, обзор научной дискуссии по данной теоретической проблеме сознательно оставлен за рамками данной работы. Для целей исследования используется понятийный аппарат, характеризующийся в настоящее время уже определённой традиционностью или соответствующий, по нашему мнению, природе изучаемых языковых явлений и фактов.

Как известно, становление терминов *прецедентность* и *прецедентный текст* связано с именем Ю. Н. Караулова, который определил прецедентные тексты таким образом: «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 216].

Указание в приведённой дефиниции термина *прецедентный текст* на «неоднократное возобновление в дискурсе языковой личности» выявляет то общее, что есть у категорий *прецедентность* и *интертекстуальность.* Прецедентность языкового знака – это его узуальная лингвокультурологическая характеристика. Интертекстуальность – это признак неразрывной связи одного текста с другим, своеобразный «диалог» с ранее созданным текстом. Интертекстуальность – это своего рода «диахроническая матрица» [9, с. 99–100], сквозь которую просматривается какой-либо прецедентный знак (в другой терминологии – определённый прецедентный феномен). При этом интертекстуальность в мемуарном жанре может рассматриваться не только как средство усиления интерпретационного потенциала текста в целом, но и как средство самопрезентации автора в когнитивных процессах осмысления своего «Я». Для автора правильность интерпретации его текста коррелирует с внетекстовой авторской интенцией (которая может быть заявлена и в тексте). Но сам по себе текст вполне допускает множественность интерпретаций, связанных с особенностями перцепции, направленной исключительно на «референциальное» прочтение мемуарного текста или его прочтение как продукта «авторского самоинсценирования». В творческой интерпретации авторского **я** в мемуарном тексте могут доминировать и факторы, связанные с особенностями ментальности читателя. В этой связи интересны размышления Роберта Вальтера-Йохума, посвятившего влиянию постмодернистских литературных теорий на осмысление жанра автобиографии свой труд «Теория автобиографии в эпоху постмодерна» [11], – книгу, интегрирующую теоретические положения, связанные с критикой референциальности[1] и разработкой интертекстуальности [1; 4]. При этом устанавливаемая учёным концептуальная рамка интерпретации мемуарного текста указывает и на то, что индивидуальное может быть обозначено

[1] Под «референциальностью» (от refer – относиться к объекту) понимается соотнесённость текста с внетекстовой реальностью.

только через что-то известное, а субъективное является продуктом дискурсивных практик [11].

Как и многие авторы мемуаров, Л. Бородин начинает с размышления о том, что побудило его написать свои воспоминания. Свою творческую задачу в *Предисловии* к книге автор определяет метафорически: «*Жизнь вроде бы ещё продолжается, но движение... оно теперь уже не у меня, а у жизни … Зато за моей спиной эпоха. Не историческая эпоха, но всего лишь эпоха моей жизни – и почему бы, собственно, мне не посмотреть на свою жизнь монокулярно, если она у меня, как и у всех, единственная?*»[1]. Однако уже в основной части повествования творческая задача автора сформулирована предельно чётко и конкретно (как это свойственно, научному – философскому, историческому, социологическому – исследованию): «***главная цель сего писания – не автобиография****, но попытка определения причин той трагедии, что произошла со страной*»[2]. Развал СССР для Л. Бородина был глубоко личной трагедией, а опыт духовного самопознания, представленный как процесс изменения индивидуального сознания автора, одновременно осмысливается как исторический процесс изменения ментальности советского человека – *тихий процесс умирания его веры в социалистическую идею* и процесс обретения веры в Бога (об индивидуально-авторском концепте «Вера» как основе идиостиля Л. Бородина см.: [10]).

Постановка Л. Бородиным творческой задачи такого масштаба ассоциативно побуждает читателя вспомнить едва ли не единственную в своём роде автобиографию с остро социальной и философской проблематикой – книгу Н. Бердяева «Самопознание: опыт философской автобиографии», над которой великий русский мыслитель работал последние 10 лет жизни. Не вспомнить это произведение не позволяет читателю сам автор повествования «Без выбора» (историк и философ по образованию), неоднократно в различных контекстах использующий антропоним *Н. Бердяев*, в том числе и в затекстовой части автобиографического повествования (в *Комментариях*), где в биографической справке о Н. Бердяеве назван и его итоговый труд «Самопознание».

Книга Н. Бердяева «Самопознание», сочетающая в себе черты мемуарного жанра и философского трактата (Н. В. Козловская рассматривает философскую автобиографию Н. Бердяева как особую разновидность философского трактата [3, с. 22–23]), своеобразно преломляется в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора»: великий русский религиозный мыслитель Н. Бердяев оказывается вовлечённым в сюжетные линии автобиографического повествования Л. Бородина; оба произведения буквально пронизаны многочисленными культурно-историческими параллелями.

Произведения Н. Бердяева и Л. Бородина обнаруживают тесную связь в плане отражения определённого исторического цикла в развитии Российского государства и русской духовности. О своей эпохе как об одной из самых трагичных в мировой истории Н. Бердяев пишет: «*Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей родины, и для всего мира. На моих глазах рушились целые миры и возникали новые. Я мог наблюдать необычайную превратность человеческих судеб. Я видел трансформации, приспособления и измены людей, и это, может быть, было самое тяжёлое в жизни. Из испытаний, которые мне пришлось пережить, я вынес веру, что меня хранила Высшая Сила и не допускала погибнуть. Эпохи, столь наполненные событиями и изменениями, принято считать интересными и значительными, но это же эпохи несчастные и страдальческие для отдельных людей, для целых поколений. История не щадит человеческой личности и даже не замечает её. Я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, малую и большую, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом рус-*

[1] Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 6.

[2] Там же. С. 102–103.

ский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию её победителями, я пережил изгнание, и изгнанничество моё не кончено. Я мучительно переживал страшную войну против России. И я ещё не знаю, чем окончатся мировые потрясения. Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании»[1].

И Л. Бородин словно отвечает Н. Бердяеву, чем это закончится, – продолжает историческое повествование до возможной точки его логического осмысления: Н. Бердяев размышляет о гибели тысячелетней Руси, этапе становления Советской России, о её очень сложных отношениях с Западным миром в первой половине XX века, о *несотворённой свободе* и Боге; историческое повествование о событиях второй половины XX в. – вплоть до краха Советского Союза – продолжает в своей автобиографии Л. Бородин, сумевший пройти обратный путь – путь (через великие стройки коммунизма и советские тюрьмы и лагеря!) комсомольца-атеиста, верного коммунистической идеологии советского человека к традиционным для России духовным ценностям, к Богу и Православию.

Аксиологические национально-культурные доминанты *Семья, Родина / государство / Отечество / Отчизна, Любовь, Добро, Свобода* и др.[2] являются ориентирами, направляющими творческий поиск в автобиографической прозе как Н. Бердяева, так и Л. Бородина. Однако у Н. Бердяева высшими ценностями, которым подчиняется всё безусловно, являются *Свобода*, *Творчество* и *Вера в Бога*. Для Л. Бородина это *Православие* и *российская государственность*. Именно *вера* в самых широких рамках русской ментальности [8, с. 27–29] в качестве основы мировосприятия и миропонимания духовно объединяет Л. Бородина с Н. Бердяевым. В рамках координат именно национально-культурного мировосприятия анализирует Л. Бородин все исторические события, в том числе и связанные *со смутой* и идеей русского коммунизма, о чём так много размышлял в своих сочинениях и Н. Бердяев.

Теоретические, методологические установки Н. Бердяева актуальны и для творческого метода мемуариста Л. Бородина. Н. Бердяев пишет: «*Моя личность не есть готовая реальность, я созидаю свою личность, созидаю её и тогда, когда познаю себя; “я” есть, прежде всего, акт. Уже греки видели в познании самого себя начало философии. И на протяжении всей истории философской мысли обращались к самопознанию как пути к познанию мира*»[3]. И именно такую установку (самопознание – это путь к познанию мира) реализует в автобиографии и Л. Бородин.

В сочинении Л. Бородина описание отдельных биографических фактов как составляющих единого процесса самопознания в целом подчиняется осмыслению исторического материала, что на уровне основного текста формирует тесно переплетающиеся сюжетные линии произведения или является стимулом для саморефлексии автора, направленной на осмысление процесса утраты советским человеком веры в социалистическую идею и возвращения к традиционным христианским ценностям, а в затекстовой части (в *Приложении* объёмом 60 страниц!) являет необходимый для исторического исследования фактический материал, а именно: *Программу «Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа»* и *Комментарий*. Наличие этого приложения, а также особенности проблематики, использование научной терминологии и ссылок на научную информацию позволяют говорить о влиянии научного стиля

[1] Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1990. С. 5.

[2] См.: Антология концептов: в 8 т. Т. 8 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2011. 328 с.

[3] Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1990. С. 276.

на мемуарный текст Л. Бородина. И в этом Л. Бородин следует за Н. Бердяевым.

С языковыми средствами репрезентации речевого субъекта связаны некоторые общие приёмы организации повествования, свойственные жанру: у Л. Бородина (как и у Н. Бердяева в «Самопознании») реализуется сюжетная схема, где в определённой последовательности, направленной из прошлого в настоящее, воспроизводятся значимые этапы биографии автора – детство, отрочество, юность, зрелость. И на основе этой устойчивой схемы, ассоциативно-хронологического принципа организации повествования создаётся **Я субъекта повествования** – неповторимая авторская модель мира, имеющая самостоятельную духовную, историческую и эстетическую ценность.

Сквозь призму авторского сознания – **Я** зрелого, состоявшего человека, достигшего высокого уровня духовного развития и значительного социального статуса, ретроспективно представлен субъект повествования на различных этапах становления его личности: **Я** ребёнка, **Я** подростка, **Я** молодого человека. И, по меньшей мере, эти «ретроспективные» **Я** в воспоминаниях писателя не могут быть свободны от вымысла и образности: во-первых, достаточно сложно верифицировать соотношение факта и вымысла (*как было*? и *как вспомнилось?*); во-вторых, сам автор, размышляя над вопросом достоверности, объективности созданного им мемуарного текста, пишет: «*“объективность” про самого себя – то всегда есть всего лишь нечто из области желаемого, но неосуществимого вполне*».[1] Ср. у Н. Бердяева: «*Воспоминание о прошлом никогда не может быть пассивным, не может быть точным воспроизведением … Память активна, в ней есть творческий, преображающий элемент, и с ним связана неточность, неверность воспоминания. Память совершает отбор: многое она выдвигает на первый план, многое же оставляет в забвении, иногда бессознательно, иногда же сознательно*»[2]. Творческая, преображающая составляющая в изображении прошлого неразрывно связана с системой ценностей, свойственных личности автора, с его индивидуальной картиной мира.

Семантика и прагматика антропонима *Бердяев* в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора»

В монтаж воспоминаний Л. Бородина о событиях, предопределивших невероятные зигзаги его судьбы, неоднократно включается антропоним *Бердяев*, представляющий на протяжении всего текста различные виды информации.

Первое употребление данного прецедентного имени (как имени нарицательного, маркированного кавычками) с отрицательной коннотацией вводится посредством приёма цитации (окказионализм, образованный от имени *Бердяев*, не относится к собственному лексикону автора): «*Пока в своей деревне пробавлялся гегельянством, друг мой питерский вышел на* ***тот пласт русской культуры****, который писатель Юрий Трифонов по-советски хлёстко поименовал* ***“белибердяевщиной”****. Прибыв в Питер, я в эту* ***“белибердяевщину”*** *занырнул с головой и осенью того же 1965-го уже предложил аспирантуре философского факультета ЛГУ реферат о «кантианских мотивах у раннего* ***Бердяева****». Реферат был принят…*»[3].

Индивидуально-авторский неологизм Юрия Трифонова, созданный на основе окказионального способа словообразования – сложно-суффиксального словообразования с наложением основ: от *белиберда (разг., сниж.* в знач. «вздор, бессмыслица, чепуха»[4]) и *Бердяев*>*бели****бердяев-щин****-а* – суффикс *-щин-* удваивает отрицательную коннотацию (можно говорить и

[1] Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 69.

[2] Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1990. С. 3–4.

[3] Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 52–53.

[4] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2015. С. 76.

о словосложении с наложением основ *белиберда+бердяевщина*), – включается в оппозицию с кореферентными номинативными единицами, относящимися к речи автора и характеризующимися положительной (высокой) оценкой автора: *пласт русской культуры; реферат о «кантианских мотивах у раннего* ***Бердяева****»*. Таким образом, семиотическая модель, представленная как диада «Бердяев (= *пласт русской культуры*) – ***«белибердяевщина»***, вводит в текст информацию о неприятии в Советском Союзе творчества Н. Бердяева, его идей представителями власти, некоторыми советскими писателями (среди которых был и Юрий Трифонов).

Антропоним *Бердяев* в наименовании реферата по философии включает механизм многоступенчатой интерпретации на основе метонимического переноса наименования: *Бердяев* – произведения Бердяева, их содержание, философская концепция Бердяева, мировидение Бердяева (в другой терминологии: миропонимание Бердяева, языковая картина мира Бердяева). Кроме того, актуализируется информация, связанная не только с особенностями философской концепции Н. Бердяева (близость идей Н. Бердяева идеям И. Канта), но и ценностью идей И. Канта и Н. Бердяева для Л. Бородина. При этом объём информации, потенциально представляемой данными антропонимами, принципиально не тождествен объёму информации, воспринимаемой читателем. Понимание информации, в зависимости от субъективного восприятия читателя, может быть и весьма поверхностным, схематичным, но может и безгранично увеличивать смысловую плотность текста (в аспектах трансцендентальной философии И. Канта с его теорией субъекта, человеческой воли, свободы, обоснованной всеобщности и необходимости научного знания и философии Н. Бердяева, принадлежащей к вершинам христианского экзистенциализма).

Занятия философией Л. Бородин называет *моими «бердяевскими» изысканиями*. Словообразовательный, графический (употребление строчной буквы), пунктуационный (использование кавычек) и определительный (*моими*) маркёры включают интерпретационный механизм в семиотической диаде *Бердяев – мои «бердяевские» изыскания*: прецедентное имя интерпретируется читателем в контексте осмысления автором произведения «Без выбора» философской проблематики, представленной в трудах Н. Бердяева, а также близких Н. Бердяеву философов.

Антропоним *Н. Бердяев* также актуализирует в автобиографическом повествовании «Без выбора» информацию, связанную с ролью Н. Бердяева и других «веховцев» в развитии духовного самосознания участников подпольной антикоммунистической организации «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа», куда вступает Л. Бородин 17 октября 1965 г. Авторское **Я**, вербализованное как ***мы*** *– позавчерашние комсомольцы-атеисты*, раскрывается через систему ценностей, культурологическим знаком которой является номинация *“веховцы”*, относящаяся к прецедентному миру Н. Бердяева.

«Вехи» – важная часть прецедентного мира Н. Бердяева. В научном комментарии Л. Бородина о сборнике «Вехи» читаем: *«“Вехи” – сборник статей бывших “легальных марксистов”* ***Н. А. Бердяева*** (выделено нами. – *Е. Ф.*), *С. Н. Булгакова, П. Б. Струве, С. Л. Франка, а также М. О. Гершензона, Б. Н. Кистяковского и А. С. Изгоева (Ланде), изданный ими в 1909 г. – с подзаголовком “Сборник статей о русской интеллигенции” и обращённый к интеллигенции. “Веховцы” считали социальную революцию, замешанную на атеистическом материализме и насилии, гибельной для России … Сборник сразу же был подвергнут резкой критике большинством политиков, писателей, учёных, публицистов, порой прямо противоположных взглядов. Этот спор положил начало влиятельной критической традиции в отечественной философской публицистике, что отразилось в таких сборниках, как “Из глубины” (1918), “Смена вех” (1921), “Освальд Шпенглер и закат Европы” (1922), “Из-под глыб” (1974) и в “перестроечном*

манифесте" – "Иного не дано"» (1989)[1]. Таким образом прецедентный антропоним проявляет способность к реконструкции фрагмента определённой исторической эпохи и предопределяет понимание истоков некоторых культурных традиций.

Характеризуя понятие «прецедентный мир» как комплекс лингвоконцептуалогических образований, интегрирующих отдельные прецедентные феномены, Е. А. Нахимова приходит к убедительному выводу: «основным связующим стержнем для выделения прецедентного мира оказывается не столько время и пространство, сколько выдающаяся личность, создающая вокруг себя целый мир прецедентных имён, высказываний, текстов и ситуаций» [6, с. 42]. При этом судьба и творчество выдающейся личности неразрывно связаны с определённой исторической эпохой. А само понятие прецедентного мира выдающейся личности характеризуется динамичностью в процессе культурно-исторического развития социума. Так, сборник «Вехи» получает различные оценки в годы, близкие к его изданию, в годы деятельности «Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа» и в XXI веке, поскольку «понятие прецедентный мир, в том числе прецедентный мир творческой личности, приобретает обновлённое актуальное значение, связанное с континуальной множественностью полисубъектных дискурсивных реакций на интегративный стимул прецедентности» [7, с. 186].

Л. Бородин, анализируя современные общественно-политические дискуссии, включает их в более широкий исторический и более глубокий – философский – контекст: *«Воистину, нам "Русь была не словом спора" ... Но споров-то этих – Боже мой, сколько их было. И по сей день не услышал ещё ни одной темы, которую мы в 1960-х не пропустили бы сквозь строй суждений ...*

*И, безусловно, главной темой определения был "русский коммунизм". Проблема формулировалась приблизительно так: "русский коммунизм" ("большевизм") – это "явление русского духа" (по **Бердяеву** и по Куняеву тоже) или только состояние его?»*[2]

Я субъекта познания и повествования – зрелого человека, состоявшегося писателя Л. Бородина – проявляется в критическом осмыслении философской концепции Н. Бердяева: *«Озабоченный этой темой Н. Бердяев тоже впадал в противоречие, утверждая, что «большевизм» должен быть изжит изнутри русским народом. Простое изживание, повторюсь, возможно только для состояния, но не явления. Это противоречие он пытался разрешить в своём курсе берлинских лекций под общим названием "Соборность во Христе и товарищество в Антихристе". Но, как мне показалось, ещё больше запутался в доводах и обобщениях.*

Нам было бы куда проще, не погружаясь в проблему, принять вторую посылку – о "состоянии" – и зачислить себя в передовой полк "изживания", но, как уже сказал, ставкой то была жизнь, ни больше ни меньше...».[3]

Таким образом, творчество Н. Бердяева, явившееся в своё время толчком в развитии самосознания и творческого потенциала личности автора, на всю жизнь остаётся одной из значимых составляющих мировоззрения писателя Л. Бородина.

Заключение

Описывая советскую действительность, годы перестройки, Л. Бородин в автобиографическом повествовании «Без выбора» стремится сосредоточить свой взгляд на значимых явлениях духовной культуры, именах выдающихся деятелей, памятниках общественно-исторической мысли эпохи, без которых эпоха, их породившая, во всей глубине и объективности понята быть не может.

Интерпретационный смысловой потенциал концептуально значимых языковых единиц в структуре предложения и текста формируется широким контекстом – не

[1] Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 502.

[2] Там же. С. 368.

[3] Там же.

только горизонтальным, но и вертикальным. Используемые автором прецедентное имя *Н. Бердяева* и прецедентный текст *Н. Бердяева* – книга «Самопознание: опыт философской автобиографии» – вводят в мемуарный текст Л. Бородина информацию, коррелирующую с характеристиками языковой личности автора, относящимися к её аксиологическому и когнитивно-профессиональному уровням.

Посредством используемых прецедентных феноменов автор организует коммуникативное взаимодействие с читателем. Метафорическое и метонимическое употребление прецедентного имени *Н. Бердяева* актуализирует механизмы множественной интерпретации языкового знака. Языковыми средствами включения интерпретационного механизма являются специальные маркёры: графический (употребление строчной буквы), пунктуационный (использование кавычек), словообразовательный, определительный.

Фрагментарно представленный в произведении Л. Бородина прецедентный мир *Н. Бердяева* отражает процесс духовного роста автора, его мировоззренческие искания и, прежде всего, духовную потребность в интеграции достижений русской культуры в период национально-культурного возрождения России в начале XXI в.

Статья поступила в редакцию 21.10.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост. Г. К. Косиков. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
3. Козловская Н. В. Язык русской религиозной философии: от текста к термину и от термина к тексту. СПб.: Своё издательство, 2018. 462 с.
4. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / пер. Э. А. Орловой. М.: Академический проект, 2015. 285 с.
5. Леденёва В. В. Прецедентное имя Святого князя Владимира в концептуальном пространстве текстов Н. С. Лескова [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy (дата обращения: 03.10.2022).
6. Нахимова Е. А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 41–46.
7. Орлова О. В., Кабанков А. И. Динамика прецедентного мира творческой личности в дискурсе новых медиа: постановка проблемы // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 182–187.
8. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2019. С. 23–35.
9. Топоров В. Н. Заметки по реконструкции текстов // Исследования по структуре текстов. М.: Наука, 1987. С. 99–132.
10. Федорченко Е. А. Когнитивные доминанты идиостиля и их жанрообразующие функции в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 56–67.
11. Walther-Jochum R. Autobiographie theorie in der Postmoderne: Subjektivität in Texten von Johann Wolfgang von Goethe, Thomas Bernhard, Joseph Winkler, Thomas Glavinic und Paul Auster. Bielefeld: Transcript Verlag, 2016. 356 s.

REFERENCES

1. Bart R. Selected Works: Semiotics: Poetics (Rus. ed.: Kosikov G. K., comp. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika*. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p.).
2. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality.]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 263 p.
3. Kozlovskaya N. V. *Yazyk russkoi religioznoi filosofii: ot teksta k terminu i ot termina k tekstu* [The Language of Russian Religious Philosophy: From Text to Term and from Term to Text]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2018. 462 p.
4. Kristeva Yu. Recherches pour une semanalyse (Rus. ed.: Orlova E. A., transl. *Semiotika: Issledovaniya po semanalizu*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015. 285 p.).

5. Ledeneva V. V. [The Precedent Name of the Holy Prince Vladimir in the Conceptual Space of Texts by N. S. Leskov]. In: *Yazyk i tekst* [Language and Text], 2015, vol. 2, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy (accessed: 03.10.2022).
6. Nakhimova E. A. [On the Classification and Differentiation of Types of Precedent Phenomena in Political Communication]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2018, no. 1, pp. 41–46.
7. Orlova O. V., Kabankov A. I. [Dynamics of the Precedent World of a Creative Personality in the Discourse of New Media: Problem Statement]. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2015, no. 4, pp. 182–187.
8. Radbil' T. B. [Faith as the Basis of World Perception and Understanding of the World in the Russian Language Picture of the World]. In: *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya. Logicheskii analiz yazyka. Ponyatie very v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Linguistic and Cultural Studies. Logical Analysis of Language. The Concept of Faith in Different Languages and Cultures]. Moscow, Gnozis Publ., 2019, pp. 23–35.
9. Toporov V. N. [Notes on the Reconstruction of Texts]. In: *Issledovaniya po strukture tekstov* [Research on the Structure of Texts]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 99–132.
10. Fedorchenko E. A. [Cognitive Dominants of Idiostyle and Their Genre-Forming Functions in L. Borodin's Autobiographical Narrative "Without Choice"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2021, no. 5, pp. 56–67.
11. Walther-Jochum R. Autobiographie theorie in der Postmoderne: Subjektivität in Texten von Johann Wolfgang von Goethe, Thomas Bernhard, Joseph Winkler, Thomas Glavinic und Paul Auster. Bielefeld, Transcript Verlag, 2016. 356 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федорченко Евгения Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии;
e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Fedorchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Humanities, Russian Customs Academy;
e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федорченко Е. А. О прецедентном имени Н. Бердяева в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 67–76.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-67-76

FOR CITATION

Fedorchenko E. A. The Precedent Name *N. Berdyaev* in L. Borodin's Autobiographical Narrative "Without Choice". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology,* 2023, no. 1, pp. 67–76.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-67-76

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-311.6
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-77-86

ТВОРЧЕСТВО К. ВОННЕГУТА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИЧНОЙ ТРАВМЫ

Беляева В. Е., Стрельцова Г. В.
Московский городской педагогический университет
129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Изучив особенности поэтики романов К. Воннегута с позиции травмы как особого смыслового поля в современном литературоведении, предложить новую трактовку творчества американского писателя.
Процедура и методы. В основу исследования положены биографический метод, изучение теоретических наработок о травме как особой психологической категории, а также комплексный литературоведческий анализ произведений К. Воннегута.
Результаты. Доказана возможность рассмотрения творческого наследия К. Воннегута с позиции личной травмы писателя, что значительно расширяет возможности изучения и интерпретации романного творчества данного автора.
Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы на практических занятиях по зарубежной литературе в вузе, а также в элективных курсах, сочетающих в себе материалы по психологии и литературоведческий анализ.

Ключевые слова: бомбардировка, Воннегут, дети, Дрезден, интертекст, невинность, остранение, память, постмодернизм, травма

K. VONNEGUT AND HIS WORKS AS A REFLECTION OF PERSONAL TRAUMA

V. Belyaeva, G. Streltsova
Moscow City Pedagogical University
proezd Vtoroi Selskokhozyaistvennyi 4–1, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract
Aim. By studying the poetic features of K. Vonnegut's novels from the position of trauma as a special semantic field in modern literary criticism, we propose a new interpretation of the work of the American writer.
Methodology. The research is based on the biographical method, the findings of trauma studies in literary theory and the holistic literary analysis of Vonnegut's novels.
Results. The results of the research show that it is possible to integrate the findings of trauma studies in literary theory into the research of K. Vonnegut's novels. The trauma theory serves as another lens through which the interpretation and understanding the author's literary universe is possible.
Research implications. The results of the research can be used in the practical classes focused on K. Vonnegut's works and university elective courses blending trauma studies in psychology and in literature.

Keywords: bombardment, Vonnegut, children, Dresden, intertext, innocence, estrangement, memory, postmodernism, trauma

© CC BY Беляева В. Е., Стрельцова Г. В., 2023.

Введение

Ключевым моментом биографии К. Воннегута является его пребывание в Дрездене в качестве военнопленного во время бомбёжки 1945 г. Пережитый экзистенциальный опыт наложил отпечаток на всё творчество американского писателя. В связи с этим в работе будет разрабатываться гипотеза о том, что личная травма, перенесённая автором во время его участия в военных действиях второй мировой войны, станет эмоционально-идеологической канвой всего его творчества. Более того, Воннегут будет не только в состоянии повествовать о своей травме, типизируя её как групповую травму своего поколения, – его произведения будут буквально выполнять терапевтическую функцию преодоления травмы для переживших подобную трагедию, а также дидактическую: воспитания антивоенного настроя в обществе.

Оригинальные по форме и содержанию произведения Воннегута всегда представлялись неоднозначными с точки зрения причисления их к определённому направлению или жанру. Теоретики литературы середины и конца XX в. каталогизировали его романы в качестве произведений литературы абсурдизма (М. Шульц, Р. Скоулз, Ч. Харрис), постэкзистенциализма (Дж. Кеннард), социальной сатиры (П. Рид, С. Шатт, Дж. Лундквист), апокалиптического романа (П. Рид), новейшего постмодернизма (Дж. Клинковиц, Дж. Беллами, Р. Федерман), реализма (С. Финкелстайн, Дж. Гарднер, М. О. Мендельсон, А. М. Зверев, В. В. Дмитрук), антиутопии (К. А. Шперлин) [3; 5; 13].

Литературоведение начала XXI в., как правило, рассматривает произведения Воннегута в рамках теоретической системы постмодернизма [1; 8; 9; 12]. В данной работе, воспользовавшись мыслью отечественного теоретика постмодернизма И. П. Ильина: «Воннегут при всей близости своего письма стилистике постмодернизма в своих произведениях явно выходит за пределы его мировоззренческой эпистемы» [6, с. 167], – предпримем попытку преодолеть устоявшийся стереотип исследования воннегутовского наследия.

Современные тенденции литературоведческой науки позволяют применить новые аналитические стратегии к корпусу классических произведений Воннегута. Так, теория травмы в литературе как сравнительно молодое и многообещающее направление (начиная с работ К. Карут, Д. Ла Капры и др., в России представлена специалистами М. Липовецким, С. Ушакиным, Е. Трубиной, О. Мороз) напрямую коррелирует с творческим наследием Воннегута. То, что ранее рассматривалось в рамках эстетики постмодернизма: эклектичность образов, фрагментированное повествование, осцилляция напряжения сюжета, знаменитые эксперименты с пространством и временем, ирония и богатая смыслами интертекстуальность – в современном состоянии литературоведческой науки может в полной мере служить обоснованием иного подхода к изучению своеобразного авторского метода: с позиций теории травмы.

Специфика повествовательной парадигмы романов К. Воннегута

Диссонанс сугубо примитивной формы по отношению к широкому плану содержания произведения – отличительная особенность прозы Воннегута. Эта особенность становится камнем преткновения для определения принадлежности творчества знаменитого американца к специфическому жанру и даже направлению. Однако именно теория травмы снимает накопившиеся противоречия.

О невозможности / сложности вербализации травматического опыта в медицинской науке и гуманитарных дисциплинах собрано уже внушительное количество материала (К. Карут, Д. Ла Капра, Ш. Фелман и др.). Художественная литература за послевоенные десятилетия также в полной мере разработала и воссоздала тип сознания персонажа, скованного кандалами немоты (У. Стайрон, К. Исигуро, Дж. С. Фоер, Э. Тэн и др.). Воннегут же в

этом отношении придерживается противоположной стратегии. Его персонажи, страдая посттравматическим синдромом, в полной мере наделены вербальными возможностями, чтобы донести до читателя сущность и масштаб трагедии военного времени.

Там, где, по мнению Воннегута, слов оказывается недостаточно, в повествование включается авторский рисунок. Роман «Завтрак для чемпионов» (*Breakfast of Champions*, 1973) изобилует иллюстративным материалом в наивно-минималистическом стиле. Помимо химии и физики Воннегут изучал в университете антропологию и, безусловно, осознавал силу воздействия простейших образов на сознание человека. Американский обыватель мог не представлять, как выглядел снаряд, сброшенный во времена бомбёжки Гамбурга в Германии, а Воннегут предоставлял ему возможность «увидеть» несущее смерть устройство. Эффект, производимый подобными рисунками, ощущается на разных планах осмысления текста. В некотором смысле Воннегут применяет методику лечения посредством рисунка, с середины XX в. завоевавшую популярность в медицинской практике. Исследователь М. А. Данилова указывает на практически безграничные возможности работы с рисунком в арт-терапии за счёт его метафоричности: «Механизм символизации даёт возможность выражать аффективные реакции и негативные переживания посредством символических форм» [4, с. 33]. Таким образом Воннегут визуализирует и даже материализует определённые символы, которые тревожат его сознание. Обращение к этим символам читателя и исследователя, безусловно, углубляет понимание идейного плана его романов.

Знаменитая публицистическая стилистика произведений Воннегута напрямую связана с одной из распространённых методик исцеления травмы – проговаривания травматического опыта: герой-рассказчик или главный персонаж часто принимает на себя мессианскую роль и, взойдя на высокую трибуну очевидца событий, разъясняет моральный посыл произведения читателю. В «Завтраке для чемпионов», например, Воннегут формулирует определяющий принцип построения нарратива о войне в своих романах: «Гарри Лесабр имел право разговаривать про бои. Он сам побывал в бою, на войне»[1], – персонаж, повествующий о войне, обязан быть очевидцем, непосредственным участником военных действий. Таким же образом в «Бойне номер пять» (*Slaughterhouse-Five*, 1969) Билли Пилигрим при любой возможности готов выступить перед слушателями с откровением о пережитом на войне. Сюда же относятся притчи писателя Килгора Траута – возможного alter ego Воннегута. Признание ещё одного воннегутовского персонажа, Рабо Карабекяна, художника и участника второй мировой войны, также вливается в сонм голосов свидетелей горячих конфликтов: «Вторая мировая война сильно напоминала сбывшееся пророчество об Армагеддоне…»[2].

Являясь очевидцем дрезденской трагедии, Курт Воннегут также вменяет себе обязанность говорить. Более того, включение «живого» авторского слова в ткань произведения оказывает наиболее острое воздействие на читателя. Подобное включение авторского голоса в текст произведения традиционно рассматривалось в литературоведении как феномен метатекста. Однако в контексте теории травмы такому методу находится иное объяснение. Включение авторских реплик, объяснений, даже дискуссий автора со своими персонажами производит эффект мгновенного перехода из мира художественного в мир реальный. Такое переключение реальностей родственно понятию «стоп-кадра», о котором писал в своей работе по исследованию феномена травмы Р. Д. Столороу: «Опыт травмы становится стоп-кадром в бесконечном настоящем, в ловушке которого человек остаётся навсегда или к которому он обречён постоянно возвращаться

[1] Воннегут К. Завтрак для чемпионов / пер. Р. Я. Райт-Ковалевой. М.: АСТ, 2019. С. 47.

[2] Воннегут К. Синяя борода / пер. Л. С. Дубинской. М.: АСТ, 2019. С. 24.

через "порталы", поставляемые ударами судьбы… Временная протяжённость разрушается, прошлое становится настоящим, а будущее теряет всякий смысл, за исключением одного: постоянного повторения ... Поскольку травма так глубоко меняет универсальную структуру темпоральности, травмированная личность… в буквальном смысле живёт в другой реальности, и её эмпирический мир несоизмерим с миром всех остальных…» [11, с. 51]. Возможно, именно поэтому Воннегут сам ассоциативно (а для читателя болезненно-произвольно) переключается с одной плоскости реальности на другую, одновременно наделяя своих травмированных персонажей похожим типом восприятия окружающего их мира (или миров). Подтверждение данной мысли находим и в статье Е. В. Абраменко, Ю. В. Тарасовой и Е. А. Чередниковой: «Опыт (пережитой бомбардировки. – *Б. В., С. Г.*) даёт о себе знать спустя многие годы после окончания войны, бесперебойно проявляется в реальной и виртуальной жизни Билли, оказываясь прямым следствием имплицитной памяти героя…» [2, с. 200].

Подобное понимание функционирования травмы на физиологическом уровне также задаёт вектор понимания художественных экспериментов с пространством и временем у Воннегута. Искажённая пространственно-временная парадигма произведений и фрагментация повествования, на первый взгляд, соответствует технике конструирования постмодерновых идиосинкратических повествований, однако такая особенность поэтики произведения у Воннегута буквально «кричит» о пережитой травме. Более того, – склонность автора к большим драматическим («апокалиптическим») сюжетам, в которых уничтожается всё человечество, скорее всего, также является следствием тяжёлых личностных переживаний во время трагедии в Дрездене. Эталонным примером может служить следующая цитата из романа «Бойня номер пять»: «Дрезден превратился в сплошное пожарище. Пламя пожирало всё живое и вообще всё, что могло гореть»[1]. Сюжет бомбардировки Дрездена проступает и в романе «Дай Вам Бог здоровья, мистер Розуотер» (1965), где Элиот Розуотер компульсивно перечитывает книгу «Бомбардировка Германии» с «окаменевшим лицом, с мокрыми от пота ладонями»[2].

С неумолимой частотностью в воннегутовских сюжетах просматривается мотив неприступного укрытия (бункера, например), в которое будут помещены главные герои, изолированные от внешней агрессивной среды. Именно так пережил бомбёжку Дрездена и сам Воннегут со своими боевыми товарищами. Топос изолированного пространства присутствует в романах «Сирены Титана» (*The Sirens of Titan,* 1959), «Матерь Тьма» (*Mother Night,*1962), «Колыбель для кошки» (*Cat's Cradle,* 1963), «Бойня номер пять», «Галапагосы» (*Galapagos,* 1985), «Времетрясение» (*Timequake,* 1997).

Изоляция, отделение, отчуждение – постоянные элементы поэтики произведений Воннегута. Человек, несущий в себе воспоминание о травме, ощущается социумом как «другой», непохожий, имеющий некий изъян, что роднит его в общественном сознании с сумасшедшими или юродивыми [11, с. 41]. Такую печать инаковости несут многие герои Воннегута: Дядёк, Билли Пилигрим, Килгор Траут, Элиот Розуотер, Мэри Кэтлин О'Луни, Рабо Карабекян, Юджин Дебс Хартке, Эд Бержерон и др.

В «Бойне номер пять» читателю сообщается, что через некоторое время после войны Билли Пилигрим проходил лечение в психиатрической клинике, и факт наличия душевной болезни объяснялся врачами с популярной в Америке позиции фрейдизма: в детстве отец бросил мальчика в глубокий бассейн, чтобы научить его плавать, а ещё он подвёл сына слишком близко к краю Большого Каньона. При этом Воннегут саркастически замечает, что доктора и не думали, что душевная

[1] Воннегут К. Бойня № 5 / пер. Р. Я. Райт-Ковалевой. М.: АСТ, 2022. С. 185.

[2] Воннегут К. Дай Вам Бог здоровья, мистер Розуотер / пер. Р. Я. Райт-Ковалевой. М.: АСТ, 2017. С. 234.

болезнь может быть связана с пережитым на войне. Примеры, подобные этому, – регулярное явление у Воннегута. Как видим, Воннегут решает проблему сумасшествия скорее в фуколдианском, а не во фрейдистском ключе: социум «назначает» того, кого следует считать умалишёнными в данное конкретное историческое время. Таким образом, сумасшедшими объявлялись ветераны американских войн, которые имели неосторожность заговорить о пережитом, привлекая внимание обывателей к проблеме американских военных конфликтов.

Мотив детства и его связь с травмой у К. Воннегута

Р. Д. Столороу, осмысливая идеи Хайдеггера, предлагает вниманию исследователей ещё одно своё озарение: состояние травмированности характеризуется «катастрофической *потерей невинности* (курсив наш. – *Б. В., С. Г.*), ведущей к перманентной смене ощущения бытия-в-мире» [11, с. 43]. Эта гипотеза находит прямое подтверждение в произведениях Воннегута, который в одном из интервью связал «невинность» (“innocence”) учёных с нежеланием знать, какие последствия могут иметь их изобретения или открытия («Таков закон жизни: если твоё изобретение подойдёт для совершения насилия, для насилия его и будут использовать» (перевод наш. – *Б. В., С. Г.)* [14, p. 97]).

Метафорически «потеря невинности» у Воннегута соответствует понятию насильственного обрывания времени детства, преждевременного трагического взросления человека. Детские образы и мотив юности (который является сквозным для творчества этого писателя) всегда связаны с некими травмирующими событиями, которые словно выдёргивают персонажа из состояния наивной «невинности» и помещают его в новую реальность, требующую «взрослого», экзистенциального осмысления. В статье исследователя-американиста Е. А. Стеценко дано ёмкое определение места детских образов в творчестве К. Воннегута: «Сам автор и его протагонисты позиционируют себя как неповзрослевших людей, сохранивших детскую непосредственность, ребячество и игривость и демонстрирующих нежелание принимать ханжеские нормы, условности и ложь современного социума» [10, с. 409].

В «Бойне номер пять» мотив детства проявлен объёмно и уже стал предметом исследования многих работ [7; 10], поэтому следует обратиться к другим романам автора. Главные герои «Колыбели для кошки» (*Cat's Cradle* 1963) – дети равнодушного учёного, придумавшего способ практически мгновенно уничтожить жизнь на земле. Один из любимых персонажей Воннегута – Элиот Розуотер – живёт под маской вечного подростка. Можно вспомнить также четырнадцатилетнюю девушку, забеременевшую от своего отчима («Дай Вам Бог здоровья, Мистер Розуотер»); девочку, отец которой заставляет её ежедневно тренироваться не менее четырёх часов в бассейне во имя олимпийских результатов («Завтрак для чемпионов»). В романе «Малый не промах» (*Deadeye Dick,* 1982) также главный персонаж – подросток, совершивший убийство вследствие стечения трагических обстоятельств. Подростком является и Уолтер Старбек, который играет в шахматы с капиталистом-убийцей, чтобы заработать себе возможность учиться в Гарварде («Рецидивист» / *Jailbird,* 1979) – всё это дети, которые прошли преждевременную болезненную инициацию во взрослую жизнь и были травмированы этим опытом. В «Сиренах Титана» именно ребёнку удаётся найти недостающий элемент для межгалактического летательного аппарата, который смог помочь землянам получить послание от далёкой инопланетной цивилизации. Даже Билли Пилигрим из «Бойни номер пять», по словам своей дочери, «ведёт себя как ребёнок». (Дочь Барбара говорит Билли: «Если ты будешь вести себя как ребёнок, нам и обращаться с тобой придётся как с маленьким»[1]).

Мотив детства, будучи тесно связанным с идеей потери невинности, развивается

[1] Воннегут К. Бойня № 5 / пер. Р. Я. Райт-Ковалевой. М.: АСТ, 2022. С. 139.

Воннегутом в трагическом ключе крушения иллюзий. Автор показывает, что обыватель, которого не коснулась рука войны, живёт в мире «наивных иллюзий» (эпитет Столороу), которые помогают представить мир стабильным и предсказуемым. Именно эти иллюзии отсутствуют у участников травмирующих событий войны. Отсюда берутся люди «потерянного поколения» после первой мировой войны или ветераны, пережившие ужасы второй и вернувшиеся на родину с навсегда изменённым сознанием. Такие люди не находят общего языка с теми, кто не переживал схожий травмирующий опыт, но ищут эмоциональную поддержку и духовную опору в общении с себе подобными. Воннегут в своём романе «Колыбель для кошки» вводит понятие «люди одного *карасса*» (ориг. karass)[1], обозначая этим окказионализмом персонажей, которые понимают друг друга практически без слов и объединены родством душ и возвышенной божественной целью. Билли Пилигрим таким образом духовно и сюжетно тождественен самому Воннегуту, который по собственному признанию в начале романа обзванивает своих однополчан уже в мирное время, чтобы вместе «помолчать» о пережитом. В «Бойне номер пять» мотив звонка с молчанием на другой стороне провода сначала интригует читателя, а затем обволакивает его дымкой печали, словно «горчичным газом и розами» (“mustard gas and roses”)[2]. Этот же «сладковато-горький» запах тления встретится у Воннегута и в «Завтраке для чемпионов» (“bittersweet mulch of rotting Elms”)[3]. Именно таким представлялся Воннегуту запах Смерти, который окутывал сожжённые дотла улицы некогда прекрасного города. Во многих своих интервью на вопрос о бомбёжке Дрездена Воннегут уклончиво отвечает, его память стёрла воспоминания о самом процессе разрушения города, однако он охотно делится памятными образами «зачистки» города от тысяч погибших, замурованных в домах и колодцах [14, p. 173].

Приём остранения как ведущий симптом травмы в романах К. Воннегута

Изменённое сознание персонажа особым способом преломляет действительность, и Воннегуту блестяще удаётся передать специфическую образность этого преломления, показать визуальный механизм действия травмы. Для этого используется то, что В. Б. Шкловский назвал приёмом «остранения». По Шкловскому, «остранение» обладает следующим потенциалом: увеличивать «трудность и долготу восприятия» предмета, выведение восприятия объекта из «автоматизма», из привычного контекста, создание посредством этой техники «виденья», а не «узнавания» [13, с. 13].

Использование приёма остранения является одним из излюбленных элементов творчества Воннегута. С точки зрения механизма реализации приёма остранения можно рассматривать и авторскую иронию.

Приведённые ниже примеры из романов Воннегута иллюстрируют частотность применения остранения: «Вьетнамом называлась такая страна, где Америка старалась отучить людей от коммунизма путём сбрасывания на них всякой пакости с самолётов. Те химикалии … должны были изничтожить листву на деревьях, чтобы коммунистам некуда было прятаться от самолётов…»[4]. В романе «Фокус-Покус» (*Hocus Pocus,* 1990) главный герой Юджин Дебс Хартке описывает распределительный центр останков участников военной операции во Вьетнаме следующим образом: «Вспомнилось мне, как погибшие американские солдаты – по большей части тинейджеры – дожидались погрузки, упакованные, снабжённые этикетками и адресованные в разные места…»[5]. В «Сиренах

[1] Vonnegut K. Cat's Cradle. Westminster: Penguin Essentials, 2011. P. 2.

[2] Vonnegut K. Slaughterhouse-Five. New York: Dell Publishing, 1991. P. 4, 73.

[3] Vonnegut K. Breakfast of Champions. New York: Vintage, 2019. P. 31.

[4] Воннегут К. Завтрак для чемпионов / пер. Р. Я. Райт-Ковалевой. М.: АСТ, 2019. С. 86.

[5] Воннегут К. Фокус-Покус / пер. М. Н. Ковалевой. М.: АСТ, 2021. С. 37.

Титана» Воннегут оригинально формулирует принцип классового объединения человечества: «Класс … – большая семья, где все свободные концы подтягивают к крепкому ядру кровного родства, аккуратно наматывают на общий клубок посредством родственных браков»[1].

Остранение для Воннегута является и особым способом формирования отношения к беспокоящим его и трудно осмысляемым явлениям реальности, таким, как предрасположенность людей к совершению безнравственных поступков. Воннегут, используя в своих произведениях приём иронии, ставит под сомнение популярное в конце XX в. мнение о всецелом подчинении поведения человека внутренним химическим реакциям организма, поскольку такое понимание человеческой сущности приравнивает потомков Адама к запрограммированным роботам, у которых отсутствует свобода воли. («Вредные вещества в организме Двейна заставили его выхватить из-под подушки заряженный револьвер тридцать восьмого калибра и сунуть его себе в рот»[2]).

Частным лингвистическим случаем остранения можно считать использование приёма создания перифраз – излюбленного средства выразительности у Воннегута. Так, в романе «Малый не промах» убийство, смерть описывается как «закрытие [смотрового] глазка»[3] (ориг. “peephole”) [7, с. 82], в романе «Завтрак для чемпионов» «пробить дырки» замещает глагол «убить из огнестрельного оружия» (ориг. “to put holes”)[4]; Вторая мировая война в романе «Времетрясение» нарекается «второй неудачной попыткой западной цивилизации покончить с собой»[5], в романе «Фокус-Покус» планета Земля называется «некогда благодатным зелёно-голубым небесным телом»[6].

Сквозной мотив наблюдения со стороны (физическое воплощение приёма остранения), часто встречающийся в романах Воннегута, также имеет свои корни в травмирующей ситуации военного времени, которую пришлось пережить писателю. В одном из интервью Воннегут вспоминает, как его и пятерых его товарищей из разведотряда взяли в плен немцы. Американцы были застигнуты врасплох и не видели врага. В то же время противник наблюдал за ними и общался с ними по громкоговорителю. Американцы даже не смогли произвести ни одного выстрела, – не знали, куда стрелять [14, p. 171]. Возможно, этот эпизод биографии писателя и породил сюжетный элемент, включающий образ персонажа, запертого в клетке и находящегося под пристальным вниманием враждебных или безучастных наблюдателей.

Так, в романе «Малый не промах» несовершеннолетний Руди Вальц после непреднамеренного убийства человека попадает в тюрьму и его выставляют на всеобщее обозрение разъярённых жителей городка. В «Бойне номер пять» за Билли Пилигримом наблюдают тральфамадорцы. В «Сиренах Титана» возникает образ сверхъестественного глаза, который будто бы наблюдает за землянами[7]. Подобный эффект «наблюдателя», эффект «зеркала» у Воннегута был замечен ещё А. М. Зверевым[8].

Эффект остранения достигается и за счёт включения в произведение персонажей, представляющих иную национальность или даже иную цивилизацию. Им Воннегут также даёт право голоса и возможность оценить сомнительные достижения американской псевдодемократии. Так, в романе «Механическое пианино» (*Player Piano,* 1952) присутствует заокеанский гость, Шах Братхпура, представляющий

[1] Воннегут К. Сирены Титана / пер. М. Н. Ковалевой. М.: АСТ, 2021. С. 28.

[2] Воннегут К. Завтрак для чемпионов / пер. Р. Я. Райт-Ковалевой. М.: АСТ, 2019. С. 55.

[3] Воннегут К. Малый не промах / пер. М. Н. Ковалевой, Р. Я. Райт-Ковалевой. М.: АСТ, 2019. С. 82.

[4] Воннегут К. Завтрак для чемпионов / пер. Р. Я. Райт-Ковалевой. М.: АСТ, 2019. С. 56.

[5] Воннегут К. Времетрясение / пер. Т. Ю. Покадаева. М.: АСТ, 2019. С. 73.

[6] Воннегут К. Фокус-Покус / пер. М. Н. Ковалевой. М.: АСТ, 2021. С. 144.

[7] Воннегут К. Сирены Титана. М.: Издательство АСТ, 2021. С. 49, 81.

[8] Зверев А. М. Динамическое напряжение / Воннегут К. Сирены титана: сборник романов; вступ. ст. А. М. Зверев. М.: Терра Книжный клуб, 1993. С. 4.

стереотипизированную восточную страну с традиционным социально-экономическим укладом. Его глазами все нововведения Америки моментально низводятся до простейших и весьма нелицеприятных истин – западное общество даже в утопическом будущем всё ещё делится на элиту и рабов. Похожий сюжет ожидает читателя в романе «Фокус-Покус». В «Колыбели для кошки» западной цивилизации даётся оценка через образы жителей Сан-Лоренцо, страны третьего мира. Землян в «Бойне номер пять», конечно же, оценивают инопланетяне тральфамадорцы.

Заключение

Пристальное рассмотрение творчества К. Воннегута подтверждает гипотезу о том, что душевная травма, полученная писателем во время второй мировой войны, становится основой поэтики его произведений. Мотив травмированного сознания Курта Воннегута выступает как смысло- и формообразующий в его произведениях. В соответствии с этим следует оценивать особую стилистику его романов не как признак отнесённости к постмодерновой модальности, а напротив, – как следствие перенесённой писателем военной экзистенциальной травмы, которую он, пользуясь доступными ему способами творческой сублимации, пытается искоренить. Одновременно Воннегут помогает и другим пострадавшим преодолеть последствия травмирующего военного опыта, насыщая свои произведения терапевтическими смыслами возрождения души через созидательную послевоенную активность.

Статья поступила в редакцию 02.12.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменко Е. В. Научно-фантастический текст в аспекте постмодернистских категорий фрагментарности и деконструкции // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4. С. 76–84.
2. Абраменко Е. В., Тарасова Ю. В., Чередникова Е. А. Путешествие во времени как следствие травматических воспоминаний героя (на материале романа К. Воннегута «Бойня номер пять») // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 199–202.
3. Алякринский О. Курт Воннегут – с разных точек зрения [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 1982. № 4. URL: https://voplit.ru/article/kurt-vonnegut-s-raznyh-tochek-zreniya (дата обращения: 16.11.2022).
4. Данилова М. А. Специфика применения арт-терапевтических техник в работе с посттравматическими стрессовыми расстройствами // Учёные записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2018. № 1 (11). С. 29–35.
5. Дмитрук В. В. Творчество К. Воннегута: социально-критические тенденции, жанр, поэтика: дис. … канд. филол. наук. Киев, 1984. 202 с.
6. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.
7. Логвинова И. В. Дети на войне (К. Воннегут «Бойня номер пять») // Мировая словесность для детей и о детях: материалы XXIV Международной научно-практической конференции, Москва, 26–27 июня 2018 г. М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 85–88.
8. Поляков О. Ю. Постмодернистская поэтика в романе Курта Воннегута «Времетрясение» // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019): сборник статей XIX Всероссийской научно-практической конференции. Киров, 01–26 апреля 2019 г.: в 4 т. Т. 3. Киров: Вятский государственный университет, 2019. С. 846–853.
9. Савинич С. С. Смысл, или Игра в смысл. Проблемы интерпретации произведений американских авторов эпохи постмодернизма // Иностранные языки в высшей школе. 2019. № 3 (50). С. 64–70.
10. Стеценко Е. А. Концепт детскости в литературе США // Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 386–412.
11. Столороу Р. Д. Травма и человеческое существование / пер. Л. А. Длужневской, И. Г. Длужневского. М.: Когито-Центр, 2016. 120 с.

12. Филистова Н. Ю. Вербальная репрезентация концепта “TIME” в литературе постмодернизма (на материале романа Курта Воннегута “Slaughterhouse-Five”) // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (45). С. 131–137.
13. Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 265 с.
14. Allen W. R. Conversations with Kurt Vonnegut. Jackson: Mississippi University Press, 1988. 334 p.

REFERENCES

1. Abramenko E. V. [Science Fiction Text in the Aspect of Postmodern Categories of Fragmentation and Deconstruction]. In: *Gumanitarnye i social'nye nauki* [Humanitarian and Social Sciences], 2019, no. 4, pp. 76–84.
2. Abramenko E. V., Tarasova Yu. V., Cherednikova E. A. [Time Travel as a Consequence of the Hero's Traumatic Memories (Based on the Novel “Slaughterhouse-Five” by K. Vonnegut)]. In: *Baltiiskii gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2019, vol. 8, no. 4 (29), pp. 199–202.
3. Alyakrinsky O. [Kurt Vonnegut from Different Points of View]. In: *Voprosy literatury* [Problems of Literature], 1982, no. 4. Available at: https://voplit.ru/article/kurt-vonnegut-s-raznyh-tochek-zreniya (accessed: 16.11.2022).
4. Danilova M. A. [The Specifics of the Use of Art-Therapeutic Techniques in Working with Post-Traumatic Stress Disorders]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya* [Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. Series: Pedagogy. Psychology], 2018, no. 1 (11), pp. 29–35.
5. Dmitruk V. V. *Tvorchestvo K. Vonneguta: sotsial'no-kriticheskie tendentsii, zhanr, poetika: dis. … kand. filol. nauk* [Creativity of K. Vonnegut: Social and Critical Tendencies, Genre, Poetics: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Kiev, 1984. 202 p.
6. Il'in I. P. *Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa* [Postmodernism from Its Origins to the End of the Century: the Evolution of Scientific Myth]. Moscow, Intrada Publ., 1998. 255 p.
7. Logvinova I. V. [Children at War (K. Vonnegut “Slaughterhouse-Five”)]. In: *Mirovaya slovesnost' dlya detei i o detyakh: materialy XXIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 26–27 iyunya 2018 g.* [World Literature for Children and about Children: Materials of the XXIV International Scientific and Practical Conference, Moscow, June 26–27, 2018]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2019, pp. 85–88.
8. Polyakov O. Yu. [Postmodern Poetics in Kurt Vonnegut's Novel “Timequake”]. In: *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2019): sbornik statei XIX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kirov, 01–26 aprelya 2019 g. T. 3* [Society. The Science. Innovations (NPK-2019): Collection of Articles of the XIX All-Russian Scientific and Practical Conference. Kirov, April 01–26, 2019. Vol. 3]. Kirov, Vyatka State University Publ., 2019, pp. 846–853.
9. Savinich S. S. [Meaning, or the Game of Meaning. Problems of Interpretation of the Works of American Authors of the Era of Postmodernism]. In: *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Higher Education], 2019, no. 3 (50), pp. 64–70.
10. Stetsenko E. A. [The Concept of Childishness in US Literature]. In: *Literatura dvukh Amerik* [Literature of Two Americas], 2017, no. 2, pp. 386–412.
11. Stolorow R. D. Trauma and Human Existence. Autobiographical, Psychoanalytic and Philosophical Reflections (Rus. ed.: Dluzhnevskaya L. A., Dluzhnevsky I. G., transls. *Travma i chelovecheskoe sushchestvovanie*. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2016. 120 p.).
12. Filistova N. Yu. [Verbal Representation of the Concept of “TIME” in the Literature of Postmodernism (Based on Kurt Vonnegut's Novel “Slaughterhouse-Five”)]. In: *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical University], 2020, no. 1 (45), pp. 131–137.
13. Shklovsky V. B. *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow, Federaciya Publ., 1929. 265 p.
14. Allen W. R. Conversations with Kurt Vonnegut. Jackson, Mississippi University Press, 1988. 334 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляева Вера Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;
e-mail: belyaevave@mgpu.ru

Стрельцова Галина Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;
e-mail: streltsovagv@mgpu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vera E. Belyaeva – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Foreign Philology, Moscow City University;

Galina V. Streltsova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Foreign Philology, Moscow City University

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беляева В. Е., Стрельцова Г. В. Творчество К. Воннегута как отражение личной травмы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 77–86.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-77-86

FOR CITATION

Belyaeva V. E., Streltsova G. V. K. Vonnegut and His Works as a Reflection of Personal Trauma. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology,* 2023, no. 1, pp. 77–86.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-77-86

УДК 1751
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-87-97

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА Н. М. КАРАМЗИНА В СТАТЬЕ «ПАНТЕОН РОССИЙСКИХ АВТОРОВ»

Джанумов С. А., Петухов А. Д.
Московский городской педагогический университет
129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Сформулировать некоторые аспекты литературно-критической концепции Н. М. Карамзина, основываясь на анализе его сочинения «Пантеон российских авторов» (1802).
Процедура и методы. Обращается внимание на то, что Карамзин использует слово «пантеон» как литературный сборник, включающий не только сочинения различных авторов, но и различных жанров. В работе на ряде примеров показано своеобразие анализа, характеристики и оценки Карамзиным литературных портретов русских писателей. При этом обнаруживается интерес автора «Пантеона…» не только к писательским биографиям, но и к индивидуальным особенностям творчества того или иного писателя. Перед нами налицо своеобразная периодизация истории русской литературы XVIII столетия, эскизно прочерченная Карамзиным. И в методологическом отношении показательно, что она почти полностью совпадает с современной периодизацией отечественной литературы XVIII в.
Результаты. Подчёркивается, что в «Пантеоне…» Карамзин выступает не только как критик, но и как историк русской литературы XVIII столетия. Несмотря на сходство в структуре словарных статей в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новикова и цикла литературных портретов в «Пантеоне российских авторов», Карамзин совершенно оригинален в отборе и подаче материала, в историко-литературной оценке рассматриваемых писателей, в критическом методе анализа, не говоря уже о субъективном и неравнодушном, часто повышенно-эмоциональном тоне очерков в отличие от нарочито бесстрастного и несколько суховатого слога словарных статей Н. И. Новикова.
Теоретическая и/или практическая значимость. В работе обобщён материал по исследуемой теме, рассмотрены основные положения и особенности цикла литературных портретов «Пантеона российских авторов» Карамзина. Но при этом уделено внимание лишь наиболее значительным писателям XVIII в. (Феофану Прокоповичу, А. Д. Кантемиру, В. К. Тредиаковскому, М. В. Ломоносову, А. П. Сумарокову), насколько это позволяли сделать рамки статьи. Анализ очерков и миниатюр «Пантеона…» помогает определить место и значение Н. М. Карамзина в истории русской литературной критики. Практическая значимость выполненного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при изучении истории русской литературы XVIII столетия в вузовских курсах, спецкурсах и спецсеминарах.

Ключевые слова: индивидуальные особенности, история литературы, литературная критика, литературный портрет, писательские биографии, творчество

IDEOLOGICAL AND AESTHETIC PROGRAM OF N. M. KARAMZIN IN THE ARTICLE “PANTHEON OF THE RUSSIAN AUTHORS”

S. Dzhanumov, A. Petukhov
Moscow City Pedagogical University
proezd Vtoroi Selskokhozyaystvennyi 4, Moscow 129226, Russian Federation

© CC BY Джанумов С. А., Петухов А. Д., 2023.

Abstract

Aim. The purpose of the study is to formulate some aspects of the literary-critical concept of N. M. Karamzin, based on the analysis of his work "Pantheon of the Russian Authors" (1802).

Methodology. Attention is drawn to the fact that Karamzin uses the word "pantheon" as a literary collection, which includes not only the works of various authors, but also of various genres. Using several examples, we show the originality of Karamzin's analysis, as well as characterization and evaluation of literary portraits of Russian writers. At the same time, the interest of the author of "Pantheon ..." is revealed not only in writers' biographies, but also in the individual characteristics of the work of this or that writer. A peculiar periodization of the history of the Russian literature of the 18th century, outlined by Karamzin, is presented. Methodologically, it is significant that it almost completely coincides with the modern periodization of the Russian literature of the 18th century.

Results. It is emphasized that in the "Pantheon ..." Karamzin acts not only as a critic, but also as a historian of the Russian literature of the 18th century. Despite the similarity in the structure of dictionary entries in the "Experience of a Historical Dictionary of the Russian Writers" (1772) by N. I. Novikov and the cycle of literary portraits in the "Pantheon of the Russian Authors", Karamzin is completely original in the selection and presentation of material, in the historical and literary assessment of the writers in question, and in the critical method of analysis, not to mention the subjective and indifferent, often highly emotional tone of the essays, in contrast to deliberately dispassionate and somewhat dry style of N. I. Novikov.

Research implications. The paper summarizes the material on the topic under study, discusses the main provisions and features of the cycle of literary portraits of Karamzin's "Pantheon of the Russian Authors". But at the same time, attention is paid only to the most significant writers of the 18th century (Feofan Prokopovich, A. D. Kantemir, V. K. Trediakovsky, M. V. Lomonosov, A. P. Sumarokov), as far as the scope of the paper allowed. Analysis of the essays and miniatures of the "Pantheon ..." helps determine the place and significance of N. M. Karamzin in the history of Russian literary criticism. The practical significance of the investigation is that its results can be used in the study of the history of the Russian literature of the 18th century in university courses, special courses, and special seminars.

Keywords: individual features, history of literature, literary criticism, literary portrait, writer's biographies, creativity

Введение

Цель исследования – сформулировать некоторые аспекты литературно-критической концепции Н. М. Карамзина**,** основываясь на анализе его сочинения «Пантеон российских авторов» (1802). Как указывает в комментарии к этому циклу литературных портретов Г. П. Макогоненко, «одним из главных источников был "Опыт исторического словаря о российских писателях" Н. Новикова, изданный в 1772 г.»[1]. В своей монографии «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века»[2] Г. П. Макогоненко отмечает, что, «собрав воедино сведения о русских писателях, и прежде всего о писателях XVIII века, Новиков смог убедительно доказать обществу, что в России есть литература, есть множество различных не только духовных, но и светских писателей» [6, с. 171].

Словарь Н. И. Новикова включал 315 имён, «Пантеон российских авторов» Карамзина – намного меньше: всего 25 имён. Да и по объёму словарные статьи Н. И. Новикова значительно превышали карамзинские. Так, например, в «Опыте исторического словаря…» статья об А. Д. Кантемире размещена на нескольких страницах, заметка же (поскольку её трудно назвать полноценной словарной статьёй) Карамзина о первом русском сатирике занимает одну страницу, что, конечно, не преуменьшает её ценности.

[1] Макогоненко Г. П. Комментарии // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории государства Российского». Л.: Художественная литература, 1984. С. 397.

[2] Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 548 с.

Структура словарных статей в «Опыте исторического словаря…» и в «Пантеоне российских авторов» почти идентична: сначала приводятся краткие биографические сведения о писателе, затем даётся сжатая характеристика его творчества. Самый отбор писателей представлял известные трудности для составителей «Опыта исторического словаря…» и «Пантеона российских авторов». В предисловии к своему словарю Н. И. Новиков сообщает: «Я старался собирать имена всех наших писателей; но при отпечатании моей книги получил я ещё о многих известие; а сие самое подаёт надежду, что и ещё многие откроются»[1]. Карамзин же в письме к И. И. Дмитриеву от 18 августа 1798 г. несколько иначе определяет цель своего сочинения: «*Пантеон* (здесь и ниже курсив Карамзина. – *С. Д., А. П.*) издаю не для Университета, а для Публики, которая не стала бы его читать, если бы в нём не было ничего, кроме Демосфена, Цицерона и других классических риторов»[2].

В данном обзоре Карамзин выступает не только как критик, но и как историк отечественной литературы. Показателен самый выбор «российских авторов», начиная от легендарного Бояна, несколько раз упомянутого в «Слове о полку Игореве», летописца Нестора и кончая писателем второй половины XVIII в. Михаилом Ивановичем Поповым (у Карамзина имя этого автора даётся в несколько просторечной форме: «Попов Михайло»). Неслучайно и то, что все эти авторы объединены в статье высоким словом «пантеон», т. е. как собрание, совокупность имён, достойных памяти потомков (у древних греков «пантеон» – храм, посвящённый всем богам). Впрочем, Карамзин иногда употреблял это слово в несколько ином значении. Например, в цитировавшемся выше письме к И. И. Дмитриеву Карамзин использует данное слово как литературный сборник, включающий сочинения не только различных авторов, но и различных жанров: «Пантеон литературы должен быть не что иное, как собрание *всякого* рода творений, и важных и неважных; следственно, тут может быть и сказка, и отрывок, и арабский анекдот; иное для слога, другое для любопытства»[3].

Поэтому не должно удивлять включение Карамзиным в «Пантеон российских авторов» наряду с именами светских писателей и таких исторических лиц, как патриарх Никон, царевна Софья; историков: боярина Артамона (у Карамзина – «Артемон») Сергеевича Матвеева, российского «резидента» и «министра» (посла) в Швеции князя Андрея Яковлевича Хилкова, Василия Никитича Татищева; духовных писателей: автора «Миней» митрополита Ростовского и Ярославского Димитрия Туптало, стихотворцев: Семёна Климовского, Петра Буслаева; проповедников: архиепископа Санкт-Петербургского и Ревельского Сильвестра Кулябку, епископа Псковского и Нарвского Гедеона, митрополита Новгородского Димитрия Сеченова; путешественника Степана Крашенинникова.

Но нас больше интересуют характеристика и оценка Карамзиным в его очерках русских светских писателей. И первое, на что необходимо обратить внимание и что отметила Н. Д. Кочеткова в одной из глав «Очерков истории русской литературной критики»[4], – это «интерес Карамзина к писательским биографиям»: «В “Пантеоне российских авторов” (1802) он стремился нарисовать литературный портрет, подчеркнув индивидуальные особенности писателя» [5, с. 145].

По существу, каждая из заметок, посвящённых русским писателям, представляет собой предельно краткий очерк биографии и творчества того или иного автора. Как писал Карамзин в авторецензии «Пантеон русских авторов» на изданный

[1] Цит. по: Новиков Н. И. Избранное / сост. В. Мильчиной; вступ. ст., комм. А. Пескова. М.: Правда, 1983. С. 426.

[2] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / прим., указ. Я. Грота, П. Пекарского. СПб.: В типографии императорской Академии наук, 1866. С. 98.

[3] Там же.

[4] Очерки истории русской литературной критики: в 4 т. Т. 1: XVIII – первая четверть XIX века. СПб.: Наука, 1999. 367 с.

П. Бекетовым альбом «Пантеон российских авторов, или Собрание их портретов, с замечаниями», «…истинный *век авторский* (курсив Карамзина. – *С. Д., А. П.*) начался в России со времён Петра Великого: ибо искусство писать есть действие просвещения. Феофан и Кантемир составляют сию первую эпоху; за нею следует эпоха Ломоносова и Сумарокова; третьею должно назвать время Екатерины Великой, уже богатое числом авторов; а четвёртой… (возможно, имеется в виду будущая литература первой четверти XIX века. – *С. Д., А. П.*) мы ещё ожидаем…»[1].

Таким образом, перед нами налицо своеобразная периодизация истории русской литературы XVIII столетия, эскизно прочерченная Карамзиным. И показательно, что она почти полностью совпадает с современной периодизацией отечественной литературы XVIII века.

Цикл литературных портретов в «Пантеоне российских авторов»

Рассмотрим основные положения цикла очерков «Пантеон российских авторов», придерживаясь той последовательности, которую наметил Карамзин в указанной выше авторецензии (мы остановимся только на нескольких, наиболее значительных писателях XVIII столетия, включённых Карамзиным в свой «Пантеон…»).

Какие качества и особенности таланта наиболее заметного и даровитого писателя, проповедника и публициста петровского времени отмечает Карамзин в очерке «Феофан Прокопович»? В первую очередь то, что Феофан был «учёный богослов и природный оратор. В речах его, духовных и светских, рассеяно множество цветов красноречия …. Мысль, что Пётр Великий бывал часто его слушателем…»[2], по мнению Карамзина, вдохновляла этого проповедника.

По-видимому, здесь Карамзин имеет в виду речи Феофана, обращённые непосредственно к Петру Великому или произнесённые в его присутствии, например, «Слово приветственное», которым он 5 июля 1706 г. встретил Петра I в Софийском соборе Киева, куда царь-преобразователь прибыл для основания Печерской крепости. Как известно, в «Слове приветственном» Феофан высоко оценил деяния Петра, его воинские победы и просветительскую деятельность.

Через три года, 14 июля 1709 г., Феофан Прокопович произнёс в присутствии Петра I «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе…», в которой обосновал причины Северной войны, подчеркнув историческое и политическое значение Полтавской битвы и личную роль царя в организации триумфальной победы над дотоле непобедимым шведским войском: «Дело воистину неслыханное, дело преславное …! Победи бо величество от супостата побеждённого, како силен, страшен и славен есть, к тому же от лютости брани, от тяжести подвигов, от великих нужд и различных препятий познавается».

Карамзин подмечает, что проповеди Прокоповича не просто цветистые и хорошо оснащённые риторическими приёмами речи незаурядного оратора, но и то, что они были продиктованы искренним преклонением перед безмерностью, говоря словами А. С. Пушкина, «славных дел Петра» (характерно, что и Карамзин в связи с речами Феофана говорит о «великих делах его…» (т. е. Петра I). Живое, непосредственное, как пишет Карамзин, «жаркое чувство» и придавало речам Прокоповича особую силу: «…вот прелесть Феофановых речей, которая всегда будет действовать на русское сердце!»[3].

В подтверждение высокого ораторского таланта Феофана Прокоповича можно привести ещё один фрагмент из другой речи этого проповедника и публициста – «Слова похвального в день рождества благороднейшего государя цесаревича и ве-

[1] Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 127.

[2] Там же. С. 103.

[3] Там же. С. 104.

ликого князя Петра Петровича», произнесённого в связи с рождением в 1715 г. сына Петра Великого и его жены Екатерины Алексеевны, где Прокопович сравнивал новую Россию с древней, допетровской, выразительно говорил о несомненных успехах петровских преобразований и реформ: «То, что которыи нас гнушалися яко грубых, ищут усердно братерства нашего; которые безчестили, славят; которые грозили, боятся и трепещут; которые презирали, служити нам не стыдятся…»[1].

Важно и то, что Карамзин видит в Прокоповиче непосредственного предтечу М. В. Ломоносова: «…будучи предшественником Ломоносова, он (Феофан. – *С. Д., А. П.*) не похитил у него славы быть нашим лучезарным Фебом»[2]. Наконец, Карамзин впервые обратил внимание на то, что именно Прокопович по достоинству оценил сатирическое дарование Антиоха Кантемира: «…первый открыл талант молодого Кантемира; ободрял, наставлял его и вместе с ним писал стихи: два человека, с коими, по тогдашнему времени, никто не мог спорить в остроумии и в учёности»[3].

Как известно, Феофан Прокопович, ознакомившись с первой сатирой Антиоха Карамзина «На хулящих учения. К уму своему» (1729), в специальном стихотворном послании поздравил начинающего автора с таким блестящим дебютом:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликой достоин ты славы…

(более подробно о послании Феофана к Кантемиру см. [1, с. 96–118]).

Первый опыт научного издания речей Феофана Прокоповича был осуществлён в XVIII веке под заглавием: «Феофана Прокоповича … слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные» (ч. I, СПб., 1760; ч. II, СПб., 1761; ч. III, СПб., 1765). Здесь были напечатаны 53 произведения. Скорее всего, Карамзин, говоря о «прелести Феофановых речей», имел в виду именно это издание.

Как отмечает в своей статье «Литературная позиция Н. М. Карамзина периода "Вестника Европы"» Л. А. Сапченко, «оценка произведения отнюдь не навязывается критиком: он даёт слово самому автору (цитируя его) и апеллирует к справедливому суждению и благородному вкусу читателя» [7, с. 109]. Это мнение ведущего исследователя творчества Карамзина вполне применимо и к словарной статье «Феофан Прокопович» в «Пантеоне российских авторов»: «Когда же оратор в кипении горести, в отчаянии сердца восклицает: "Что делаем? Петра Великого погребаем!..", и теперь, и теперь ещё благодарные сыны отечества рыдают с ним!»[4].

Следующий известный писатель XVIII столетия, которому посвятил свой этюд Карамзин в «Пантеоне российских авторов», – «князь Кантемир Антиох Дмитриевич». Карамзин называет Кантемира «нашим Ювеналом», т. е. считает, что по своему дарованию Кантемир не уступает знаменитому римскому поэту-сатирику Децию Юнию Ювеналу, обличителю пороков современного ему общества, автору 16 сатир (как известно, у Кантемира их вдвое меньше – 8).

Карамзин даёт довольно высокую оценку сатирам Кантемира: «Сатиры его были первым опытом русского остроумия и слога»[5]. Вообще в этом очерке довольно большое внимание уделяется слогу Кантемира и других авторов. Карамзин даже предлагает своеобразную периодизацию русской литературы XVIII века, исходя из слога писателей: «Он (Кантемир. – *С. Д., А. П.*) писал довольно чистым языком и мог по справедливости служить образцом для современников, так что, разделяя слог наш на эпохи, *первую* (здесь и

[1] Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 46.

[2] Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 104.

[3] Там же.

[4] Карамзин Н.М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории государства Российского» / сост., комм. Г.П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 104.

[5] Там же. С. 105.

ниже курсив Карамзина. – *С. Д., А. П.*) должно начать с Кантемира, *вторую* – с Ломоносова, *третию* – с переводов *славяно-русских* господина Елагина и его многочисленных подражателей, *а четвёртую* – с нашего времени, в которое образуется *приятность слога*»[1].

Вместе с тем Карамзин критикует стихосложение Кантемира за отсутствие «истинной меры», хотя и признаёт за ним неоспоримое право на гармонию: «…долгие и короткие слоги смешаны без разбора, – но есть гармония»[2] (напомним, что в начале XIX века и позднее под «метром» или «мерой» понимали стихотворный размер, стопу или даже самую общую схему звукового ритма стиха. Так, Н. Остолопов в своём «Словаре древней и новой поэзии» (1821) даёт следующее определение «метра»: «МЕТР. В поэзии называется сим именем всякая стопа или мера, входящая в стихосложение»[3]. Вспомним также пушкинскую шутливо-ироническую характеристику стихов в альбоме «уездной барышни» в четвёртой главе «Евгения Онегина»: «Сюда, на зло правописанью, / Стихи без меры (то есть без соблюдения стихотворного размера, ритма. – *С. Д., А. П.*), по преданью / В знак дружбы верной внесены, / Уменьшены, продолжены»[4].

Карамзин полагает, что «в прозе он (Кантемир. – *С. Д., А. П.*) лучше выражал *свои*, нежели чужие мысли: например, стиль в предисловии к Фонтенелевой книге “О множестве миров” несравненно глаже, нежели в самом переводе». В конце очерка Карамзин пытается набросать психологический портрет Кантемира, проникнуть в «тайные сгибы… сердца» и души этого писателя, причём души «нежной» и «чувствительной», что особо отмечает в соответствии с эстетикой русского сентиментализма автор очерка: «…Кантемир имел острый взор для замечания тайных сгибов человеческого сердца и лёгкое перо для описания своих замечаний. … Любовь к наукам и словесности, следствие нежного образования души, всегда бывает соединена с благородным влечением к дружбе, которая, питая чувствительность, даёт уму ещё более силы и парения»[5].

Ещё один выдающийся русский поэт, филолог, переводчик, хотя и сжато, но ёмко представленный в «Пантеоне российских авторов» – «Тредиаковский Василий Кирилович» (у Карамзина отчество этого писателя с одной буквой «л» от имени «Кирила»). Любопытно, что ещё П. А. Вяземский в своей «Старой записной книжке» увидел в Тредиаковском своеобразного предтечу Карамзина в преобразовании русского языка, что впервые отметила в содержательной статье «В. К. Тредиаковский и Н. М. Карамзин (К постановке проблемы)» Т. А. Алпатова [3, с. 219–220]. В той же статье рассмотрена типологическая общность «…художественных исканий Тредиаковского и Карамзина в сфере стратегий авторского поведения и поэтики психологического повествования…» [3, с. 237].

Но, в соответствии с предметом нашей статьи, нас в данном случае интересует оценка Карамзиным в его «Пантеоне…» Тредиаковского как писателя, филолога и переводчика. Не отрицая учёности и трудолюбия Тредиаковского, Карамзин всё же отказывает ему в поэтическом даровании и вкусе: «Если бы охота и принадлежность могли заменить дарование, кого бы не превзошёл Тредиаковский в стихотворстве и красноречии? … Не только дарование, но и самый вкус не приобретается; и самый вкус есть дарование. Учение образует, но не производит автора»[6].

---

1 Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 105.

2 Там же.

3 Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым: в 3 ч. Ч. 2. СПб.: В типографии императорской Российской академии, 1821. С. 186.

4 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. VI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 85.

5 Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 105–106.

6 Там же. С. 107.

Правда, ниже Карамзин старается смягчить свой резкий и нелицеприятный отзыв о Тредиаковском, замечая, что «однако ж труды его были не совсем бесполезны. Он первый изъяснил на русском языке меру стихов и перевёл «Древнюю историю…» (имеются в виду следующие труды Тредиаковского: трактат «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», изданный в 1735 г., и перевод «Древней истории» (в 10 томах) французского историка Шарля Роллена, изданный в Санкт-Петербурге в 1749–1762 годах. – *С. Д., А. П.*)»[1]. Как известно, именно за филологические труды высоко ценил Тредиаковского А. С. Пушкин «Тредиаковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков»[2] (более подробно о проблеме «Пушкин и Тредиаковский» см.: [2, с. 217–228]).

И хотя Карамзин заканчивает свою словарную статью о Тредиаковском на примирительной ноте («Имя Тредиаковского будет известно самым отдалённым потомкам»), всё же он не удержался от того, чтобы не привести старый анекдот о насмешках над «Тилемахидой» в окружении Екатерины II: «Екатерина II, любя успехи российского языка, желала, чтобы в избранном обществе «Эрмитажа» все говорили по-русски. Её воля была законом. Но законодатель должен предвидеть и неисполнение: какое же наказание определила монархиня для преступников? За всякое иностранное слово, вмешенное в разговор, виновный осуждался прочесть сто стихов из «Телемахиды» Тредиаковского»[3].

Свою статью о М. В. Ломоносове Карамзин, как обычно, начинает с кратких биографических данных об этом великом русском учёном, замечательном поэте и филологе, напоминая хорошо всем известные даты его рождения и смерти: «Родился в 1711, умер в 1765 году»[4]. И чуть ниже Карамзин отмечает чудесное превращение «сына бедного рыбака» в известного поэта: «Рождённый под хладным небом Северной России, с пламенным воображением, сын бедного рыбака, сделался отцом российского красноречия и вдохновенного стихотворства. … Он вписал имя своё в книгу бессмертия, там, где сияют имена Пиндаров, Горациев, Руссо»[5].

Как известно, уже в XVIII веке Ломоносов приобрёл у соотечественников титул «российского Пиндара» (потом этот эпитет прилагали и к Г. Р. Державину). Кажется, впервые сравнил Ломоносова с Пиндаром А. П. Сумароков в своей «Епистоле о стихотворстве» (1747): «Он наших стран Мальгерб (имеется в виду Франсуа Малерб – французский поэт XVI века, создатель апофеозных од. – *С. Д., А. П.*), он Пиндару подобен»[6]. В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) Пушкин, приводя эту характеристику Ломоносова, отмечает, что «… Сумароков с большой точностию определил в одном полустишии истинное достоинство Ломоносова-поэта»[7]. Поэтому неслучайно, что и Пушкин уподобляет «отца русской поэзии» древнегреческому поэту I века до н. э., который также разрабатывал в своём творчестве едва ли не все известные жанры торжественной хоровой лирики и, прежде всего, жанр оды.

Говоря о поэтическом даровании Ломоносова, Кантемир подчёркивает его приверженность лирике, гораздо ниже оценивая его эпическую поэзию и драма-

[1] Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 108.

[2] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. XI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 254.

[3] Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 108.

[4] Там же. С. 110.

[5] Там же.

[6] Сумароков А. П. Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста, прим. П. Н. Беркова. Л.: Сов. писатель, 1953. С. 147.

[7] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. XI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 33.

тургию: «Лирическое стихотворство было собственным дарованием Ломоносова. Для эпической поэзии нашего века не имел он, кажется, достаточной силы воображения… … Трагедии писаны им единственно по воле монархини; но оды его будут всегда драгоценностию российской музы. … Никто из последователей Ломоносова в сем роде стихотворства не мог превзойти его, ниже сравняться с ним»[1].

Карамзин заключает свою миниатюру о Ломоносове призывом сохранить и увековечить память об этом российском гении: «Если гений и дарования ума имеют право на благодарность народов, то Россия должна Ломоносову монументом»[2].

Значение очерка о Ломоносове состоит в том, что, во-первых, Карамзин верно определил его место в истории русской литературы (счастливо найденное автором «Пантеона…» определение Ломоносова как «отца… вдохновенного стихотворства» будет через 13 лет перефразировано в записи из лицейского дневника Пушкина от 17 декабря 1815 г.: «Он (А. А. Шаховской. – *С. Д., А. П.*) представил отца русской поэзии в кабаке…»[3]); во-вторых, Карамзин дал справедливую и высокую оценку Ломоносову не только как поэту, но и как оратору, «отцу российского красноречия»: «…талант великого оратора блистает в двух похвальных речах его, которые и теперь должно назвать одним из лучших произведений российского, собственно, так называемого красноречия»[4].

По-видимому, говоря о «двух похвальных речах» Ломоносова, Карамзин имеет в виду «Слово похвальное … Елизавете Петровне…», которое Ломоносов произнёс 26 ноября 1749 г. и которое с восторгом было принято при дворе императрицы, а также «Слово похвальное Петру Великому» (произнесено на торжественном академическом собрании 26 апреля 1755 г.), где, как и в своей знаменитой оде «на день восшествия на престол Елисаветы Петровны» 1747 г., автор «Слова похвального…» настойчиво призывает дочь Петра следовать его примеру: «…по справедливости всех дел и похвал его великая наследница. Следовательно, похваляя Петра, похвалим Елисавету»[5].

Свой очерк о Сумарокове в «Пантеоне…» Карамзин, к сожалению, начинает с неточного указания на дату рождения писателя: «Родился 1718, умер в 1777 году»[6] (на самом деле А. П. Сумароков родился 14 (25) ноября 1717 г.). По структуре очерк Карамзина, как и в остальных случаях, во многом идентичен словарной статье Н. И. Новикова в его «Опыте исторического словаря о российских писателях» (кстати, Н. И. Новиков правильно указывает дату рождения Сумарокова).

Как и Н. И. Новиков, Карамзин прежде всего отмечает заслуги Сумарокова во многих родах литературы: «Подобно Вольтеру, он (Сумароков. – *С. Д., А. П.*) хотел блистать во многих родах – и современники называли его нашим Расином, Мольером, Лафонтеном, Буало» (ср. у Н. И. Новикова в его «Опыте исторического словаря: «И хотя первый он из россиян начал писать трагедии по всем правилам театрального искусства, но столько успел во оных, что заслужил название северного Расина»; «…притчи его почитаются сокровищем российского Парнаса; и в сем роде стихотворения далеко превосходит он Федра и де Лафонтена, славнейших в сем роде»[7]).

---

1 Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 110–111.

2 Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 111.

3 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. XII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 302.

4 Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 111.

5 Ломоносов М. В. Сочинения / вступ. статья и прим. А. А. Морозова. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 442.

6 Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 111.

7 Новиков Н. И. Избранное. М.: Правда, 1983. С. 446–447.

Карамзин более объективно оценивает талант Сумарокова-баснописца: «Но признавая (вместе со всеми) басни Сумарокова лучшим его творением, мы не сравниваем их с Лафонтеновыми стихами. Русский баснописец может нравиться только лёгкостию и резкою сатирою; Лафонтен также колет глаза пороку, но всегда с видом неизъяснимого добродушия: Сумароков язвит сильным стихом без пощады»[1].

Говоря о трагедиях Сумарокова, Карамзин совершенно справедливо указывает на то, что историзм его драматургии носит ещё условный характер: «…называя героев своих именами древних князей русских, не думал соображать свойства, дела и язык их с характером времени»[2].

В своём очерке Карамзин постоянно и последовательно сопоставляет творчество Сумарокова и Ломоносова, а главное, – видит в обоих писателях «…счастливое рождение нашего *нового* (курсив Карамзина. – *С. Д., А. П.*) стихотворства». В области поэзии Карамзин отдаёт приоритет Ломоносову, в области драматургии – Сумарокову: «Имя Сумарокова было в своё время так же велико, как имя Ломоносова. Один славил Елизавету на лире и на кафедре академической; другой пленял её чувствительность драматическими картинами на сцене»[3].

Сравнение Сумарокова с Ломоносовым было не новым для русской критики и публицистики. Ещё А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) называл Сумарокова «отменным стихотворцем» и видел в нём прямого наследника поэтической лиры Ломоносова: «…великий муж может родить великого мужа, – и се венец твой победоносный. О! Ломоносов, ты произвёл Сумарокова»[4].

Таким образом, в своём очерке о Сумарокове Карамзин отмечает, что литературное наследие рассматриваемого писателя отличается исключительной широтой и разнообразием, признаёт, хотя и с оговоркой, его неоспоримые заслуги в жанре трагедии: «Но многие стихи в его трагедиях нежны и милы; многие сильны и разительны. Довольно для вечной славы поэта, открывшего в России сцену Мельпомены!»[5].

Заключение

Если же оценивать в целом историко-литературное значение «Пантеона российских авторов» Карамзина, можно сослаться на суждение С. Б. Кохановой в её кандидатской диссертации «Н. М. Карамзин – литературный критик» (М., 1992): «В «Пантеоне российских авторов» особенно заметно объединение научно-критической мысли и художественного таланта Карамзина. Это сочинение оказалось как бы связующим звеном двух этапов творчества писателя, соединив в себе уже разработанные принципы в оценке литературного процесса с появляющимися новыми подходами критического осмысления словесного искусства» [4, с. 15]. Несмотря на сходство в структуре словарных статей в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и цикла литературных портретов в «Пантеоне российских авторов», Карамзин совершенно оригинален в отборе и подаче материала, в историко-литературной оценке рассматриваемых писателей, в критическом методе анализа, не говоря уже о субъективном и неравнодушном, часто повышенно-эмоциональном тоне очерков в отличие от нарочито бесстрастного и несколько суховатого слога словарных статей Н. И. Новикова.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022.

[1] Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 111–112.

[2] Там же. С. 112.

[3] Там же. С. 111.

[4] Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / изд. подгот. В. А. Западов. СПб.: Наука, 1992. С. 121.

[5] Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 112.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение / отв. ред. Г. В. Степанов. Л.: Наука, 1983. С. 96–118.
2. Алпатова Т. А. В. К. Тредиаковский-филолог в восприятии А. С. Пушкина // В. К. Тредиаковский и русская литература / отв. ред. А. С. Курилов. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 217–228.
3. Алпатова Т. А. В. К. Тредиаковский и Н. М. Карамзин (К постановке проблемы) // В. К. Тредиаковский – филолог, писатель, публицист / отв. ред. С. Н. Травников, Е. В. Сомова, Е. Г. Июльская. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2010. С. 219–238.
4. Коханова С. Б. Н. М. Карамзин – литературный критик: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1992. 16 с.
5. Кочеткова Н. Д. Критика 1780–1790-х годов. Сентиментализм // Очерки истории русской литературной критики: в 4 т. Т. I. XVIII – первая четверть XIX в. / под ред. Ю. В. Стенника. СПб.: Наука, 1999. С. 120–150.
6. Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 544 с.
7. Сапченко Л. А. Литературно-критическая позиция Н. М. Карамзина периода «Вестника Европы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 106–115.

REFERENCES

1. Alekseev M. P. [“Prophet Horned” by Feofan Prokopovich]. In: Alekseev M. P. *Sravnitel’noe literaturovedenie* [Comparative Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 96–118.
2. Alpatova T. A. [Trediakovsky-Philologist in the Perception of A. S. Pushkin]. In: Kurilov A. S., ed. *V. K. Trediakovskii i russkaya literatura* [V. K. Trediakovsky and Russian Literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005, pp. 217–228.
3. Alpatova T. A. [V. K. Trediakovsky and N. M. Karamzin (On the Formulation of the Problem)]. In: Travnikov S. N., Somova E. V., Iyul’skaya E. G., eds. *V. K. Trediakovskii – filolog, pisatel’, publicist* [V. K. Trediakovsky – Philologist, Writer, Publicist]. Moscow, Pushkin State Institute of the Russian Language, 2010, pp. 219–238.
4. Kokhanova S. B. *N. M. Karamzin – literaturnyi kritik: avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [N. M. Karamzin as a Literary Critic: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1992. 16 p.
5. Kochetkova N. D. [Criticism of the 1780s–1790s. Sentimentalism]. In: Stennik Yu. V., ed. *Ocherki istorii russkoi literaturnoi kritiki. T. I. XVIII – pervaya chetvert’ XIX v.* [Essays on the History of Russian Literary Criticism. T. I. XVIII – the first quarter of the XIX century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 120–150.
6. Makogonenko G. P. *Nikolai Novikov i russkoe Prosveshchenie XVIII veka* [Nikolai Novikov and the Russian Enlightenment of the 18th century]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1952. 544 p.
7. Sapchenko L. A. [Literary and Critical Position of N. M. Karamzin of the Period of the “Bulletin of Europe’]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2017, no. 4, pp. 106–115.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

Петухов Александр Дмитриевич – аспирант кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.
e-mail: alexpetukhov44@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Seyran A. Dzhanumov – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian Literature, Institute of the Humanities, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

Alexander D. Petukhov – Postgraduate Student, Department of the Russian Literature, Institute of the Humanities, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: alexpetukhov44@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джанумов С. А., Петухов А. Д. Идейно-эстетическая программа Н. М. Карамзина в статье «Пантеон российских авторов» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 87–97.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-87-97

FOR CITATION

Dzhanumov S. A., Petukhov A. D. Ideological and Aesthetic Program of N. M. Karamzin in the Article "Pantheon of the Russian Authors". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology,* 2023, no. 1, pp. 87–97.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-87-97

УДК 82-65
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-98-107

ИСТОРИЗМ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КАВКАЗСКОМ ЦИКЛЕ РИСУНКОВ ЛЕРМОНТОВА 1840–1841 ГОДОВ

Киселева И. А., Поташова К. А.
Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Представить рисунки Лермонтова 1840–1841 гг. как изобразительный дневник его кавказской жизни, иллюстрирующий значимый для художественного метода поэта принцип документализма.
Процедуры и методы. Объектом исследования в статье выступают графические работы Лермонтова из альбома поэта 1840–1841 гг. (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Ф. 429. № 11) и альбома П. А. Урусова. Предложено рассмотреть графику как единый кавказский цикл рисунков, визуально дополняющих собственно поэтическое творчество Лермонтова. Методология работы связана с использованием дескриптивного, биографического, культурно-исторического, эстетического подходов, позволяющих представить рисунки Лермонтова в контексте понимания его миросозерцания и художественного метода.
Результаты. В исследовании выявлено, что кавказский цикл графики Лермонтова характеризуется документальностью и дневниковым характером. Запечатлевая повседневность, Лермонтов санкционирует её историческую ценность, тем самым утверждая идею о творении истории здесь и сейчас. Рисунки Лермонтова имеют характер дополнительности по отношению к его литературному наследию, а также дают ценную вспомогательную информацию о кавказской жизни того времени в целом и конкретной окружающей поэта обстановке.
Теоретическая и/или практическая значимость. Обращение к графике Лермонтова из кавказских альбомов позволили проследить военную жизнь поэта с 18 июня до августа 1840 г., уточнить его передвижение до военного лагеря. Анализ рисунков в соотношении с «Журналом военных действий» подтверждает гипотезу о возможности протоколирования Лермонтовым происходящих военных событий по поручению генерала А. В. Галафеева.

Ключевые слова: документализм, историзм повседневности, кавказский текст, реализм, рисунки Лермонтова, экспедиция генерала Галафеева

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00025 «Россия и Кавказ в художественной историософии М. Ю. Лермонтова».

HISTORICISM OF EVERYDAY LIFE IN THE CAUCASIAN CYCLE OF LERMONTOV'S DRAWINGS OF 1840–1841

I. Kiseleva, K. Potashova
Moscow Region State University
ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract
Aim. We present Lermontov's drawings of 1840-1841 as a pictorial diary of his Caucasian life, illustrating the principle of documentalism, which is significant for the poet's artistic method.
Methodology. The object of the research is Lermontov's graphic works from the poet's album of 1840–1841 (Department of Manuscripts of the Russian National Library, Fond 429, No. 11) and P. A. Urusov's

© CC BY Киселева И. А., Поташова К. А., 2023.

album. The graphics are considered as a single Caucasian cycle of drawings that visually complement Lermontov's poetic creativity. The methodology of the paper relies on the use of descriptive, biographical, cultural-historical, and aesthetic approaches that allow Lermontov's drawings to be presented in the context of understanding his worldview and artistic method.

Results. The paper reveals that the Caucasian cycle of Lermontov's graphics is characterized by documentary and diary nature. Capturing everyday life, Lermontov authorizes its historical value, thereby affirming the idea of creating history here and now. Lermontov's drawings have a character of complementarity in relation to his literary heritage, and also provide valuable auxiliary information about the Caucasian life of that time in general and the specific environment surrounding the poet.

Research implications. The appeal to Lermontov's graphics from the Caucasian albums makes it possible to trace the poet's military life from 18 June to August 1840 and to clarify his movement to the military camp. The analysis of the drawings in relation to the "Journal of Military Operations" confirms the hypothesis about the possibility of Lermontov logging the ongoing military events on behalf of General A. V. Galafeev.

Keywords: documentalism, historicism of everyday life, Caucasian text, realism, Lermontov's drawings, General Galafeev's expedition

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of a grant from the Russian Science Foundation [Project No. 22-28-00025 (Russia and the Caucasus in M. Yu. Lermontov's Artistic Historiosophy)].

Введение

Рефлексия службы Лермонтова на Кавказе отразилась не только в его литературном, но и в изобразительном наследии. И если живопись поэта в кавказский период связана с изображением «ведущего ландшафта» [6, с. 136] – величественных горных пейзажей, в которых объединяются «чувства природного мира и чувства человека», создаётся «проекция душевного мира» [7, с. 128], то рисунки с детальностью и этнографической чёткостью запечатлели обычные моменты видимой им и мирной, и особенно военной кавказской жизни. Лермонтовские рисунки, фиксируя отдельные моменты жизни, являются и документами исторической эпохи, и изобразительной проекцией сознания поэта; показанная им «повседневность исторична, поскольку она представляет собой мир культуры» [4, с. 35], которая была, есть и будет сохраняться и/или трансформироваться. Обращение к рисункам Лермонтова из альбома П. А. Урусова и его собственного альбома позволяет дополнить фактическую информацию о передвижениях поэта в июне–августе 1840 года по Кавказу и сделать выводы об особенностях его взгляда на мир.

Лермонтов как художник-документалист

Отмечая мастерство Лермонтова-художника, Е. П. Ростопчина писала о том, что при «описании местностей, он сам, хороший пейзажист, дополнял поэта – живописцем»[1]. Вероятно, что поэтесса имела в виду стилистические особенности его поэзии, связанные с актуализацией в слове пластического начала. Однако в этой фразе подспудно проходит мысль о том, что изобразительное и словесное творчество Лермонтова вдохновляются одними источниками и в них обоих отражены особенности видения мира поэтом. Естественно, это включает в себя и запечатление времени, а значит, и освещение под определённым углом происходящего исторического момента, что наиболее рельефно отображается именно при изображении военных событий. Кавказские рисунки Лермонтова не раз становились предметом научного исследования. Выделяя основные направления в изучении кавказских рисунков поэта,

[1] Ростопчина Е. П. Записки о М. Ю. Лермонтове // Екатерина Сушкова. Записки / под ред. Ю. Г. Оксмана. Л.: Academia, 1929. С. 147.

следует подчеркнуть, что именно природу Кавказа исследователи называли объектом «воображения Лермонтова-художника»[1], акцентировали достигнутую им «одушевлённость» рисунка «романтическим восприятием природы» [2, с. 279], подчёркивали «бесспорную схожесть картин с подлинными кавказскими ландшафтами» [9, с. 82]. Отмечался «иллюстративный характер»[2], «выразительность» [8, с. 40], «жизненная достоверность» [12, с. 268], «самобытность»[3] графики поэта. Было выявлено и жанровое своеобразие работ Лермонтова-художника, в альбомах которого ведущее место отведено «военной теме, пейзажам и портретам»[4]. Предметом размышлений литературоведов становилась психология Лермонтова-художника, соотношение его словесного образа с рисунком. От категоричных суждений о том, что слово и графика поэта составляют лишь «параллельный ассоциативный ряд» [1, с. 18], учёные приходили к более глубокому пониманию лермонтовской графики, отмечая её «вспомогательность» при «реализации словесной программы» [15, с. 258]. В то же время при столь повышенном внимании исследователей к Лермонтову-художнику не была в достаточной мере изучена графика с точки зрения её документального характера. И здесь примечательны слова самого Лермонтова, обращённые к С. А. Раевскому в начале декабря 1837 г.: «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собой порядочную коллекцию»[5]. По этой фразе поэта можно заключить о дневниковом характере его графики, что позволяет рассматривать каждый рисунок поэта как документ.

Непосредственными источниками для изучения кавказских рисунков Лермонтова служат два альбома. Первый альбом в картонном переплёте принадлежал самому поэту, на внутренней стороне обложки есть надпись, сообщающая об обстоятельствах его заполнения: «Этот альбом употреблялся Лермонтовым во время экспедиции Галафеева в Малую Чечню в 1840 г.»[6]. Второй альбом принадлежал герою Кавказской войны П. А. Урусову, с которым Лермонтов был дружен в экспедиционном отряде генерала А. В. Галафеева. Этот альбом назван по имени владельца – альбом П. А. Урусова, состоит из множества зарисовок, сделанных современниками поэта, в том числе на тему Кавказской войны. Среди многочисленных вклеенных рисунков обнаруживаются три работы – наброски на военную тему самого Лермонтова. Одна из них весьма примечательна – эскиз акварели «Эпизод сражения при Валерике»[7], относящийся к летней военной экспедиции. Две другие работы связаны с пребыванием поэта в Ставрополе в ноябре 1840 г. перед очередным командированием на левый фланг Кавказской линии. Это лист набросков, изображающих профиль неизвестного мужчины с бородой, всадника на лошади, фигуры лошадей (рисунок подписан «9-го ноября 1840. Лермантовъ в Ставрополе»[8]), а также набросок городского плана Ставрополя с указанием улиц и домов, бегло составленный на обороте того же листа[9].

Сюжетика рисунков Лермонтова многообразна, но при этом в ней чётко просматриваются три линии. Во-первых, это баталистика в буквальном смысле, т. е. рисунки, в которых поэт изображает саму битву («Сражение при Валерике. Начало боя», «Перестрелка»), подготовку к ней («Отряд кавказских войск на позиции»)

1 Пахомов Н. Н. Живописное наследие Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 167.

2 Там же. С. 168.

3 М. Ю. Лермонтов: Энциклопедический словарь / гл. ред., сост. И. А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 83.

4 Пахомов Н. Н. Живописное наследие Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 164.

5 Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 440.

6 Альбом М. Ю. Лермонтова 1840 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 429. № 11. 30 л.

7 Альбом князя Петра Александровича Урусова / Государственный литературный музей; авт.-сост. Л. И. Морозова. М.: Три квадрата, 2015. Л. 18.

8 Там же. Л. 17.

9 Там же. Л. 17 об.

и её последствия («Похороны убитых при Валерике»). Во-вторых, это отличающиеся этнографической точностью зарисовки из жизни военного лагеря («Передвижение отряда», «Лагерь», «Переход через Сулак»). В-третьих, – многочисленные зарисовки участников Кавказской кампании («Конный гусар с поднятой кверху саблей», «Четыре мужских головы и профиль, всадник и фигура пожилого мужчины», «Три мужские фигуры (военный с треуголкой в руке, мужчина в театральном костюме, сидящий)»), подчас носящие шуточный, шаржевый характер. Дополняют кавказскую тему у Лермонтова лаконичные пейзажи, представляющие природные условия, в которых довелось оказаться поэту (кавказский пейзаж, изображающий окружённую лесом поляну и горы вдали, карандашный набросок реки в горном районе), а также сцена ведения беседы военного и гражданского с его близким окружением («Diplomatie civile et militaire»). По технике исполнения это преимущественно графика, выполненная итальянским карандашом или пером и чернилами, рисунок «Похороны убитых при Валерике» расцвечен акварелью самим поэтом.

В военных изданиях, посвящённых Кавказской кампании, не раз указывается на то, что Лермонтов, состоящий в должности отрядного адъютанта при генерале Галафееве, вёл «Журнал военных действий». На это указано и в «Историческом очерке войны и владычества русских на Кавказе» [13], и в издании «Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846» [14], и при публикации выдержек из «Журнала…» Г.С. Лебединцем в «Русской старине» [10]. Внимание Лермонтова к увиденным им в бою и в военной жизни деталям, несомненно, проявились и в графике, характеризующейся документальной и этнографической точностью. Рисунки «Лагерь» и «Переход через Сулак» фиксируют мельчайшие подробности устройства военных крепостей и могли бы служить визуальным дополнением к «Журналу военных действий». Лермонтов с фотографической точностью с натуры рисует Миатлинскую переправу, по которой отряд Галафеева преодолевал реку Сулак. Точно изображён берег Сулака с горами вдали, на берегу расположено военное укрепление, оно буквально вычерчено Лермонтовым. Для большей чёткости изображения поэт даже выбирает чернила и перо, что отличает этот рисунок от остальных. Изображена двухэтажная башня с ведущей на неё лестницей, вокруг раскинуты военные палатки, чуть дальше разместились постройки и всадник с ружьём в черкеске. Изображён и протянутый стальной канат для переправы, и лебёдка, удерживающая его, и прикреплённая к канату лодка с пассажирами, переправляющимися в укрепление.

Аналогичны по характеру и два следующих в альбоме изображения. На рисунке «Сражение при Валерике. Начало боя. Генерал Галафеев»[1] поэт чётко фиксирует расстановку сил отряда и горцев, обращает пристальное внимание на природные условия – лесистую местность, которая акцентировалась и в описании битвы в «Журнале военных действий»: «Добежав до лесу, войска неожиданно остановлены были отвесными берегами речки Валарика и срубами из брёвен, за трое суток вперёд приготовленными неприятелем» [10, с. 361]; «Избегая смерти с одной стороны и пробираясь между кустами, чеченец встречал её неожиданно с другой стороны» [10, с. 361]; «Когда войска начали вдаваться далее в лес, с правой стороны лежащий, часть чеченцев, коих отступление совершенно было отрезано, бросилась к опушке леса и начала бить в обоз» [10, с. 362]. Далее на л. 27 об. Лермонтов представляет сцену похорон убитых воинов во время битвы на Валерике. И снова это документально точное изображение, показан и построенный отряд, прощающийся с воинами, и священник с диаконом, и военные палатки, и кавказский пейзаж. Документально-протокольный характер изображению придаёт и название рисунка, сделанная Лермонтовым помета с датой происходя-

[1] Альбом М. Ю. Лермонтова 1840 г. // ОР РНБ. Ф. 429. № 11. Л. 26.

щих событий: «При Валерике 12 июля»[1]. И, наконец, последний рисунок в альбоме на военную тему – «Перестрелка»[2] – представляет собой небольшой набросок, сцену, в которой Лермонтова скорее заинтересовала динамика движения во время сражения. Точная фиксация событий в беглых карандашных рисунках коррелирует со стихотворением «Валерик» (1840), которое отличает разговорная «безыскусственная» интонация и быстрая смена планов (калейдоскоп картинок боя и походной жизни), характеризующие реалистический метод Лермонтова.

На всех рисунках из альбома в поле зрения Лермонтова-художника попадают воины не только в мундирах, но и в черкесках, не только в фуражках, но и в папахах. Притом что составляющие значительную часть отряда воины из Куринского полка, Кавказского сапёрного батальона носили в качестве военной формы черкески, но они были с погонами Российской Императорской армии, в то время как на рисунках они отсутствуют. Ношение папахи в казачьих войсках было установлено только в 1855 году. Вероятно, воины в папахах на рисунках Лермонтова – это мирные горцы, т. е. чеченцы и черкесы, принявшие власть Российской Империи. Примечательно и то, как Лермонтов рисует воина в черкеске – из двух треугольников, обычного (нижний) и перевёрнутого (верхний), что особенно ярко заметно на рисунке «Сражение при Валерике. Начало боя. Генерал Галафеев»[3] при изображении группы воинов около пушки. Черкески горцев имели особый покрой, что как раз поэт и подчёркивает, рисуя воина: «Характерными чертами черкески является особый покрой с цельной, но зауженной по талии спинкой. Поэтому верхняя часть туловища была плотно обтянута, а от талии книзу силуэт плавно расширялся за счёт нижней части спинки, имевшей форму клина, и отрезных от талии боковых клиньев» [16, с. 187].

На рисунках Лермонтова отразилось его знание подробностей уклада горских народов, их костюма, быта, обычаев и норм поведения. Все нарисованные Лермонтовым сюжетные сцены из военной жизни представляют интерес как точные, почти фотографические изображения с натуры, при этом все они лишены психологической выразительности, которая была характерна для поздней лирики Лермонтова, целью их была максимально точная фиксация, тогда как лирика совмещает в себе достоверность изображения внешнего мира и философско-психологическую напряжённость.

Дневниковый характер рисунков из альбома Лермонтова

Альбом Лермонтова традиционно датируют 1840–1841 г. Однако анализ расположения в нём рисунков позволяет говорить о том, что после возвращения из второго похода части отряда генерала А. В. Галафеева в августе 1840 г., поэт свой альбом уже заполнял значительно реже. Основной состав рисунков отражает два похода отряда – по направлению к аулу Большой Чечень, когда происходит столкновение на реки Валерик, и в Дагестан, где Шамиль «докончил административное устройство края и сплотил разнородные племена» [14, с. 240]. Позднее поэт обращался к альбому дважды – для завершения работы над «Последним новосельем», вклеив не поместившееся окончание стихотворения на соответствующие листы с черновыми набросками, и «Сосной», вклеив беловой автограф. Детальный разбор передвижений Лермонтова по Кавказу даёт возможность внести уточнения в датировку рисунков из альбома: будучи прекрасным художником-документалистом, поэт точно отражает черты на своих рисунках приметы местности, т. е. фиксирует одновременно происходящие с ним события. В заполнении Лермонтовым альбома рисунками с весны по август 1840 г. явно прослеживаются три этапа – до прибытия поэта на Кавказ, дорога к военному

[1] Альбом М. Ю. Лермонтова 1840 г. // ОР РНБ. Ф. 429. № 11. Л. 27 об.
[2] Там же. Л. 28 об.
[3] Там же. Л. 26.

лагерю (крепость Грозная) с остановками в Ставрополе и Пятигорске (эта наиболее объёмная часть рисунков), далее сама военная экспедиция, зарисовки которой занимают не менее трети от всего альбома.

Первые записи в альбоме, представляющие собой заметки чернилами и карандашом биографического характера, поэт делает ещё будучи в Петербурге: «Ахвердов<а> – на Кирочн<ой>. Г<рафиня> Завадовск<ая>. Лео<нид> Голицы<н> в доме Ростовцева. Понед<ельник> Смир<нова>. Втор<ник> Ростоп<чина>. Веч<ером>: Лаваль именины»[1]. Эта подневная заметка задаёт характер всему взятому на Кавказ альбому, особенностью которого является выраженный дневниковый характер. Только если первые записи представляют собой буквальную фиксацию событий, то последующие фиксируют события в сюжетах и зарисовках, что позволяет рассматривать этот альбом как своеобразный военный дневник Лермонтова. В первых числах мая 1840 г. Лермонтов из Петербурга выехал на Кавказ, проездом до конца мая задержался в Москве. На временной промежуток между отправлением из Петербурга и до отбытия из Москвы (май 1840 года) приходится работа поэта в альбоме на л. 2–6 об. над стихотворениями «Любовь мертвеца» и «Сосна», предисловием к роману «Герой нашего времени», извещение о скором выходе которого было опубликовано в «Северной пчеле» 5 мая 1840 г., также Лермонтов делает здесь словесные и графические наброски светского характера – набросок к повести «У графа В*** был музыкальный вечер», рисунок «Голова молодого человека в галстуке, завязанном бантом»[2]. Безусловно, что пребывание Лермонтова в Москве, встречи и общение с московскими славянофилами – А. С. Хомяковым, Ю. Ф. Самариным, М. П. Погодиным – влияли на размышления поэта.

Второй этап заполнения альбома отражает события, связанные с передвижением Лермонтова по Кавказу до его непосредственного прибытия на службу в военный лагерь. С 10 июня по 17 июня 1840 г. Лермонтов находился в Ставрополе в ожидании отправления с чеченским отрядом на Кавказскую линию, далее же сообщает в письме к А.А. Лопухину: «Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке. Такая каналья этот пророк! Пожалуста, спусти его с Аспелинда; они там в Чечне не знают индийских петухов, так, авось, это его испугает» (17 июня 1840 г.)[3]. С 18 июня до первых чисел июля поэт продолжил свой путь в отряд. Относительно предыдущих зарисовок, сюжеты лермонтовской графики, начиная с л. 7 альбома, изменяются. Поэт фиксирует то, что предстаёт его взору – кавказские пейзажи, всадников, офицеров и гусаров, кавказские виды представлены и в сюжетном рисунке «Офицер верхом и амазонка», служащим возможной иллюстрацией к роману «Герой нашего времени»[4], вероятно, навеянном видом реки Подкумок («Я взял под уздцы лошадь княжны и свёл её в воду, которая не была выше колен; мы тихонько стали подвигаться наискось против течения»[5]). Путь, пролегающий от Ставрополя до чеченского лагеря, Лермонтов подробно фиксировал. Примечательно, что помимо графики, бегло фиксирующей передвижения отряда, горские селения, военных лиц, поэт рисует и то, что было им увидено в Пятигорске. В «Летописи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова» [11; 3] нет указаний на то, что в пути к лагерю в июне 1840 г. поэт делал довольно продолжительную остановку в Пятигорске, о чём свидетельствуют зарисовки светских сцен, набросок пятигорского бульвара, изображающий несколько групп гуляющих.

[1] Альбом М. Ю. Лермонтова 1840 г. // ОР РНБ. Ф. 429. № 11. Л. 2.

[2] Там же. Л. 2–6.

[3] Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. IV. С. 454.

[4] Альбом М. Ю. Лермонтова 1840 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 429. № 11. Л. 9.

[5] Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. IV. С. 309.

Значимым событием пребывания Лермонтова в Пятигорске можно считать возможную встречу с черкесом Д. С. Кодзоковым, выросшим в доме славянофила А. С. Хомякова. Пятигорский адрес Кодзокова был указан в начале альбома, где следовали биографические пометы: «Лукман Бек-Мурзин Кодзоков Дмитрии Степанович Кодзоков В Пятигорске. 89 №»[1]. Можно предположить, что именно эта встреча послужила поводом к появлению в альбоме оригинального карандашного рисунка «Дипломатия гражданская и военная»[2], на котором, по всей вероятности, запечатлён диалог Лермонтова со славянофилом А. С. Хомяковым. Изображённый военный имеет портретное сходство с самим Лермонтовым, у сидящего человека исследователи отмечали черты А. С. Хомякова. Зарисовка являет собой документ, свидетельствующий не только о разговорах поэта с А. С. Хомяковым, но и о значимости для поэта этого общения, которое вряд ли могло обойтись без обсуждения вопроса о феномене России. Отголоски диалога Лермонтова со славянофилами ясно слышны в его стихотворении «Спор» (1841), отданным поэтом для публикации в славянофильском «Москвитянине» единомышленнику А. С. Хомякова Ю. Ф. Самарину. Открывающаяся в «Споре» пейзажная картина оживает в профетическом диалоге Шат-горы и Казбека о судьбе цивилизаций. Выбрав Кавказ местом действия в стихотворении, поэт запечатлевает и географию кавказских гор, и геополитическую обстановку своего времени, связанную с утверждением государственной политики России на Кавказе, представляет концепцию «видения России как великой империи, которая в своей мощи и объёмности уподобляется силе природной, стихийной и превышает потенциал когда-то исторически значимых государств» [5, с. 275].

Третий этап заполнения альбома отражает непосредственно военную службу Лермонтова – это рисунки «Лагерь», «Переход через Сулак», «Сражение при Валерике. Начало боя. Генерал Галафеев», «Похороны убитых при Валерике», «Перестрелка»[3]. Рисунки расположены в альбоме с некоторым нарушением хронологии произошедших событий – переход военного отряда через реку Сулак в Дагестане произошёл неделей позже сражения при Валерике. В этой связи можно предположить, что серия рисунков, посвящённых битве на Валерике, была создана Лермонтовым во время второй, более продолжительной по времени (с 17 июля по 2 августа) экспедиции на Северный Дагестан, где отряд под командованием генерала Галафеева стоял лагерем. В силу того, что первая военная экспедиция в сторону аула Большой Чечень отличалась приведением «отряда в боевой порядок» и его «безостановочным движением» [14, с. 241], рисунки были сделаны Лермонтовым несколькими днями позже. Вторая экспедиция была уже менее кровопролитной, целью её было «направление к Герзель-аулу для окончания постройки этого укрепления» [14, с. 247], именно в это время поэт перелагает свои живые впечатления от событий Кавказской войны, в которых принял участие, на бумагу. Сама обстановка, наполненная богатой палитрой мыслей и чувств, разнообразными человеческими типами, картинами из жизни, способствовала обращению к альбому. Неслучайно в это же время рисуют и Д. П. Пален (известен выполненный в это время графический портрет Лермонтова в фуражке, его изображение Миатлинской переправы), и Д. А. Столыпин, и другие товарищи поэта по отряду, чьи рисунки составили альбом Уварова.

Таким образом, перечисленные пять рисунков Лермонтова из альбома были выполнены во временном промежутке второй экспедиции, затем в начале сентября 1840 г. совместно с художником Г. Г. Гагариным в

[1] Альбом М. Ю. Лермонтова 1840 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 429. № 11. Л. 2.

[2] Там же. Л. 17.

[3] Там же. Л. 24–28 об.

Пятигорске поэт дополнил свой военный цикл работ. Все эти рисунки отличаются простотой и достоверностью изображения, выраженной в отсутствии парадности и внимании к народу.

Заключение

Выполненные Лермонтовым в альбомах графические и акварельные работы позволяют проследить военную жизнь поэта с 18 июня до августа 1840 года. Цельность лермонтовской графики, тематическая и временная общность рисунков позволяют рассматривать эти работы как единую серию – рисунки о Кавказской войне. Графика Лермонтова представляет собой беглые зарисовки увиденного и в то же время является точной фиксацией разворачивающихся боевых действий, а также бытового уклада походной жизни казаков и горцев. Запечатлевая повседневность, Лермонтов санкционирует её историческую ценность, тем самым утверждая идею о творении истории здесь и сейчас. Рисунки, с одной стороны, показывают историчность самых кратких моментов бытия, а с другой имеют характер дополнительности, дают ценную вспомогательную информацию, связанную как с кавказской жизнью того времени вообще, так и с самим поэтом как со свидетелем событий и зрителем местности и обычаев.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белявский Н. Лермонтов-художник // Искусство. 1939. № 5. С. 5–20.
2. Григорьян К. Н. Живопись Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. С. 271–282.
3. Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.: Русская панорама, 2003. 703 с.
4. Ионин Л. Г. Историзм повседневности // Ускорение социально-экономических процессов и культурные проблемы социальной организации. М.: Ифан, 1987. С. 34–39.
5. Киселева И. А., Поташова К. А., Сеченых Е. А. Творческая история стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» (1841) в культурно-историческом контексте // Научный диалог. 2019. № 10. С. 264–279.
6. Киселева И. А., Поташова К. А. Динамическая поэтика в истории текста стихотворения М. Ю. Лермонтова «Сон» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 130–145.
7. Киселева И. А., Поташова К. А. Динамическая поэтика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 128–144.
8. Ковалевская Е. А. Акварели и рисунки Лермонтова из альбомов А. М. Верещагиной // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. С. 24–79.
9. Колокольцев Е. Н. Поэтика описаний в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на уроках литературы // Литература в школе. 2020. № 3. С. 77–89.
10. Лебединец Г. С. Михаил Юрьевич Лермонтов в битве с черкесами в 1840 г. // Русская старина. 1891. № 7. С. 355–368.
11. Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л.: Наука, 1964. 198 с.
12. Поташова К. А. Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи. М.: ФЛИНТА, 2021. 376 с.
13. Потто В. А. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. 395 с.
14. Ракович Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия: юбилейный выпуск. Тифлис: Военно-историческое отделение при Штабе Кавказского военного округа, 1900. 396 с.
15. Сиротин В. И. Перья Серафимов (Лермонтов в искусстве его времени) // Наш современник. 2009. № 10. С. 258–275.
16. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989. 286 с.

REFERENCES

1. Belyavsky N. [Lermontov-Artist]. In: *Iskusstvo* [Art], 1939, no. 5, pp. 5–20.
2. Grigor'yan K. N. [Lermontov's Painting]. In: *M. Yu. Lermontov: Issledovaniya i materialy* [M. Yu. Lermontov: Research and Materials], Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 271–282.
3. Zakharov V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva M. Yu. Lermontova* [Chronicle of the Life and Work of M. Yu. Lermontov]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2003. 703 p.
4. Ionin L. G. [Historicism of Everyday Life]. In: *Uskorenie sotsial'no-ekonomicheskikh processov i kul'turnye problemy sotsial'noi organizatsii* [Acceleration of Socio-Economic Processes and Cultural Problems of Social Organization]. Moscow, Ifan Publ., 1987, pp. 34–39.
5. Kiseleva I. A., Potashova K. A., Sechenykh E. A. [Creative History of M. Yu. Lermontov's Poem "Dispute" (1841) in a Cultural and Historical Context]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2019, no. 10, pp. 264–279.
6. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [Dynamic Poetics in the History of the Text of M. Yu. Lermontov's Poem "Dream"]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 130–145.
7. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [Dynamic Poetics of M. Yu. Lermontov's Poem "Cliff"]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 2, pp. 128–144.
8. Kovalevskaya E. A. [Watercolors and Drawings by Lermontov from the Albums of A. M. Vereshchagin]. In: *M. Yu. Lermontov: Issledovaniya i materialy* [M. Yu. Lermontov: Research and Materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 24–79.
9. Kolokol'cev E. N. [Poetics of Descriptions in M. Yu. Lermontov's Novel "A Hero of Our Time" at Literature Lessons]. In: *Literatura v shkole* [Literature at School], 2020, no. 3, pp. 77–89.
10. Lebedinets G. S. [Mikhail Yurievich Lermontov in the Battle with the Circassians in 1840]. In: *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1891, no. 7, pp. 355–368.
11. Manuilov V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva M. Yu. Lermontova* [Chronicle of the Life and Work of M. Yu. Lermontov]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 198 p.
12. Potashova K. A. *Traditsii i novatorstvo russkoi literatury kontsa XVIII – pervoi treti XIX veka v aspekte usvoeniya opyta zhivopisi* [Traditions and Innovations in Russian Literature of the Late 18th – first third of the 19th Centuries in Terms of Mastering the Experience of Painting]. Moscow, FLINTA Publ., 2021. 376 p.
13. Potto V. A. *Istoricheskii ocherk kavkazskikh voin ot ikh nachala do prisoedineniya Gruzii* [Historical Sketch of the Caucasian Wars from Their Beginning to the Annexation of Georgia]. Tiflis, Tipografiya Kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze Publ., 1899. 395 p.
14. Rakovich D. V. *Tenginskii polk na Kavkaze. 1819–1846. Pravyi flang. Persiya. Chernomorskaya beregovaya liniya: yubileinyi vypusk* [Tenginsky Regiment in the Caucasus. 1819–1846 Right Flank. Persia. Black Sea Coastline: Anniversary Issue]. Tiflis, Voenno-istoricheskoe otdelenie pri Shtabe Kavkazskogo voennogo okruga Publ., 1900. 396 p.
15. Sirotin V. I. [Feathers of Seraphim (Lermontov in the Art of His Time)]. In: *Nash sovremennik* [Our Contemporary], 2009, no. 10, pp. 258–275.
16. Studeneckaya E. N. *Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XVIII–XX vv.* [Clothing of the Peoples of the North Caucasus in the 18th–20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 286 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселева Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской классической литературы Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Поташова Ксения Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: ka.potashova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Department, Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Ksenia A. Potashova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: ka.potashova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Киселева И. А., Поташова К. А. Историзм повседневности в кавказском цикле рисунков Лермонтова 1840–1841 годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 98–107.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-98-107

FOR CITATION

Kiseleva I. A., Potashova K. A. Historicism of Everyday Life in the Caucasian Cycle of Lermontov's Drawings of 1840–1841. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology,* 2023, no. 1, pp. 98–107.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-98-107

УДК 821.161.1
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-108-115

ВОСПРИЯТИЕ КАК ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ В РОМАНАХ М. П. ШИШКИНА «ЗАПИСКИ ЛАРИОНОВА» И «ПИСЬМОВНИК»

Савельев Г. А.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Обнаружить модернистские принципы построения текста в современной русской литературе, а именно в обнаружении тенденции к использованию образов восприятия как основы повествования вместо динамического событийного ряда.
Процедура и методы. В работе рассмотрена повествовательная организация романов «Записки Ларионова» («Всех ожидает одна ночь», 1993) и «Письмовник» (2010) М. П. Шишкина. Качество повествовательных приёмов Шишкина соотносится с положениями теории романа начала XX в. (Х. Ортега-и-Гассет, В. В. Вейдле), постулирующей качественное изменение характера повествования в литературе XX в. (сюжет как последовательность действий уступает место последовательности субъективных картин восприятия). Анализируются синтаксические конструкции и средства художественной выразительности романов Шишкина.
Результаты. В ходе литературоведческого анализа романов М. П. Шишкина выявлена значительная роль образов восприятия как компонентов, замещающих динамическое действие и организующих повествование. Показано, как восприятие литературного героя проявляется в синтаксисе текста (преобладание номинативных предложений и простых предложений с предикатом, выражающим свойства субъекта) и характере средств художественной выразительности (метафоры и сравнения, создающие предельно субъективный образ восприятия).
Теоретическая и/или практическая значимость обусловлена разработкой теоретической проблемы изменения характера повествования в литературе XX–XXI вв., а также установлением типологической связи между произведениями начала XX в. и конца XX – начала XXI вв., развивающими единую повествовательную тенденцию.

Ключевые слова: действие, жанр романа, образ восприятия, перцепция, повествовательная структура

PERCEPTION AS A NARRATIVE CATEGORY IN MIKHAIL SHISHKIN'S *LARIONOV'S REMINISCENCES* AND *PISMOVNIK*

G. Savelyev
M. V. Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract
Aim. The purpose of the paper is to identify modernist principles of composing a text in modern Russian literature or, to be exact, to identify a tendency for a narrative to be based on perception rather than actions.
Methodology. The research investigates narrative structures of Mikhail Shishkin's *Larionov's Reminiscences* (*One Night Befalls Us All*, 1993) and *Pismovnik* (2010). The quality of these structures correlates with theoretical ideas of José Ortega y Gasset and Vladimir Weidle who postulated the crucial change in the quality of an early 20th century literature narrative (they claimed that a traditional plot was replaced with a sequence of subjective perceptual images). It also investigates syntax and tropes of Shishkin's novels.

© CC BY Савельев Г. А., 2023.

Results. The results of the study are the identification of perceptual images replacing traditional actions in Shishkin's novels. It is shown that the character's perception influences the syntax (nominal sentences and simple sentences with a predicate describing a subject's quality predominate) and tropes (metaphors and similes make highly subjective perceptual image) of novels.
Research implications. The research results contribute to the theory of a narrative change in the 20th and 21st century literature.

Keywords: action, novel genre, image of perception, perception, narrative structure

Введение

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в работе 1930 г. «Мысли о романе» констатировал изменение характера повествовательной прозы, произошедшее в литературе первых десятилетий XX в. Ортега-и-Гассет писал, что роман утратил способность увлекать читателя одним лишь сюжетом как динамической последовательностью действий, событий. Вследствие этого «из жанра повествовательного, косвенного роман делается жанром описательным, прямым» [8, с. 264]. Поясним это положение: по мысли Ортеги-и-Гассета, развитие сюжета, причинно-следственная связь событий в романе уступают место воспроизведению образа мира, *воспринимаемого* повествователем. Подобную мысль высказывал критик русской эмиграции В. В. Вейдле. Характеризуя творчество писателей-модернистов (М. Пруста, Дж. Джойса, А. Белого и др.), Вейдле писал: «…романист всё ещё хочет изображать мир, но он делает это, непрестанно подчёркивая, что мир воспринимает именно он, или его герой, или несколько его героев» [2, с. 16]. Сконцентрированность повествования на субъективном восприятии мироздания – так два исследователя определяли отличительное качество романа начала XX в.

Подобная характеристика была объективно применима к прозаическому творчеству русских писателей-неореалистов начала XX в. (И. Бунина, И. Шмелёва, Б. Зайцева и др.). Об этом течении русской литературы писала У. К. Абишева: «Неореализм начала XX века отходит от эпического охвата действительности» [1, с. 30]. Объективное изображение мира, по мысли исследователя, сменяется «лирической стихией и преобладанием *субъективно-личностного мироощущения* (курсив наш. – *Г. С.*)» [1, с. 30]. Н. М. Солнцева характеризовала неореалистическую традицию повествования (объектом исследования являлось «Лето Господне» (1933–1944) И. Шмелёва) как слияние «лиризма и быта» [7, с. 273], переходящих в «поток образов и впечатлений» [7, с. 273].

Намеченная повествовательная тенденция остаётся продуктивной в современной русской литературе. Подтвердить этот тезис мы можем на материале романов М. П. Шишкина (р. 1961).

Событийность и восприятие в романе «Записки Ларионова»

Повествовательная структура романа «Записки Ларионова» («Всех ожидает одна ночь», 1993) во многом определяется его очевидной связью с традицией мемуарной прозы, для которой характерно «повествование участника или свидетеля общественно-политической, социальной, литературно-художественной жизни о событиях, свидетелем или действующим лицом которых он был…»[1]. Напомним, что главный герой романа – дворянин Ларионов – оказывается участником общественной жизни России 1820–30-х гг., в частности становится свидетелем введения военных поселений и протекающих в Казани дискуссий о польском восстании 1830–1831 гг. История в романе показана сквозь призму сознания героя, или – воспользуемся определением Л. Я. Гинзбург – этот герой становится фокусом «преломления огром-

[1] Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. проф. А. П. Горкина. М.: Росмэн, 2006. 283 с.

ного, бесконечно многообразного мира объективной действительности» [3, с. 243].

Отнесённость «Записок Ларионова» к мемуарной традиции определяет фактографичность повествования, последовательное изложение *событий* и *действий*. Однако самые значимые эпизоды личной жизни главного героя (детство, первая любовь, семейная жизнь) сопровождаются «замедлением» повествования и переориентировкой его на воспроизведение статичных картин мира, образов *восприятия*.

Восприятие в художественном тексте от описания в первую очередь отличает *непосредственность* и естественность этого психического процесса – качества, которые отражаются в самóй повествовательной ткани. Наличие описания всегда вызвано «желанием» повествователя изобразить нечто – однако повествователь не может «хотеть» воспринимать, т. к. процесс этот протекает помимо его воли. Описание образует новую структурную единицу текста, переход к которой, как правило, маркирован определёнными синтаксическими или лексико-грамматическими конструкциями[1], тогда как восприятие – это органичная часть непрерывно протекающего повествования. Наконец, описание «подготовлено» предшествующими событиями текста. Так, если герои романа В. Набокова оказываются на террасе тюремной башни, с которой «открывался вид на расстояние, дух захватывающее»[2], то за этим логически следует описание того, что могли увидеть герои или, вернее, главный герой – Цинциннат. Напротив, восприятие в тексте всегда «внезапно», никак не продиктовано логикой предшествующих действий.

Вглядимся пристальнее в текст «Первой тетради» романа Шишкина. «Помню, что от тёткиных рук всегда разило смесью духов с табачищем, а когда она входила с мороза, табак капал из носа в виде густо окрашенной влаги»[3] – этот фрагмент появляется в тексте как бы «случайно», ничего не проясняя в развивавшемся сюжете отношений тётки Елизаветы Петровны с матерью Ларионова. Последовательное изложение *фактов*, действий («Тётка Елизавета Петровна *вмешивалась*[4] в жизнь нашего дома …, Елизавета Петровна *настаивала* на том, … . Моя мать *обещала*…» и т. д.)[5] завершается совершенно отличной по «лирической тональности» нотой – образом восприятия, опосредованным памятью героя. Объяснить появление такого образа мы можем лишь через механизмы восприятия и памяти: непосредственность и неконтролируемость восприятия соответствует тем же качествам некоторых воспоминаний; образ восприятия в повествовании появляется «внезапно», потому что именно таков принцип действия не «целенаправленной», но «припоминающей» памяти.

Повествование «Записок Ларионова» типологически близко поэтике прозы И. Бунина. Его рассказ «Антоновские яблоки» (1900), в котором, по мысли Ю. В. Мальцева, впервые проявилось «стилевое самосознание писателя» [5, с. 84], состоит из потока картин восприятия, отражённых в памяти повествователя (неслучайно в рассказе часто встречаются глагольные формы: «помню», «вспоминается» и т. д.). Очевидно, для автора «Записок Ларионова» мог оказаться значимым опыт

[1] Приведём пример из романа «Отцы и дети» (1862) И. С. Тургенева: «…заметил Аркадий и *стал глядеть кругом* (курсив наш. – *Г. С.*). Места, по которым они проезжали, не могли назваться живописными. Поля, все поля, тянулись вплоть до самого небосклона…». Переход к объективному панорамному описанию местности производится благодаря действию одного из героев, выраженному грамматически (форма совершенного вида прошедшего времени глагола ‘стать’, указывающая на начало действия), а также семантически (лексическое значение глагола ‘глядеть’ и наречия ‘кругом’, указывающего на направление взгляда). Текст романа цит. по: Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. Отцы и дети: роман; Повести и рассказы; Дым: роман, 1861–1867. М.: Наука, 1981. С. 15.

[2] Набоков В. В. Приглашение на казнь // Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2002. С. 68.

[3] Шишкин М. Записки Ларионова: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 19.

[4] Здесь и далее в цитатах из романов М. Шишкина курсив наш – *Г. С.*

[5] Шишкин М. Записки Ларионова: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 18.

бунинской «поэтики восприятия»: запахи, звуки старой усадьбы, вкусовые ощущения, воспринимаемые сквозь призму памяти, – эти элементы мы находим и в романе Шишкина (ср. приведённый выше отрывок из «Записок Ларионова» с отрывком из рассказа Бунина: «Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок…»[1]).

Приведём другой фрагмент из описания детских «вакаций» Ларионова: «Как сейчас *чувствую кожей* жаркий душный деревенский полдень, а ноздри щекочет резкий плесневелый *запах* слежавшихся книг»[2]. В приведённом предложении создаётся сложный перцептивный образ, включающий осязательные и ольфакторные детали восприятия (подобно этому в первом приведённом нами примере восприятие запаха сочетается со зрительным образом). Как писал А. В. Леденев, отличительной стилевой характеристикой русской прозы XX в. является «сенсорная отзывчивость образа, его способность “одномоментно” будить в читателе целую палитру ощущений» [4, с. 131]. В этом смысле Михаил Шишкин, очевидно, наследует опыт русской прозы XX в., продолжая «тенденцию поэтизации прозы» [4, с. 132]. Изменение глагольного времени в повествовании (ср. предложение перед приведённым фрагментом: «Даже вакации я *проводил* за чтением»[3]) указывает на то, что герой будто вторично переживает отрывок своего детства, повествует не с временно́й дистанции, а как бы «изнутри» – из само́го детства.

Подчеркнём, что в романе «Записки Ларионова» субъективный образ мира создаётся не только благодаря перцептивной многомерности, но также при помощи исключительно художественных средств. Повествователь использует метафоры, становящиеся уникальной словесной оболочкой для образов восприятия: «Ударили крещенские морозы. Дымы поднимались к небу *замёрзшими твёрдыми столбами*»[4]; «В глазах рябило от *глыб халвы*, … всюду были *пирамиды* засахаренных слив, вишен, груш»[5]; «Гроза уже *перезревала*…»[6]. Ту же функциональную нагрузку несут на себе сравнения: «…при малейшем ветерке с яблонь валило, *как из подушки*…»[7] – так своё ощущение от увиденных цветущих яблонь повествователь передаёт на словесном уровне.

Мировосприятие героев в романе «Письмовник»

Наиболее близок по типу организации повествования к «Запискам Ларионова» роман «Письмовник» (2010), также актуализирующий классическую жанровую форму – эпистолярного романа. Условная коммуникация героев романа (нарушаемая уже тем, что героиня продолжает отправлять возлюбленному «письма» даже после его смерти) направлена на то, чтобы передать друг другу образ своей жизни, сводимой к триаде: люди, события, восприятие природного мира.

Несомненно, чувство любви героев и наступившая разлука образуют отправную точку повествования. Роман начинается с выстраивания героями образа прошлой жизни: счастливого дачного лета, городских встреч и т. д. Сюжет в этих первых письмах-главах движется хаотично, отдельные эпизоды жизни не объединены линейной последовательностью, но подчинены логике памяти пишущего. Конкретное действие кажется «разреженным»[8], вместо него образующим текст компонентом выступает образ восприятия повествующего. Так, героиня Саша вспоминает мир прошлого в его

[1] Бунин И. А. Полное собрание рассказов в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2020. С. 107.

[2] Шишкин М. Записки Ларионова: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 26.

[3] Там же.

[4] Шишкин М. Записки Ларионова: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 160.

[5] Там же. С. 255.

[6] Там же. С. 278.

[7] Там же. С. 175.

[8] Подобная «воздушная» метафора была использована Ортегой-и-Гассетом в его работе, цитированной нами выше: «…роману была уготована судьба атмосферного, воздушного жанра» [8, с. 279].

конкретных визуальных образах: «…наш стол под сиренью, покрытый клеёнкой с бурым треугольником…»[1]; «…ты прошёл утром по траве и на солнце будто оставил сверкающую лыжню»[2]; «Полезли в плёс, … Вода мутная, солнечная»[3] и т. д. Феномен восприятия на синтаксическом уровне передаётся односоставными назывными предложениями («Кареглазые коровы. На тропинке – козьи орешки»[4]) и двусоставными простыми, не осложнёнными причастными или деепричастными оборотами («Лес на закате зубчатый»; «…язык и зубы у нас от черёмухи чёрные»; «И запахи из сада! Такие густые, плотные, прямо взвесью стоят в воздухе»[5] – в последней цитате назывное восклицательное предложение плавно переходит в двусоставное).

Образы прошлого перцептивно многомерны, воздействуют сразу на несколько сенсорных систем читателя (ср.: «Ты только что из поликлиники, со свежей пломбой в зубе – *запах зубного кабинета* изо рта. Разрешил мне *потрогать пломбу пальцем*»[6] – образ, в котором задействованы обоняние и осязание повествователя). Такому же принципу создания образа восприятия автор следует в письмах героя Володи. Герой вспоминает: «Так хорошо было лежать и писать всякую чушь в дневнике, прислушиваясь к *шороху дождя* по крыше и *зудению комаров* на веранде»[7] – повествование в его первых письмах также строится на отсутствии конкретных действий и перенесении внимания на восприятие (в приведённой цитате – именно восприятие звуков). Приведём продолжение отрывка из письма Володи: «Выглянешь в окно – там яблони от тумана безногие. На бельевой верёвке прищепки мокнут, с них каплет»[8]. Звуковая характеристика образа восприятия («шорох дождя» и «зудение комаров») соединяется со зрительной, при этом зрение героя обеспечивает его способностью масштабировать изображение в памяти (от изображения крупных объектов, таких, как яблони, – к мелким деталям, каплям воды на прищепках). Итак, образ прошлого для обоих героев – это во многом образ того мира, в котором они пребывали или, вернее, который они воспринимали.

Раскрытие духовного потенциала главных героев во многом происходит благодаря их попыткам приблизиться к пониманию внутреннего мира своих родных. Отношения с родителями – одна из центральных тем романа, и на уровне повествования она раскрывается в традиционной манере изложения событий, происшествий. Однако повествование в этих письмах также охарактеризовано стремлением героев передать чувственно воспринимаемый образ мира, воссоздать пространство, в котором происходили значимые для них события, и вновь «войти» в него. Письмо Саши, «темой» которого становится её первая поездка на море, – один из примеров такой повествовательной субъективации образа памяти. Своё восприятие морской стихии она передаёт рядом метафор и сравнений, например: «Выбежала на мостик, а он *взорвался от прибоя* – и я сразу получила от моря *мокрую пощёчину*» [9]; «Настил набережной – дощат, от брызг прозрачен, *будто дыры в небо*, и в досках отражение чаек»[10]. Метафора здесь служит средством предельной художественной субъективации образа, сочетаясь с отчётливой зрительной деталью («отражение чаек»). Непосредственность восприятия передают простые предложения, в которых предикат выражает не конкретное действие, но свойства субъекта: «Мол бел»; «Галька раскалена, в прибое шипуча»[11]. Связка ‘быть’ используется именно в форме настоящего времени (форма ‘есть’ в предложении опускается), что приближает повествователя к переживанию мгновений прошлого в «вечном настоящем».

[1] Шишкин М. Письмовник: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 10.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 17.
[4] Там же. С. 10.
[5] Там же. С. 10–11.
[6] Там же. С. 16.
[7] Там же. С. 36–37.
[8] Там же. С. 37.
[9] Там же. С. 44.
[10] Там же.
[11] Там же. С. 44–45.

Стиль как реализация мировоззрения

Мы видим, что категория восприятия становится характерной стилистической чертой творчества Шишкина[1]. Значимость этого явления заставляет нас задуматься о его генезисе. Очевидно, повествовательная субъективация образа восприятия является сознательной авторской установкой и может считаться реализацией авторского мировоззрения.

Важным положением мировоззренческой системы Шишкина является мысль о слиянии человека с природным миром, субъекта восприятия с объектом. Автор не формулирует, но скорее описывает эту мысль в автобиографическом рассказе «Пальто с хлястиком» (2010)[2]. Повествование в рассказе совершает круговое движение. Начиная с воспоминания об одном из первых детских путешествий – с «мглистых дачных утр 72-го»[3], – рассказчик далее перебирает важнейшие события своей жизни: московское школьное детство, знакомство с «Колымскими рассказами» и «Архипелагом ГУЛАГ» в юности, болезнь и смерть матери, замыслы собственных романов и т. д. Однако в конце он возвращается всё к тому же детскому путешествию. Эта сюжетная линия становится главной в рассказе, так как сопровождается описанием акта первого художнического прозрения героя. Выходя ночью в уборную (характерное для текстов Шишкина сочетание тематически «низкого» с «возвышенным»), герой впервые «замечает» протекающую рядом с ним жизнь мироздания и интуитивно постигает глубинную значимость и ценность «видимой», «слышимой», «осязаемой» и «обоняемой» материи. Эта сцена сопровождается единовременным обострением всех чувств повествователя: «Будто у всего мира кругом оказалась моя кожа, продрогшая от августовского утренника» (осязание)[4]; «…проходил здесь столько раз – и не замечал, а теперь увидел, будто впервые, и этот куст жимолости, и рябину…» (зрение) [5]; «…далёкий гул моторки с реки, лай собак из деревни на том берегу, тревожный крик ночной птицы…» (слух)[6] и т. д. Восприятие материальной действительности описывается в контексте осознания подлинного смысла бытия и слияния с окружающим миром: «Вдруг ощутил себя не у куста посреди тумана, а посреди мироздания. Да я и был мирозданием. В первый раз я тогда испытал это удивительное чувство. … Тогда впервые всё замкнулось, стало единым целым»[7].

Процесс слияния человека с природным миром может быть рассмотрен под другим углом зрения: не как восприятие человеком природы, но как осознание природой своей целостности через человека (ср. в рассказе: «…это не я чувствую, что у леса прелый запах изо рта, а это вселенная принюхивается к себе моими ноздрями»[8]). А. Скотницка рассматривает героя шишкинского рассказа в качестве «пассивного объекта воздействия трансцендентной силы» [6, с. 83], как бы оспаривая традиционное представление об активном созидательном начале художника-субъекта, вступающего в отношения с природой-объектом. Мысль исследовательницы о том, что герой Шишкина – это «медиум, находящийся “между”, то есть нигде и везде: … , исчезающий, переливающийся в мир» [6, с. 83], подтверждает наше предположение о значимости отношений «чело-

[1] В практической части нами были рассмотрены два романа писателя из четырёх, однако именно этими произведениями начинается («Записки Ларионова») и завершается («Письмовник») корпус романов Шишкина. Иными словами, автор начинает своё романное творчество с тематической линии восприятия и протягивает её до последнего текста большой формы.

[2] Герой рассказа, в сущности, замещает личность самого автора. Явные автобиографические детали (школа на Арбате, канадские хоккеисты, болезнь матери и т. д.) позволяют нам рассматривать рассказ не просто как художественный текст, но как комментарий автора к собственной мировоззренческой позиции.

[3] Шишкин М. Пальто с хлястиком: короткая проза, эссе. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 10.

[4] Там же. С. 29.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 30.

[8] Там же. С. 10.

век – мироздание» в мировоззренческой системе писателя – и также о реализации этого мировоззрения в романах «Записки Ларионова» и «Письмовник».

Заключение

Обобщим сказанное выше. Намеченное исследователями первой половины XX в. изменение смыслового и эстетического «центра тяжести» романа стало продуктивной тенденцией для русской прозы XX в. Так, организация повествования на основе ассоциативного сцепления образов восприятия была характерна для творческой практики русских писателей-неореалистов. Анализ художественного материала романов Михаила Шишкина подтверждает нашу мысль о том, что указанная тенденция сохраняется и в современной русской литературе, а также косвенно подтверждает факт преемственности и усвоения опыта модернистов начала XX в. современными писателями. Кроме того, нами показано, что за стилистическими и повествовательными особенностями творчества писателя кроется мировоззренческая система, представление о неразрывном существовании человеческого сознания и природного мира.

Статья поступила в редакцию 27.10.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абишева У. К. Неореализм в русской литературе 1900–1910-х годов. М.: Московский университет, 2005. 284 с.
2. Вейдле В. Умирание искусства / сост., авт. послесл. В. М. Толмачёв. М.: Республика, 2001. 447 с.
3. Гинзбург Л. О психологической прозе. 2-е изд. Л.: Художественная литература, 1976. 448 с.
4. Леденев А. В. Сенсорная реактивность как свойство поэтики Михаила Шишкина // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков: SCRIPTUM, 2017. С. 131–146.
5. Мальцев Ю. В. Иван Бунин, 1870–1953. М.: Посев, 1994. 432 с.
6. Скотницка А. Между утратой и надеждой. Книга книг Михаила Шишкина // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков: SCRIPTUM, 2017. С. 65–88.
7. Солнцева Н. М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество: *Жизнеописание*. М.: Эллис Лак, 2007. 512 с.
8. Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры / вступ. ст. Г. М. Фридлендера; сост. В. Е. Багно. М.: Искусство, 1991. 588 с.

REFERENCES

1. Abisheva U. K. *Neorealizm v russkoi literature 1900–1910-kh godov* [Neorealism in Russian literature of the 1900–1910s.]. Moscow, Moscow University Publ., 2005. 284 p.
2. Weidle W. The Dying of Art (Rus. ed.: Tolmachyov V. M., comp. *Umiranie iskusstva*. Moscow, Respublika Publ., 2001. 447 p.).
3. Ginzburg L. *O psikhologicheskoi proze* [About Psychological Prose]. Leningrad, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1976. 448 p.
4. Ledenev A. V. [Sensory Reactivity as a Property of Mikhail Shishkin's Poetics]. In: Skotnickaya A., Svezhy Ya., eds. *Znakovye imena sovremennoi russkoi literatury: Mihail Shishkin* [Symbolic Names of Modern Russian Literature: Mikhail Shishkin]. Krakov, SCRIPTUM Publ., 2017, pp. 131–146.
5. Mal'tsev Yu. V. *Ivan Bunin, 1870–1953* [Ivan Bunin, 1870–1953]. Moscow, Posev Publ., 1994. 432 p.
6. Skotnicka A. [Between Loss and Hope. The Book of Books by Mikhail Shishkin]. In: Skotnickaya A., Svezhy Ya., eds. *Znakovye imena sovremennoi russkoi literatury: Mihail Shishkin* [Symbolic Names of Modern Russian Literature: Mikhail Shishkin]. Krakov, SCRIPTUM Publ., 2017. Krakov: SCRIPTUM, 2017, pp. 65–88.
7. Solntseva N. M. *Ivan Shmelyov. Zhizn' i tvorchestvo: Zhizneopisanie* [Ivan Shmelev. Life and Work: Biography]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2007. 512 p.
8. Ortega y Gasset J. The Aesthetic. Philosophy of Culture. Dehumanization of Art. What is Philosophy? (Rus. ed.: Bagno V. E., comp. *Estetika. Filosofiya kul'tury*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 588 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савельев Глеб Андреевич – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: gleban.savelev@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gleb A. Savelyev – Postgraduate student, Department of Russian Literature of 20th Century, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: gleban.savelev@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Савельев Г. А. Восприятие как повествовательная категория в романах М. П. Шишкина «Записки Ларионова» и «Письмовник» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 108–115.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-108-115

FOR CITATION

Savelyev G. A. Perception as a Narrative Category in Mikhail Shishkin's *Larionov's Reminiscences* and *Pismovnik*. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology,* 2023, no. 1, pp. 108–115.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-108-115

РЕЦЕНЗИИ

ОПЫТ ЖИВОПИСИ В ПОЭТИКЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПОТАШОВА К. А. ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА В АСПЕКТЕ УСВОЕНИЯ ОПЫТА ЖИВОПИСИ. М.: ФЛИНТА, 2021. 321 С.

Шевцова Л. И.
Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

THE EXPERIENCE OF PAINTING IN THE POETICS OF RUSSIAN LITERATURE OF THE LATE XVIII – FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY. BOOK REVIEW: POTASHOVA K. A. TRADITIONS AND INNOVATION OF RUSSIAN LITERATURE OF THE LATE XVIII – FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY IN THE ASPECT OF MASTERING THE EXPERIENCE OF PAINTING. MOSCOW, FLINTA PUBL., 2021. 321 P.

L. Shevtsova
Moscow Region State Pedagogical University
ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Из всех видов искусств ближайшим к искусству слова, несомненно, является живопись – и не только в силу своей наглядности, но и по признакам своего содержания, по масштабности охвата явлений жизни. В пространстве предметного мира всё подвластно наглядному изображению кисти в объёме и цветовой гамме. Указанные свойства сближают литературу и живопись. С давних времён поэты и писатели сравнивали искусство слова с живописными произведениями. В родстве двух муз рождались великолепные образы природы и человека.

Современное литературоведение всё чаще обращается к изучению синтеза живописи и литературы в творческом наследии русских авторов – примеры тому исследования И. А. Айзиковой[1], А. А. Жихаревой[2], Н. В. Злыдневой[3], И. А. Киселевой[4], М. И. Седовой[5] и др. Тем не менее, исследовательских трудов, раскрывающих родовую связь двух видов искусств, недостаточно, если иметь в виду их огромную роль в становлении и развитии эстетических представлений. Монография К. А. Поташовой «Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта жи-

[1] Айзикова И. А., Воробьёва Т. Л. Восприятие изобразительного текста: проблематизация, актуализация, новые методологические подходы // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 30. С. 37–57.

[2] Жихарева А. А. Концепции визуализации: становление, развитие и формы проявления // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 7. С. 273–281.

[3] Злыднева Н. В. Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. М.: Индрик, 2013. 360 с.

[4] Киселева И. А. Принцип и смысл обратной перспективы в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Парус» (1832) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 120–126; Киселева И. А., Поташова К. А. Особенности поэтического экфрасиса в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец» (1835): от черновика к беловику // Научный диалог. 2021. № 4. С. 240–253.

[5] Седова М. И. Изображение и текст // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1. Т. 2. С. 72–74.

© CC BY Шевцова Л. И., 2023.

вописи» представляется актуальной, необходимой для выработки системных представлений о связи и соотношении двух важнейших искусств: литературы и живописи. Выбранный вектор исследования проблемы и исторический период, к которому обращается исследовательница, не случаен. Именно в это время истории русской словесности происходят кардинальные изменения поэтики: формируется новый взгляд на искусство в целом, его роль в общественной жизни, его соотнесённость с действительностью. Напряжённые поиски новых форм связаны со стремлением отыскать совершенную художественную формулу, отражающую самый высокий идеал правды и красоты. В этой связи усвоение опыта живописи действительно становится одним из ключевых факторов в процессе развития лучших многовековых традиций русской культуры и формирования новаторских черт русской литературы, которые определяли её стремительное развитие на протяжении всего XIX в.

Исследование К. А. Поташовой отличается широтой обзора проблемы взаимодействия повествовательного и описательного начал в словесном художественном образе, взаимодействия вербального и визуального в поэтике литературы. Широта обзора сочетается с конкретным анализом множества историко-литературных, культурных факторов и событий изучаемой эпохи.

В первой главе исследования рассматриваются те аспекты дворянской культуры, которые связаны с формированием более тесного взаимодействия визуального и словесного в эстетике рубежа XVIII–XIX вв. Художественное образование во многом определило, как показано в книге К. А. Поташовой, творческий выбор многих русских классиков: Державина, Пушкина, Лермонтова, – их интерес к поэзии как искусству, обладающему яркой живописностью в воссоздании гармонии и красоты. Изучение взглядов поэтов на живопись, их кропотливой работы над оформлением изданий даёт возможность более чёткой конкретизации этапов эстетической эволюции многих художников, в творчестве которых ярко отразились значимые элементы визуального начала (Державин, Жуковский, Грибоедов, Батюшков и др.).

Выявление личных, творческих связей с кругом художников-современников позволяет более широко представить культурный контекст эпохи. В особенности интересны личные связи писателей с художниками указанной поры. Контакты Пушкина с художником-графиком А. О. Орловским; Лермонтова – с живописцем Г. Г. Гагариным. Немаловажно и то, что К. А. Поташова рассматривает собственный дар Лермонтова как живописца, органично воспринявшего новую живописную технику К. П. Брюллова, в частности – искусство психологического портрета. Сближение эстетики и философии Брюллова с системой взглядов Пушкина и Лермонтова даёт новый импульс глубинного изучения аксиологии гениев русской литературы.

Во второй главе рассматривается портретное искусство в контексте диалога живописи и литературы. Восприятие европейского искусства русскими литераторами конца XVIII в., в частности, как отмечено в книге, трактовка Карамзиным живописи в «Письмах русского путешественника»[1], сформировали эстетический вкус многих будущих авторов, в числе которых были Пушкин и Лермонтов. Опора на пластические образы живописи становится отправной точкой в характеристике литературных типов, сравнение труда живописца и поэта также является устойчивой константой поэтического бытия наших поэтов и в обработке романтических образов, и в реалистических картинах действительности. Реминисценции из европейских произведений живописи XVI–XVII в. служат основой символических обобщений многих характерных черт как облика, так и описываемого явления. Те или иные обра-

[1] Поташова К. А. Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи / науч. ред. И. А. Киселева. М.: Флинта, 2021. С. 110.

зы отождествляются с красотой, любовью, поэзией. Картины служат не только предметом интерьера во многих произведениях русской литературы, но и метафорой, раскрывающей глубинные философские смыслы. И это были, как верно указывает исследовательница, не отдельные яркие, удачные «находки» в системе поэтических средств поэтов и писателей. Эстетическое мышление наших авторов, действительно, было неотделимо от живописного созерцания. Потому в художественных системах Пушкина и Лермонтова[1] понятие «картина» реализует многочисленные функции: предмет интерьера, средство оценки, риторическая фигура и т. п.

Несколько параграфов исследования посвящено скрупулёзному анализу влияния Рафаэля в наследии Жуковского, Пушкина, Лермонтова. Живопись Рафаэля явилась эталоном совершенства, идеала, к которому стремилось романтическое искусство 10-20-х гг. XIX в. Рафаэль становится образцом творческого Божественного вдохновения, зримого достижения истинной высоты в искусстве, потому образ гениального живописца, одухотворённого высокими религиозно-нравственными чувствами, органично вошёл в художественный мир русских авторов, стал, как справедливо отмечает К. А. Поташова, «родным для русских поэтов»[2].

Не менее близким по духу Пушкину и Лермонтову становится и другой великий художник – Рембрандт. Элементы его живописной системы, в частности световые решения, нашли отражения во многих произведениях русских классиков.

В третьей части работы рассматривается влияние элементов живописи на образы природы, внешнего мира в русской словесности. Как отмечает исследовательница, пластичность, цветовая палитра, особенности света и тени в живописи помогали в словесном искусстве осмыслить многие нюансы и духовной жизни. В работе представлен очень тонкий анализ словесно-живописного начала в поэзии Державина и Лермонтова. Цветовая палитра многих стихотворений соответствует «спектру лексических единиц»[3], «система холодных и тёплых оттенков»[4] – всё служит созданию не только яркого зрительного образа, но и сопутствующего ему образа-чувства, определяющего яркую эмоциональную окраску поэзии Державина. Лермонтов, вслед за Державиным, в своих картинах, как словесных, так и живописных, стремится отразить полноту зрительного впечатления. В этом смысле его словесная техника, взаимодействие света и цвета передаёт «систему связей в природе»[5]. Словесные пейзажи приобретают свойства панорамного изображения, отражающего философскую доминанту поэтического созерцания мира.

В творчестве Боратынского автор отмечает выраженную гамму чувств лирического героя, соответствующую его тактильным и обонятельным ощущениям[6]. Эта динамика впечатлений (ощущение прохлады, аромата цветов) отражает многообразие как самого восприятия природы, красоты мира, так и внутренних, богатых, разнообразных чувств человека, его возможности постижения гармонии и красоты, соотнесения непосредственных чувственных впечатлений с воспоминаниями, мечтами и идеалами. Таким образом, живописные приёмы формируют яркий живописный стиль, отражающий восприятие (видение) природных и бытовых картин, авторское осмысление мироустройства[7].

Заключительная, четвёртая, глава посвящена изучению исторических картин в творчестве русских писателей и поэтов. Батальные оды Державина и Батюшкова благодаря визуальным образам достигают панорамности изображения, зрелищности, эмоциональной насыщенности.

[1] Поташова К. А. Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи / науч. ред. И. А. Киселева. М.: Флинта, 2021. С. 128.

[2] Там же. С. 118.

[3] Там же. С. 236.

[4] Там же. С. 237.

[5] Там же. С. 249.

[6] Там же. С. 277.

[7] Там же. С. 295.

Художественное внимание к цветовым образам позволяет сконцентрировать внимание на важнейших деталях сражения, зафиксировать героический облик воина. Описание военных сражений, таким образом, как никакое другое изображение требует освоения техники живописи. Блестящим результатом такого взаимодействия как раз и становятся произведения Державина и Батюшкова, в которых художественное зрение выполняет «текстообразующую, изобразительную, гносеологическую функцию»[1].

Образ Москвы занимает важное место в русской словесности первой трети XIX в. Москва, поражённая огненной стихией в 1812 г., воплощала скорбь сограждан о поруганном Отечестве, национальных святынях и зажгла в сердцах людей пламень патриотизма и отваги. Такой образ Москвы немало способствовал развитию и своеобразному укреплению именно живописной техники в русской поэзии.

Образ Кавказа также является неотъемлемой частью исторических картин русских авторов. Эволюцию данного образа К. А. Поташова рассматривает в парадигме Ломоносов – Лермонтов. Ломоносову Кавказ виделся державным символом могущества русской империи. Державин и Жуковский представляли романтическую строгость, загадочность кавказских фигур, насыщая описание зримыми и слуховыми образами. Постепенно образ Кавказа «приобретает новые смысловые ассоциации»[2]: экзотическая красочность уступает место реалистически точным, не менее ярким по силе изображения, картинам, сопровождаемым аналитическими размышлениями об исторических особенностях взаимоотношений с кавказским миром, появляются этнографически точные зарисовки жизни и нравов горцев. Отношение к Кавказу «сближает творческие миры Грибоедова и Лермонтова»[3], позволяет выделить визуальный контекст творческого диалога.

Значимым для русской литературы оказывается и влияние исторической живописи Брюллова на творчество Пушкина и Лермонтова. Как отмечено в книге, для современников поэтов размышления о гибели Помпеи способствовали более зримому постижению исторического процесса, в котором картина Брюллова, пожалуй, для каждого поколения является поучительным напоминанием о бренности существования, беззащитности человека перед стихией. Русских авторов привлекал прежде всего духовный смысл изображённой трагедии, а также постижение сути трагического в искусстве через живописное, зримое его воплощение.

Монография К. А. Поташовой отличается насыщенностью документальными источниками, в числе которых воспоминания, письма, заметки, статьи, большой объём художественных текстов и комплекс живописных полотен художников. Богатый иллюстративный материал свидетельствует о тщательной проработке и систематизации материалов исследования. Детальному, глубокому осмыслению проблемы предшествовал немалый труд по изучению научных работ, посвящённых теме исследования. Широкий спектр научных материалов, привлечённых в монографии, позволяет выявить новизну исследования, разработать логику анализа, достоверно определить исторические особенности соотношения вербального и визуального начал в художественном мире русских поэтов и писателей конца XVIII – первой трети XIX вв. В этом взаимодействии, как отмечает автор объёмного и сложного труда, характерной чертой литературного процесса указанной эпохи является более широкое использование приёмов живописи в создании поэтических текстов, «расширение границ воздействия созданных словесных художественных образов на чувства и разум читателя»[4].

[1] Поташова К. А. Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи / науч. ред. И. А. Киселева. М.: Флинта, 2021. С. 308.

[2] Там же. С. 323.

[3] Там же. С. 325.

[4] Там же. С. 359.

Книга К. А. Поташовой «Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи» адресована широкому кругу читателей: не только специалистам-филологам, искусствоведам, но и всем интересующимся историей русской культуры. Строго научный стиль изложения сочетается в книге с ясностью и чёткостью мысли, доступной пониманию вдумчивого читателя.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шевцова Лариса Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного педагогического университета; e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa I. Shevtsova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шевцова Л И. Опыт живописи в поэтике русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века. Рецензия на книгу: Поташова К. А. Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи. М.: Флинта, 2021. 321 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 116–120.

FOR CITATION

Shevtsova L. I. The Experience of Painting in the Poetics of Russian Literature of the Late 18th – First Third of The 19th Century. Book Review: Potashova K. A. Traditions and Innovation of Russian Literature of the Late 18th – First Third of the 19th Century in the Aspect of Mastering the Experience of Painting. Moscow, Flinta Publ., 2021. 321 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology,* 2023, no. 1, pp. 116–120.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛЕКАНТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2022»

Орехова Е. Н.
Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “LEKANT READINGS – 2022”

E. Orekhova
Moscow Region State Pedagogical University
ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

18 ноября 2022 г. на факультете русской филологии Московского государственного областного педагогического университета состоялась Международная научная конференция «Лекантовские чтения – 2022», организатором которой традиционно выступила кафедра современного русского языка имени профессора П. А. Леканта.

Юбилейная конференция была посвящена памяти замечательного российского учёного Павла Александровича Леканта – заслуженного деятеля науки РФ, почётного профессора МГОУ, академика МАНПО, автора научных монографий, посвящённых важнейшим проблемам русской грамматики, учебников, учебных пособий, сборников упражнений для студентов вузов, многочисленных статей и, что очень важно, создателя собственной школы в отечественной лингвистике.

«Выдающийся учёный, духовно богатый человек, пример настоящей любви к своей стране и к своему языку», – так отзывались о П. А. Леканте коллеги и ученики. Глубочайшее уважение вызывает филологическое наследие П. А. Леканта, богатство и многообразие его научных идей, которые сегодня развивают не только его последователи, но и все, кто интересуется проблемами современной грамматики, современной русской речи.

Работа конференции строилась согласно следующим направлениям:

– Рациональное и эмоциональное в грамматике современного русского языка;

– Рациональное и эмоциональное в лексике, фразеологии, концептосфере современного русского языка;

– Рациональное и эмоциональное в текстах разных функциональных стилей;

– Проблемы методики преподавания русского языка.

В фокусе внимания участников пленарного заседания П. А. Лекант как учёный, педагог, языковая личность. Доклад профессора Маркеловой Татьяны Викторовны, доктора филологических наук, первого проректора – проректора по учебной работе, профессора кафедры журналистики и массовых коммуникаций АНО ВО «Институт современного искусства» (г. Москва), «Эмоциональное пространство в грамматическом учении П. А. Леканта: смыслы и формы» был посвящён лингвокультурному потенциалу науч-

© CC BY Орехова Е. Н., 2023.

ного наследия глубокого знатока русского языка П. А. Леканта. По мнению докладчика, «не провозглашая идею антропоцентризма, учёный, по существу, представил в своих работах различные грамматические явления в их динамике и взаимосвязи, отражающей особенности проявления русской языковой личности. Он показал, как структурируется наше языковое сознание, как формируется грамматическая картина мира говорящего по-русски человека, какие национально-культурные особенности составляют её неповторимое своеобразие»[1].

Профессор Колесникова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка МПГУ (г. Москва), выступила с докладом «Концептуально-семантическое поле "любовь" в тексте А. С. Пушкина "Евгений Онегин"». Автор подчеркнул значимость концепта «любовь» в концептуально-образной системе романа, выявил два плана его представления, предметно-понятийный и сюжетно-тематический, обозначил центральные сюжетно-тематические микрополя в рамках изучаемого семантического поля.

Доклад профессора Мониной Тамары Степановны, доктора филологических наук, профессора кафедры общегуманитарных дисциплин Института деловой карьеры (г. Орехово-Зуево), «Грамматическая синонимия в синтаксической концепции П. А. Леканта» был посвящён специфике синтаксической синонимии в русском языке, роли понятийных категорий в формировании синонимических рядов в русском синтаксисе, а также грамматическим значениям синтаксических синонимов. Как отметил докладчик, тщательное изучение синтаксической синонимии возможно с учётом критериев, разработанных в грамматической концепции П. А. Леканта.

Профессор Шмелёва Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород), сделала доклад на тему «Изъяснительные предложения с "пустым модусом"», в котором предложила «опыт рассмотрения изъяснительных предложений, в конструктивном плане основанных на союзной технике сложного предложения, а в семантическом – представляющих собой парадоксальное явление: модус как главный в смысловом отношении элемент оказывается семантически не наполненным, или пустым»[2]. Автор приходит к выводу об автономности техники и семантики сложной конструкции, что обогащает представления о сложном предложении как синтаксической единице.

Профессор Алтабаева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор МПГУ (г. Москва), выступила с докладом «Лингвокультурный потенциал грамматической концепции П. А. Леканта», в котором выделила основные идеи грамматической концепции учёного, имеющие антропоориентированную и лингвокультурную направленность, обозначила особенности их реализации, позволяющие показать национально-культурную специфику исследуемых грамматических форм и синтаксических конструкций.

В работе секций приняли участие учёные-филологи из различных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Ярославля, Нижнего Новгорода, Коломны, Мичуринска, Пензы, Кирова, Ульяновска, Рязани, Самары, Ельца, Сызрани, Арзамаса, Брянска, Великого Новгорода, Орехова-Зуева, Люберец – а также зарубежных стран: Беларуси (г. Витебск), Венгрии (г. Будапешт), Словакии (г. Ружомберок). Представленные доклады, посвящённые

[1] Маркелова Т. В. Эмоциональное пространство в грамматическом учении П. А. Леканта: смыслы и формы // Лекантовские чтения – 2022: материалы Международной научной конференции (МГОПУ, г. Москва, 18 ноября 2022 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. М.: МГОУ, 2022. 1 CD-ROM. С. 10.

[2] Шмелёва Т. В. Изъяснительные предложения с "пустым модусом" // Лекантовские чтения – 2022: материалы Международной научной конференции (МГОПУ, г. Москва, 18 ноября 2022 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. М.: МГОУ, 2022. 1 CD-ROM. С. 167.

актуальным вопросам русской лексики, грамматики и стилистики, языку СМИ, а также проблемам методики преподавания русского языка, углубили представления о проявлении рационального и эмоционального, объективного и субъективного в русском языке. Высокий научный уровень выступлений, разнообразные формы подачи материала определили значительный интерес к ним и активное их обсуждение.

Участники и гости научной конференции отметили её высокий организационный уровень, а также значительный вклад в развитие отечественной лингвистической науки, изучающей «язык в человеке» и «человека в языке», описывающей актуальные языковые процессы в их динамике и своеобразии.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: toptygina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena N. Orekhova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Modern Russian named after prof. P. A. Lekant, Moscow Region State University;
e-mail: toptygina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Орехова Е. Н. Международная научная конференция «Лекантовские чтения – 2022» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 121–123.

FOR CITATION

Orekhova E. N. International Scientific Conference “Lekant Readings – 2022”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 1, pp. 121–123.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным педагогическим университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2023. № 1

Над номером работали:
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик И. А. Улиткин
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.philologymgou.ru
www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,75, уч.-изд. л. 9,75.
Подписано в печать: 14.02.2023 г. Дата выхода в свет: 07.03.2023 г. Заказ № 2023/02-09.
Отпечатано в МГОПУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А